

• БЕЛАЯ АРМИЯ • БЕЛОЕ ДЕЛО •

4

**БЕЛАЯ АРМИЯ
БЕЛОЕ ДЕЛО**

**ИСТОРИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АЛЬМАНАХ**

№ 4

ЕКАТЕРИНБУРГ

97

Редакция альманаха глубоко
признательна ЗАО ИФПК
«Серовинвест» за финансовую и
Калаеву Дмитрию Владимировичу за
техническую поддержку издания.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «БЕЛАЯ РОССИЯ»

БЕЛАЯ АРМИЯ БЕЛОЕ ДЕЛО

**Исторический
научно - популярный
АЛЬМАНАХ**

№4

ЕКАТЕРИНБУРГ

1997

Очередной номер альманаха «Белая армия. Белое дело» продолжает освещение различных аспектов истории Белого движения в годы Гражданской войны в России. Авторы статей и материалов вводят в оборот многие неизвестные ранее факты и документы и на их основе принимают попытку правдивого воссоздания исторических картин прошлого. Специальный раздел альманаха посвящен раскрытию малоизученных страниц белоэмиграции. Издание рассчитано на всех, кому не безразлична судьба России.

**Научный редактор альманаха
ДМИТРИЕВ Н.И.**

- Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением авторов публикаций
- Перепечатка только с разрешения редакции

©НИЦ «БЕЛАЯ РОССИЯ»
©Дмитриев Н.И. Составление, редакция.
Екатеринбург, 1997
©Сакнынь Ю.П. Оформление. 1995

ОТ РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели! Все дальше уходят в историю события начала XX века. Восемьдесят лет минуло с того дня, когда все в России перевернулось и начался отсчет Гражданскому противостоянию. Но до сих пор раны, нанесенные братоубийственной войной, не дают покоя как седовласым, немногочисленным уже встеранам первой волны эмиграции, так и их более молодым соотечественникам. Об этом свидетельствуют многочисленные письма в редакцию, в которых читатели выражают поддержку нашим начинаниям. Спасибо Вам за добрые слова, пожелания, советы. Поверьте, они являются хорошим моральным стимулом для последующей деятельности Центра.

В очередном номере Вы найдете наши известные разделы. Читатель вновь встретится с некоторыми уже знакомыми ему авторами, выступающими с неординарными материалами. Так, Ю.П.Доронин возвращает нас к неисследованным страницам истории отечественной авиации, а С.Г.Шушпанов продолжает свою работу о «Забытой дивизии». Особый интерес на наш взгляд представляет публикация списочного состава офицеров 10 Северного Печорского стрелкового полка, предпринятая М.В.Таскаевым. Уникальность материала в том, что в результате кропотливого поиска, автор восстанавливает имена среднего и низшего звена Белого офицерства, т.е. рядовых участников противобольшевистского движения. Давно уже настала пора этим заняться. Нам кажется, благодаря таким исследованиям можно помочь не только оживлению памяти в отношении отдельных персон, но и пролить дополнительный свет на перипетии Белой борьбы и Гражданской войны в целом. Мы надеемся, что предпринимаем в этом направлении лишь первый шаг, за которым обязательно последуют другие, и подобные списки станут неотъемлемой составной частью альманаха.

В номере, по сложившейся уже традиции, редакция представляет новых авторов, чьи работы нам показались весьма необычными. Чего стоит, например, публикация А.В.Иванова, преподносящего на основе в общем-то уже достаточно известных и доступных работ свежий взгляд на историю выступления Чехословацкого корпуса в 1918 году. Или статьи Н.А.Барсуковой и В.Ф.Ершова о судьбах и идеях российской эмиграции, построенные на новейших исследовательских материалах.

Конечно, не со всеми тезисами авторов редакция в полной мере согласна, но мы считаем важным предоставлять сейчас и в будущем свои площадки для свободного выражения воли историка-исследователя или свидетеля событий. В связи с этим позвольте пригласить всех, готовых к сотрудничеству с нами, читателей выступить со своими исследованиями

на страницах альманаха в 1998 году. Требования к предлагаемым к опубликованию работам остаются прежними: наличие печатного текста в двух экземплярах, его литературного изложения, иллюстраций и, по возможности, на дискетах 3.5 дюйма в редакторе Microsoft Word 7,0 для Windows 95.

Мы рады новой возможности общения с Вами, дорогие читатели, и смеем надеяться, что и для Вас оно принесет несколько приятных минут.

Всех желающих установить с редакцией контакты, высказать свои отзывы и пожелания, сделать заявки на номера альманаха и публикацию в нем просим обращаться по адресу: Россия, 620002, г.Екатеринбург, до востребования. Дмитриеву Николаю Ивановичу.

НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ АНТИСОВЕТСКОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА В 1918 ГОДУ.

На протяжении длительного времени в отечественной историографии считалось непреложной истиной утверждение о том, что началом Гражданской войны в России явилось вооруженное выступление против советской власти частей чехословацкого корпуса в мае-июне 1918 г. При этом главной причиной события объявлялись происки держав Антанты, принимавших самое активное участие в подготовке и осуществлении мятежа, который был, по утверждению историков, заранее спланированным актом, направленным на свержение советской власти.

В последние годы эта точка зрения подверглась основательной переоценке. Прежде всего в том, что касается хронологических рамок Гражданской войны. Большинство современных исследователей рассматривают октябрьские и даже февральские события 1917 г. как ее начальные этапы, резонно отмечая, что сам факт раскола общества на противоборствующие лагеря и наличие между ними острой политической борьбы, перераставшей в вооруженную, уже можно считать первым актом Гражданской войны. Пересматривается и оценка места и роли чехословацкого выступления в общем ходе борьбы в российском обществе, а также причин, его породивших. При этом упор делается прежде всего на социально-политические предпосылки внутреннего характера, приведшие к Гражданской войне в России. Что же касается причин, непосредственно вызвавших восстание чехословацких войск, то этот вопрос разработан пока еще недостаточно. Прежняя его трактовка безнадежно устарела, а новая, предлагающая признать равную ответственность обеих сторон - и советской власти, и ее оппозиции - за развязывание этой кровавой драмы, не нашла пока достаточно большого количества сторонников.

Чехословацкое выступление, несомненно, явилось этапным событием Гражданской войны. Оно вывело ее на новый уровень: от локальных спорадических столкновений небольших отрядов стороны перешли к широкомасштабным военным действиям с участием крупных войсковых группировок. В короткий срок обширные районы Поволжья, Урала, Сибири превратились в театр военных действий.

Но здесь возникает закономерный вопрос: почему целый корпус иностранных войск оказался в центре и на востоке страны и почему он

все же выступил с оружием в руках против советской власти, с которой он как-то уживался в течение полугода ее существования? Для понимания логики событий необходим небольшой экскурс в не столь отдаленное от Гражданской войны время - в период Первой мировой войны.

Чехословацкие воинские подразделения начали создаваться в России сразу же с началом мировой войны. Уже 20 августа 1914 г. русским военным командованием был издан приказ о формировании «Чешской дружины»¹. Это был ответ на обращение на Высочайшее имя представителей стогтысячной чешской общины в России, которые выразили желание с оружием в руках бороться за создание независимого государства чехов и словаков под российским покровительством. С октября 1914 г. чешские подразделения уже принимали участие в боевых действиях в Галиции, привлекаясь, в основном, для несения разведывательной службы. Первоначально они состояли из добровольцев - чехов и словаков, проживавших в России. Численность этих подразделений не превышала 1000 чел.² Позднее началась активная вербовка добровольцев из числа военнопленных, особенно перебежчиков из австро-венгерских войск, и численность чешских частей стала неуклонно расти. В декабре 1915 г. был сформирован стрелковый полк в составе около 2000 бойцов, а к декабрю 1916 г. - бригада, в рядах которой сражалось уже 5750 чел.»³.

После Февральской революции в России, которая вызвала горячее сочувствие среди чехословацких военнопленных и породила надежды на помощь со стороны России в создании независимой и демократической Чехословакии, приток добровольцев в чешские формирования значительно увеличился. Так, в июньском наступлении 1917 г. под Зборовом в составе русской армии участвовали три чехословацких стрелковых полка. В июле-сентябре количество добровольцев составило около 30 тыс. чел., что позволило к ноябрю 1917 г. сформировать корпус в составе приблизительно 40 тыс. солдат и офицеров⁴.

Октябрьский переворот 1917 г., совершенный большевиками, командование корпуса и основная масса легионеров встретили враждебно. И это вполне объяснимо. Русские офицеры составляли весьма значительную часть командного состава корпуса, а в верхнем эшелоне - в звене полк-дивизия - преобладающую часть. Что касается нижних чинов, то находясь в лагерях военнопленных, а затем в рядах действующей русской армии, они не могли не испытывать сильного влияния левых партий. Об этом свидетельствует тот факт, что по примеру солдатских комитетов; повсеместно возникших в 1917 г. в русских частях, в чехословацких, правда позднее - в 1918 г., под давлением солдатской массы был введен институт выборных доверенных в ротах и выборных же представителей в полках⁵. Таким образом, в большинстве своем чехи и словаки были настроены демократически и просоциалистически, но не столь радикально, чтобы стать на сторону партии Ленина.

Их симпатии были на стороне эсеров, им были близки и политические установки этой партии. Подтверждение тому мы находим как у известного чешского историка И.Веселы, так и в записках министра труда Самарского правительства (Комуча) И.Майского и некоторых деятелей Белого движения на востоке страны⁶. Кроме того, большевики, как известно, выступали за немедленный выход России из мировой войны. т.е.

за сепаратный мир с Германией и Австро-Венгрией, Такой поворот в войне укреплял позиции «центральных держав» и делал проблематичным достижение целей, к которым стремился Чехословацкий национальный совет (временный чрезвычайный орган, стоявший во главе национально-освободительного движения) - воссоздание независимого чехословацкого государства. Эти факторы обусловили неприятие новой власти, что выразилось в участии чехословацких частей в уличных боях в Киеве в октябре 1917 г. на стороне сил Временного правительства. Однако первое столкновение с советской властью носило локальный характер и было довольно быстро урегулировано. Во взаимоотношениях установилось некоторое затишье.

Толчок новому витку событий дала ратификация Советским правительством Брестского мирного договора 15 марта 1918 г. Вступление его в силу сразу же поставило чешские части в затруднительное положение. На Украину, где они дислоцировались, хлынули германские и австро-венгерские войска. Лишенные какой-либо поддержки, находившиеся в чужой стране, предоставленные самим себе, чехословаки были вынуждены отойти на территорию России, дав при этом ряд арьергардных боев противнику.

Понятно, что такая ситуация не способствовала укреплению доверия между чехами и советской властью. Подавляющее большинство не только легионеров, но и не вступивших в корпус военнопленных, выступило с осуждением этого акта⁷. К тому же заключение Брестского мира было использовано русскими антибольшевиками и командованием корпуса для распространения среди легионеров слухов о том, что Советское правительство намерено расформировать и разоружить чехословацкие части, а затем - передать их личный состав австрийской и германской сторонам в порядке обмена военнопленными⁸. Это не могло не беспокоить чешских солдат, так как в случае выдачи им грозила смертная казнь за нарушение воинской присяги. Вряд ли эти слухи могли иметь под собой серьезные основания. Советская власть в это время просто не имела достаточных военных сил для того, чтобы принудить к разоружению столь мощную, хорошо организованную и обученную группировку войск, которой, к тому же, при подобном повороте событий терять было нечего. Однако несомненно то, что вопрос о судьбе чехословацких формирований в России обсуждался в ходе мирных переговоров в Бресте, и давление на Советское правительство оказывалось. И последующие действия советской власти по отношению к чехословакам косвенно подтверждают то, что они были продиктованы австро-германской стороной.

Свидетельством могут служить следующие факты. Как известно, вскоре после заключения Брестского мира, 26 марта 1918 г., Советское правительство дало согласие на просьбу чехословацкого и англо-французского командования о выводе корпуса во Францию. Однако при этом согласие обставлялось двумя условиями: во-первых, войска должны были выводиться через Владивосток, а во-вторых, от чехословаков потребовали полного разоружения и немедленного устранения «контрреволюционного командного состава». Находившийся в России филиал Чехословацкого Национального совета (ЧНС) не принял этих требований, и потому совнарком пошел на уступки и в тот же день пере-

дал через И.В.Сталина новые условия: «чехословаки продвигаются не как боевая единица, а как группа свободных граждан, везущих с собой известное количество оружия для защиты от покушений со стороны контрреволюционеров» (на 1000 чел. 100 винтовок и 1 пулемет)⁹. На места, где располагались чехословацкие части, а также в пункты, через которые должны были следовать их эшелоны, была разослана директива с требованием «разоружить чехословаков во что бы то ни стало»¹⁰.

Возникает вопрос: почему корпусу было предписано следовать во Владивосток? Ведь гораздо ближе было бы направить чешские эшелоны в Архангельск и Мурманск. Этот путь обеспечивал значительно более быстрый их вывод из России. Да и союзникам было бы легче обеспечить необходимое количество морских транспортов для перевозки войск. Можно возразить, что в этом случае враждебные советской власти вооруженные отряды проходили бы в непосредственной близости от Москвы, создавая угрозу столице. Именно таким был главный аргумент Советского правительства в пользу выбора восточного направления движения чехословацких войск¹¹. Но риск их появления в самом сердце страны в значительной мере уравновешивался тем обстоятельством, что они вынуждены были бы идти через промышленные районы Центра, где наиболее сильно было влияние большевиков в пролетарских массах, составлявших здесь весьма значительную часть населения. В этих местах были сосредоточены и основные военные силы революции - войска так называемой «завесы», да и транспортная сеть обеспечивала в случае необходимости быстрый маневр силами и средствами. Вряд ли можно считать убедительным аргументом в пользу выбора восточного направления и тот факт, что Архангельский порт не судоходен в зимнее время. Как уже было сказано выше, решение о выводе частей корпуса было принято 26 марта. Навигация в Белом море открывается в мае. Если учесть технические показатели подвижного состава и пропускную способность российских железных дорог того времени, то легко прийти к выводу, что сосредоточение чехословацких частей в северных портах России было возможно как раз к этому сроку.

Однако, казалось бы, вопреки здравому смыслу чехословацкие эшелоны были направлены как раз туда, где уже вспыхнули очаги антибольшевистского движения: на Южном Урале с кон. 1917 г. действовали повстанческие казачьи отряды атамана А.И.Дутова, а в Забайкалье с января 1918 г. - атамана Г.М.Семенова. К тому же контакты командования корпуса с одним из руководителей антибольшевизма на юге России генералом М.В.Алексеевым не могли остаться тайной для советского руководства¹². И тем не менее, чехословацкие части были направлены именно туда, где позиции советской власти были заведомо слабы (Урал, Сибирь), где единственная железнодорожная магистраль неизбежно должна была растянуть войска на огромной территории, на которой практически отсутствовали вооруженные силы, способные противостоять регулярным чешским частям. Почему же Советское правительство решилось на этот шаг, явно в ущерб интересам своей же безопасности?

Разгадку этому следует искать на противоположном краю Европы. Именно в марте 1918 г. (а точнее - 21 марта) германское командование предприняло решительное наступление во Франции. Обеспечив свои тылы на Востоке, оно пошло ва-банк, стремясь добиться коренного перело-

ма в войне на западе. Естественно появление на театре военных действий сильного чехословацкого корпуса не входило в планы германского командования. Боевые качества чешских солдат немцам были хорошо известны. Вот как оценивал их в свое время известный русский военачальник генерал А.А.Брусиллов: «Чехословаки, предательски оставленные нашей пехотой под Тарнополем (летом 1917 г. - А.И.) дрались так, что все должны стать перед ними на колени. Одна их бригада задержала несколько дивизий противника, прикрывая отход армии»¹³. Следовательно, вывод о том, что решение направить чешские части в Европу через Дальний Восток, обрекая их тем самым на многомесячный путь, было принято Советским правительством под давлением Германии, не кажется безосновательным¹⁴. Еще одним подтверждением этому является оценка ситуации в Москве весной 1918 г., данная американским послом Д.Фрэнсисом: «Германия, при посредстве Мирбаха (германского посла в Москве - А.И.) играет доминирующую роль и контролирует Советское правительство. Мирбах является фактическим диктатором, так как всякие споры, даже между русскими, адресуется для разбора ему»¹⁵. По прочтении этих строк вполне естественно возникает вопрос: а не здесь ли ключ к разгадке еще одной тайны - убийству Мирбаха 6 июля 1918 г. левым эсером Я.Бломкиным? По официальной версии убийство посла было санкционировано ЦК партии левых эсеров, чтобы спровоцировать войну между Германией и Советской Россией. Но как тогда объяснить тот факт, что непосредственный исполнитель акции - Я.Бломкин, объявленный Советским правительством вне закона и подлежащий немедленному расстрелу без суда, через некоторое время оказался на ответственной работе в ВЧК, а в 20-е годы стал резидентом ОГПУ в Стамбуле? Напрашивается мысль о том, что устранение зарвавшегося германского посла, который слишком открыто вмешивался во внутрироссийские дела и тем самым компрометировал большевистское руководство, подтверждая его тайные связи с Германией, было в гораздо большей степени выгодно именно большевикам, а отнюдь не левым эсерам¹⁶. Но эта тема - предмет отдельного исследования.

Мы же вернемся к чехословакам. Второе условие вывода корпуса из России - разоружение - было по сути дела направлено на ликвидацию корпуса как боевой единицы. Требование это оскорбительно, и расценивать его иначе, как провокационное, нельзя. Ведь с самого начала было ясно, что чехи не выполнят его и будут скрывать оружие всеми возможными способами, а значит - потребуются применение жестких мер репрессивного характера. Правда, большевики не решились применять их сразу, пока чешские части дислоцировались компактной группировкой в Центральной России, и меры по разоружению их были предприняты гораздо позже, когда эшелоны растянулись от Пензы до Владивостока.

Еще более неприемлемым было требование устранения контрреволюционных офицеров, являвшееся прямым вмешательством во внутренние дела иностранной армии. Это условие руководство филиала ЧНС также выполнило чисто формально. 30 марта из корпуса было уволено 15 русских офицеров, наиболее открыто выражавших свои антибольшевистские взгляды. Основная же часть командного состава из числа русских осталась на своих постах. Так что ставя такого рода условия, Советское

правительство лишь усиливало антибольшевистские настроения среди чехословацких военнослужащих. А настроения эти были весьма сильны, что вполне объяснимо. Поддержать советскую власть - означало для чехов признать и ее внешнеполитический курс, стержнем которого был Брестский сепаратный мир. Это автоматически вело к отказу от идеи воссоздания независимого чехословацкого государства, то есть отказа от той цели, ради которой было создано само это вооруженное формирование. Таким образом, чехи оказались по сути в безвыходном положении, при котором сохранение военной организации стало условием их физического выживания. Все вышеперечисленные факторы в конечном итоге составили весомый блок причин, приведших корпус к вооруженному выступлению.

Тем не менее возлагать вину за обострение ситуации только на советское руководство было бы неправомерно. Антибольшевистские силы сделали все возможное для того, чтобы заручиться поддержкой чехословаков и более того - подтолкнуть их на открытую конфронтацию с советской властью. Не последнюю роль сыграли в этом и правящие круги держав Согласия. Однако, справедливости ради, следует отметить, что Англия и Франция вплоть до самого вооруженного выступления чехословаков не рассматривали их как серьезную антисоветскую силу. Правда, вопрос об использовании чехословацких войск против большевиков был поставлен еще в ноябре 1917 г. на совещании представителей Антанты в Яссах. Но, во-первых, обсуждение его носило чисто теоретический характер и не было подкреплено какими-либо практическими шагами. Во-вторых, уровень представительства на этом совещании не дает оснований делать выводы о государственной политике держав Антанты в отношении новых властей в России. И наконец, в-третьих, руководство ЧНС во главе с Т.Масариком, хотя и не питало симпатий к большевикам, тем не менее не могло не учитывать настроений рядового состава корпуса, который не желал вмешательства в Гражданскую войну в России. Забегая вперед, скажем, что и впоследствии чешские солдаты, по мнению командующего американскими интервенционистскими силами в Сибири генерала В.Грэвса, сражались против большевиков только потому, что «представляли их себе агентами Германии Австрии и полагали, что большевики мешают им при осуществлении их стремлений в деле создания независимого государства»¹⁷.

До середины марта 1918 г., т.е. до ратификации Брестского мирного договора Англия и особенно Франция проявляли заинтересованность в скорейшем появлении чехословацких войск на Западноевропейском театре введённых действий. К тому же в течение всей зимы и весны 1918 г. Англия и Франция усиленно искали контактов с Советским правительством в надежде сделать его своим союзником по антигерманской коалиции¹⁸. Члены союзнических миссий в России Ж.Садуль и Р.Локкарт даже рекомендовали своим правительствам признать советскую власть, дабы удержать большевиков от подписания Брестского мира. И хотя сделать этого не удалось, союзники не оставляли своих попыток найти общий язык с новым руководством России. Да и сами большевики осознавали опасность, исходившую от германского присутствия в западных губерниях страны. Они не могли не понимать, что мир с Германией весьма хру-

пок, поскольку нужен той лишь для высвобождения сил, необходимых для борьбы на западе. И если Германия одержит там победу, она не преминет обрушиться всей мощью на восток. Об агрессивных замыслах немцев свидетельствовали их попытки выйти за рамки Брестских договоренностей, в частности, оккупация южных районов Финляндии и продвижение их войск на север с целью захвата Мурманска.

Поэтому большевики, может быть, впервые опробовали тактику игры на межимпериалистических противоречиях, ставшую столь популярной впоследствии. Они сделали шаг навстречу Антанте: Л.Д.Троцкий прозондировал почву с целью заручиться поддержкой недавних союзников России в случае агрессивных действий со стороны Германии. Он даже намекал на приемлемость союзной интервенции при условии невмешательства во внутрироссийские дела¹⁹. Велись переговоры о направлении в Россию французских военных специалистов для оказания помощи в формировании Красной армии²⁰. Этот план даже начал было осуществляться. 6 марта 1918 г. в Мурманске высадился первый английский десант, причем произошло это с одобрения высшего советского руководства и рассматривалось как мера противодействия германо-финской угрозе Мурманску и Карелии. В Мурманске продолжал действовать руководимый большевиками совет, довольно мирно уживавшийся с интервентами. Только гораздо позже, когда под давлением Германии отношения с державами Антанты были окончательно испорчены, высадка английского десанта была объявлена первым актом антисоветской интервенции, и этот постулат закрепился в отечественной историографии на долгие годы»²¹.

Союзники тешили себя надеждами на возвращение новой России в стан держав Согласия. И тому были веские основания. 5 мая 1918 г. Р.Локкарт написал почти торжествующее письмо главе миссии американского Красного Креста Р.Робинсу о том, что Троцкий наконец согласился направить чешский корпус в Мурманск и Архангельск, и что большевики готовы сотрудничать с союзниками в создании Красной армии с помощью западных офицеров²². Однако эти надежды вскоре были похоронены. Большевики неожиданно прервали контакты с англо-французскими представителями. Причиной тому стал германский ультиматум от 6 мая 1918 г. с категорическим требованием ликвидировать английское военное присутствие в районе Мурманска²³. По всей вероятности, Германии стало известно о тайных переговорах большевиков с представителями Антанты, и она приняла решительные меры к их пресечению. Грозный окрик из Берлина, сделанный, видимо, через «диктатора» Мирбаха, заставил большевиков свернуть переговоры. Правда, осталось в силе решение советского руководства о направлении чешских эшелонов на Север.

Таким образом, в начале мая 1918 г. стало ясно, что надежды Антанты на восстановление Восточного антигерманского фронта не оправдались: Германия слишком крепко держала Россию в своих руках, и любая попытка вырваться была бы самоубийственной для большевистского режима, не имевшего серьезных военных сил, в то время как численность германо-австрийских войск в оккупированных районах России превышала 300 тыс. чел.²⁴ Поняв это, правящие круги Антанты изменили политическую ориентацию: от заигрываний с большевистским режимом они пе-

решили к поиску сил, способных уничтожить его и имевших при этом антигерманскую направленность. Вот тут-то их взоры и обратились к чехословацкому корпусу.

Следует подчеркнуть, что возможность использования корпуса в России рассматривалась командованием Антанты и ранее. Так еще в конце марта 1918 г. британским генеральным штабом были разработаны три возможных варианта действий:

1) Сосредоточение всех частей корпуса в районе Омска, развертывание здесь второго армейского корпуса из числа военнопленных, чтобы с их помощью воспрепятствовать возможному проникновению германских войск в Сибирь и помешать использованию германских и австрийских военнопленных, освобожденных советской властью из лагерей, с целью установления германского контроля над этим регионом.

2) Переброска чехословацких частей в район Архангельска для обороны от немцев побережья Ледовитого океана и стратегических сырьевых запасов, закупленных Англией в России еще до октября 1917 г. и не вывезенных из-за прекращения навигации.

3) Переброска корпуса в Забайкалье для взаимодействия с атаманом Г.М.Сменовым с целью обеспечения союзнических интересов в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке²⁵.

Как видим, ни один из этих вариантов не предусматривал ведения военных действий против советской власти. Все они были направлены на обеспечение стратегических интересов держав Антанты в ситуации, когда, подписав Брестский договор, Россия по его условиям по сути дела превратилась в невоюющего союзника Германии.

Антисоветский характер действия союзников приобрели лишь к середине мая 1918 г., когда Советское правительство приняло вышеупомянутый германский ультиматум и во исполнение его условий потребовало вывода союзных войск из Мурманска. Напомним, что высадка английского десанта здесь была фактически санкционирована совнаркомом, поскольку в ответ на запрос Мурманского совета о предложении союзников взять под защиту русский Север была отправлена телеграмма за подписью наркома иностранных дел Л.Д.Троцкого следующего содержания: «Вы обязаны принять всякое (выделено автором) содействие союзных миссий. Ваш долг - сделать все для охраны Мурманского пути...»²⁶. Поэтому новый политический кульбит советского руководства был воспринят союзниками как еще одно (вслед за Брестом) предательство. Правящие круги Антанты пришли к выводу о невозможности какого-либо диалога с большевиками, в них возобладали сторонники «жесткой линии», т.е. те, кто выступал за антисоветскую, а не антигерманскую интервенцию. В результате политический курс Антанты кардинально изменился: она открыто взяла курс на поддержку антисоветских сил в России, главной из которых в силу своей многочисленности, организованности и степени боевой готовности в тот момент был чехословацкий корпус. Но произошло это еще раз подчеркнем, не ранее середины мая 1918 г.²⁷ Отстаиваемая же в советской историографии точка зрения о том, что страны Антанты изначально, с марта 1918 г., планировали использовать чешский корпус для свержения советской власти, представляется абсолютно несостоятельной.

Во исполнение своего нового плана английская и французская миссии в Москве вступили в контакт с представителями Чехословацкого национального совета и вскоре передали им значительную сумму денег - около 15 млн. руб. Финансовые вливания подкреплялись политическим давлением: обретение независимости чехословацким государством ставилось в прямую зависимость от участия корпуса в интервенции в России²⁸. Следовательно, англо-французское государственное руководство играло отнюдь не последнюю роль в организации чехословацкого восстания. Из этого оно извлекало двойную выгоду. Возникновение антисоветского фронта внутри России, во-первых, создавало угрозу существованию большевистского режима, а во-вторых, в случае падения последнего делало весьма вероятной перспективу открытия противогерманского Восточного фронта. Эта угроза заставляла Германию держать в оккупированных районах России весьма значительные военные силы, что отвечало стратегическим интересам Антанты в продолжавшейся мировой войне.

Еще одним фактором, обусловившим выступление чехословаков, была целенаправленная деятельность внутренних антибольшевистских сил в России, стремившихся использовать крупный военный контингент, расположенный на важной железнодорожной магистрали вблизи промышленных и административных центров, в качестве силы, способной инициировать всеобщее восстание против советской власти. С самого начала чехи тесно связаны с подпольными офицерскими организациями Поволжья, Урала и Сибири, что облегчалось присутствием значительного числа русских офицеров на командных должностях чехословацкого корпуса, в том числе - на самых высоких. К примеру, генералы В.Н.Шокоров и М.К.Дитерихс были соответственно командиром и начальником штаба корпуса. Первой дивизией командовал генерал Коломенский, начальником штаба этой же дивизии был подполковник Дорман, а командирами 1 и 3 полков - соответственно капитан Степанов и подполковник С.Н.Войцеховский. Весьма тесными были контакты чехословацкого командования с правыми социалистами. О политических приоритетах чехословаков уже упоминалось выше. Однако дело не исчерпывалось лишь идеологической близостью. Руководимая эсерами потребительская кооперация Урало-Сибирского региона взяла на себя снабжение чешских эшелонов на всем пути их следования от Пензы до Владивостока. При этом материальная помощь сопровождалась усиленной анти-советской агитацией.

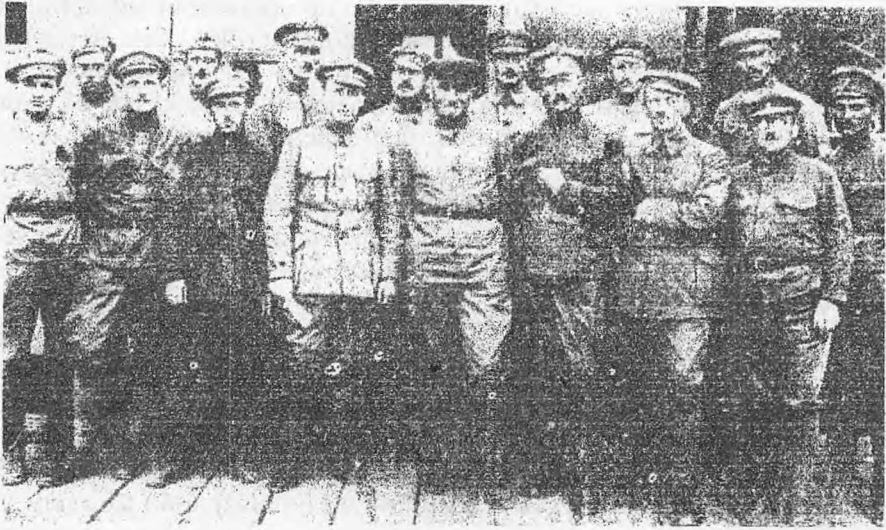
И без того накаленная ситуация вокруг чешских эшелонов достигла критической отметки в мае 1918 г., когда Советское правительство отдало то самое распоряжение, о котором писал в своем вышеупомянутом письме Р.Локкарт - о приостановке продвижения чехословацких частей на восток, а затем - о повороте их на Архангельск и Мурманск. Официальная аргументация этого акта была такова: во-первых, высадка японского десанта во Владивостоке и, во-вторых, активные действия Семенова в Забайкалье. Несостоятельность этих объяснений была видна невооруженным глазом: Мурманск, куда должны были направиться эшелоны, как известно, был занят английским десантом двумя месяцами ранее. Что же касается десанта во Владивостоке, то Англия и Япония были союзниками в Первой мировой войне, и наличие японских войск в порту не могло соз-

дать помех для эвакуации чехов. Что касается ситуации в Забайкалье, то здесь бои с семеновцами шли с переменным успехом на протяжении практически всей зимы - весны 1918 г. И это не мешало Советскому правительству направить сюда чешские эшелоны еще в марте. А вот в мае, когда их значительная часть уже миновала Забайкалье и прибыла на Дальний Восток, это почему-то стало помехой²⁹.

Следует отметить, что инициатива ведения переговоров по вопросу о повороте чешских эшелонов на север принадлежала союзному командованию. Дело в том, что после высадки японцев во Владивостоке оно сочло, что интересы союзников на Дальнем Востоке в должной мере обеспечены, и отдало предпочтение второму из упоминавшихся выше вариантов использования чехословацкого корпуса. При этом союзники предлагали развернуть на север те эшелоны корпуса, которые находились к западу от Омска. Проследовавшие же далее на восток должны были двигаться в прежнем направлении. Высший военный совет РСФСР согласился с этим предложением при условии, что державы Антанты дадут гарантии неиспользования чехословаков во вред Советской республике. Это решение было принято Советским правительством в начале мая 1918 г., что совпало по времени с уже известным нам германским ультиматумом от 6 мая. Возникла абсурдная ситуация: потребовав вывода сил Антанты с Севера, большевики не возражали против направления туда крупной войсковой группировки той же Антанты! И при этом не боялись вызвать недовольство Германии. «Двойная игра»? Попытка использовать межимпериалистические противоречия в своих интересах? Но это - лишь на первый взгляд.

Все становится на свои места после ознакомления с оперативной обстановкой на Западном театре военных действий. Несмотря на захлебнувшееся мартовское наступление, германское командование, собрав для решающего удара все возможные силы, 27 мая начало частную наступательную операцию в долине реки Эн, а на июль подготовило стратегическое наступление в долине реки Марны, поставив на карту все. Отметим, что к середине мая 1918 г. на Дальнем Востоке сосредоточилось уже около 14 тыс. чехословацких солдат и офицеров, готовых к отбытию в Европу, т.е. треть численного состава корпуса. Вероятность их появления в июне-июле в Северной Франции становилась вполне реальной. Немцам это было крайне невыгодно. Так что не добрая воля большевиков, а скорее всего директива из Берлина стала причиной их неожиданной уступчивости Антанте. Но вопреки здравому смыслу приказ остановиться был отдан не только тем эшелонам, которые находились, как это было обусловлено, западнее Омска, но и тем, которые уже достигли Иркутска. По неподдающимся объяснению причинам чехословакам ничего не было сообщено о мотивах приостановки движения.

Антибольшевистские силы получили в свои руки мощный козырь: среди легионеров немедленно стали распространяться слухи, что Советское правительство договорилось с Германией о разоружении и выдаче чехословаков. Эти слухи подкреплялись тем, что красногвардейские отряды в местах стоянок приступили к досмотру чешских эшелонов с целью изъятия оружия. Видимо, большевистское руководство решило, что для этого наступил удобный момент: корпус раздроблен на ряд изолирован

Чешский съезд в Омске в июле 1918 г.

ных групп, каждая из которых в свою очередь представляла собой группу эшелонов, отстоявших друг от друга порой на десятки и сотни километров.

Был и еще один фактор, вносящий дополнительную остроту во взаимоотношения чехословаков с местными органами советской власти. Дело в том, что в рядах Красной гвардии на Урале и в Сибири довольно значительную прослойку составляли бывшие военнопленные - венгры, австрийцы, немцы³⁰. Причина интернационализации состояла в следующем. Большевики не пользовались в этих районах слишком большим влиянием среди местного населения. Потребность же в вооруженной силе вынуждала их к вербовке бывших пленных в ряды революционной армии, благо недостатка в таковых не было из-за обилия лагерей в восточных районах страны. Вот и восполнялся таким образом дефицит добровольцев. Так что неминуемые столкновения с отрядами Красной гвардии неожиданно приобрели межнациональный характер, выплеснув наружу многовековую вражду. Именно она породила известный «челябинский инцидент», когда провокационное поведение возвращавшихся на родину австро-венгерских военнопленных привело к убийству одного из них чехословацкими солдатами. 17 мая следственная комиссия местного совдепа арестовала 10 чехов, участвовавших в убийстве. Этот арест стал спичкой, поднесенной к пороховой бочке. В ответ на действия советских органов чехи в тот же день захватили железнодорожный вокзал Челябинска и потребовали освобождения арестованных. Перевес в силах был на их стороне, и совету пришлось выполнить это требование. В ответ на действия легионеров в Челябинске органами ВЧК в Москве были арестованы заместители председателя филиала ЧНС П.Макса и Б.Чермак. В этой накаленной обстановке 19 мая в Челябинске начал работу съезд представителей

чехословацких частей. 20 мая на нем было принято решение не подчиняться приказу Советского правительства о продвижении эшелонов к Архангельску и продолжать движение на Владивосток³¹. Тем временем от находившегося под арестом П.Максы добились издания приказа о полной и безусловной сдаче оружия чехословацкими войсками. 21 мая оно было разослано командирам частей. Одновременно председателям советов Пензы, Уфы, Челябинска, Омска и других городов, где были сосредоточены чешские эшелоны, направили распоряжение Наркомвоена с требованием «принять срочные меры к задержанию, разоружению и расформированию всех эшелонов и частей чехословацкого корпуса как остатка старой регулярной армии». Предписывалось «предложить чехословакам ... организовать в артели по специальности и вступать в ряды советской Красной армии»³². Видимо, нет необходимости останавливаться на том, какова была реакция чехословаков на это заведомо невыполнимое и издевательское по своей сути требование Советского правительства. Но большевистские вожди уже «закусили удила». Только полной потерей ощущения политической и военной реальности либо же злым умыслом можно объяснить издание приказа народного комиссара по военным и морским делам Л.Д.Троцкого, в котором говорилось: «Все советы под страхом суровой ответственности обязаны немедленно разоружить чехословаков. Каждый чехословак, который будет найден вооруженным на линии железной дороги, должен быть расстрелян на месте: каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный, должен быть выгружен из вагонов и заключен в лагерь для военнопленных»³³. Тогда же наркомом путей сообщения в пункты следования чешских эшелонов было направлено распоряжение не давать им паровозов и продовольствия, не допускать к телефону и телеграфу³⁴. Содержание этих приказов и директив стало известно чехословацкому командованию и было расценено им как объявление войны корпусу. 26 мая избранный на съезде чешский временный совет отдал приказ по всей линии расположения эшелонов о вооруженном выступлении против советской власти.

Итак, восстание чехословаков стало свершившимся фактом. Мы последовательно проследили цепь событий, приведших корпус к этому трагическому финалу. Остается лишь выяснить: кто был заинтересован в том, чтобы все произошло именно так? Кто извлек для себя выгоду из крови и страданий десятков тысяч чехов, словаков, россиян?

Пожалуй, наибольшие дивиденды от выступления чехословаков достались державам Антанты. Во-первых, они получили возможность обеспечить свои стратегические интересы в России, не направляя туда крупных контингентов своих войск. Свержение советской власти на обширной территории от Волги до Тихого океана обеспечило союзникам доступ к богатейшим источникам сырья в этих регионах. Кроме того, оно позволило остановить репатриацию германских и австрийских военнопленных, что лишило армии Центральных держав важного источника пополнения живой силой. (Для справки: в 1917 г. в лагерях военнопленных в России содержалось 1885 595 солдат и 77 146 офицеров противника, при этом большинство лагерей размещалось в восточных районах страны - на Урале, в Сибири, в Туркестане³⁵). Во-вторых, восстание чехословацкого корпуса создало серьезную угрозу существованию большевистского

режима, следовательно - потенциальную угрозу воссоздания противогерманского Восточного фронта в случае прихода к власти в России сил враждебных большевикам. А это вынуждало германское командование держать в оккупированных районах России значительные военные силы, что ослабляло их группировку на западе. Вдобавок Германия лишилась весомой части сырья, поставляемого ей Советской Россией по условиям Брестского договора. В-третьих, державы Антанты получили относительно благовидный предлог для открытого вмешательства в Гражданскую войну в России. Правительство США, например, успокаивая общественное мнение в стране, заявляло, что направило свои войска в Россию только для того, чтобы «защитить 45 тыс. чехословацких солдат от вооруженных германских и австрийских военнопленных», которые препятствовали их возвращению на Западный фронт через Сибирь³⁶.

Некоторые выгоды из чешского восстания извлекла и Германия: ей удалось сорвать переброску корпуса в Западную Европу. Однако в целом Германия все же проиграла. Отрицательные последствия для нее имели изложенные выше факторы, отнесенные нами в актив Антанты. Для Германии, несомненно гораздо более предпочтительной была бы стабильность большевистского режима, нежели его балансирование на краю пропасти, поскольку эта стабильность была гарантом прочности Брестского мира, позволявшего ей сконцентрировать силы на борьбе с западными державами.

Определенный политический капитал ценой крови своих соотечественников нажило и руководство Чехословацкого национального совета. Участие корпуса в интервенции, верность союзническому долгу в отстаивании стратегических интересов Антанты усилили позиции чешских националистов на Парижской мирной конференции и обеспечили им поддержку держав Согласия в борьбе за создание независимой Чехословакии.

Наконец, как это ни парадоксально звучит, от «мятежа» чехословаков очень сильно выиграли большевики. Дело в том, что В.И. Ленин с самого начала создавал свою партию как инструмент для захвата власти. В этой ипостаси она была безупречна, что подтверждается блистательным успехом Октябрьского переворота. Но продуманной, реальной (подчеркиваем: реальной, а не утопической) программы послереволюционного созидания у большевиков не было. Об этом свидетельствует полный развал в экономике и в социальной сфере, развал государственного аппарата, да и фактически самого государства в первые же месяцы после прихода их к власти. На выборах в Учредительное собрание, состоявшихся осенью 1917 г. большевики провалились полностью, набрав в целом по стране лишь 25% голосов, в то время как умеренные социалисты заручились поддержкой 62% избирателей³⁷. Это говорит о том, что основная масса населения страны выразила недоверие партии, силой оружия узурпировавшей власть. Вожди большевиков, прежде всего В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий - личности, прямо скажем, выдающиеся - не могли не видеть того, что по мере углубления социально-экономического кризиса в стране позиции их партии становились все более шаткими. Ситуация складывалась отчаянная. Но выход из нее был найден гениально простой. Партию необходимо было вернуть в состояние борьбы за выживание, в экстремальную ситуацию борьбы за власть. Но в мирной обстановке это было

нельзя. Значит, следовало ввергнуть страну в Гражданскую войну, развернуть беспощадную борьбу на уничтожение всех политических противников. Сам В.И. Ленин признавал, что именно большевики явились инициаторами развязывания «войны против эксплуататоров», т.е. Гражданской войны в стране³⁸. В этой связи выступление чехословацкого корпуса против советской власти было как нельзя кстати. Как писал Л.Д.Троцкий, оно «выбило партию из угнетенного состояния»³⁹, заставило ее действовать решительно и бескомпромиссно. Большевики, вновь оказавшись в привычной для себя роли «сражающейся партии» предприняли ряд шагов, направленных на обострение социально-политической обстановки в стране, дабы искусственно спровоцировать дальнейшую поляризацию общественных сил: начали «крестовый поход» в деревню, создание там комбедов, разгоняли собрания уполномоченных фабрик и заводов, из ВЦИК и местных советов исключали меньшевиков и правых эсеров, а вскоре произвели расправу с последними союзниками по правительственному блоку - партией левых эсеров. Эти меры выглядят самоубийственными. Но другого выхода у большевиков не было. Мирное развитие неизбежно привело бы их партию к политическому банкротству. Они были вынуждены поставить на карту все и либо погибнуть в неравной схватке, либо ценой нечеловеческого напряжения и жесточайшего террора обеспечить свою единоличную диктатуру. Вот почему им был выгоден чешский «мятеж», как детонатор широкомасштабной, Всероссийской Гражданской войны.

Основываясь на этом некоторые современные историки выдвинули гипотезу о том, что выступление чехословаков было преднамеренно спровоцировано высшим советским руководством⁴⁰. Несомненно, эта гипотеза заслуживает того, чтобы быть принятой во внимание и детально изученной, поскольку лишь она позволяет понять логику тех на первый взгляд непоследовательных и вызывающих действий, которые были предприняты против чехословаков и которые мы достаточно подробно рассмотрели выше.

Что же касается самих чехословаков, то хотя они и не питали симпатий к советской власти, но и не были настроены бороться против нее, по крайней мере в первые недели своего выступления. Об этом свидетельствует общая устремленность чешского корпуса на восток в мае-июне 1918 г., на что всегда указывалось в исторических исследованиях, в т.ч. и тех авторов, которых никак нельзя заподозрить в симпатиях к антибольшевистским силам⁴¹. Поэтому версия советской историографии Гражданской войны о том, что военным руководством Антанты и чехословацкого корпуса был разработан план, согласно которому корпус «захватит Сибирскую железную дорогу и отрезет от Центральной России всю восточную часть страны, включая хлебные районы Поволжья и Сибири», а затем «в контакте с интервентами на Севере и контрреволюционными силами Юга» развернет «наступление к сердцу России»⁴² представляется надуманной и безосновательной, если не сфальсифицированной. Документы свидетельствуют о том, что во исполнение решения съезда представителей чехословацких частей о продвижении эшелонов *на Владивосток* (курсив - А.И.), не останавливаясь перед применением силы, группа С.Чечка, заняв Пензу 28 мая, оставляет ее спустя два дня и уходит к

Сызрани, а 1-го июня переходит на восточный берег Волги. Будь у чехов план наступления на Москву, они ни за что бы не оставили важный плацдарм на волжском правобережье и пензенский железнодорожный узел, опираясь на который они могли бы организовать наступление в направлении Рязани и далее - Москвы. Удержать же этот плацдарм им не стоило большого труда, поскольку перевес в силах был на их стороне: группа Чехека по разным данным имела в своем составе от 5 до 8 тыс. чел.⁴³ В это же время в Приморье в полном бездействии находилась наиболее многочисленная (около 14 тыс. чел.) группа М.К.Дитерихса. Лишь 29 июня, т.е. спустя месяц после начала вооруженных столкновений, она приступила к активным действиям на Дальнем Востоке. Все это говорит о том, что чехословацкий «мятеж» не был заранее спланированной акцией, направленной на свержение большевистского режима. Силловые меры, предпринятые чехами, были реакцией самозащиты. Их целью было скорейшее продвижение на Дальний Восток для последующей эвакуации в Европу.

Но выступление чехословаков стало детонатором, взорвавшим горючую смесь недовольства политикой большевиков. Без поддержки широких слоев населения чехи не смогли бы свергнуть советскую власть на огромной территории от Волги до Тихого океана, да они и не стремились к этому, как мы выяснили выше. Как случайно сорвавшийся с горы камень вызывает сокрушительный обвал, так и чехословацкий «мятеж» вызвал волну антибольшевистских выступлений: средние слои и офицеры старой армии, крестьяне и казаки Поволжья, Урала и Сибири организовывали боевые дружины и повстанческие отряды, свержали на местах советскую власть. На горизонте замаячила реальная возможность свержения большевистского режима в целом. Этого шанса не могли не использовать правящие круги Антанты. Под их давлением Чехословацкий национальный совет принял решение об оставлении частей корпуса в России и начале активных наступательных действий против советской власти. Это решение подкреплялось широкой пропагандистской кампанией среди легионеров: их убеждали в том, что было бы преступно бросить на произвол судьбы крестьян, казаков, башкир, офицеров русской армии - всех тех, кто под руководством социалистов-революционеров поднялся на борьбу против большевистской тирании⁴⁴. Результатом стал поворот чехословацких эшелонов на запад. Но произошло это уже во второй половине июля 1918 г., а официальное заявление председателя ЧНС Т.Масарика о вступлении корпуса в борьбу с большевиками последовало 1 августа 1918г.

Была ли возможность разрешить конфликт между чехословаками и советской властью мирным путем? Теоретически - да. Скорее всего, можно было бы найти компромиссное решение, устраивавшее обе стороны. Но на практике это оказалось невозможным. Антибольшевистские силы как внутри России, так и вне ее не могли допустить того, чтобы столь мощная группировка как чешский корпус оказалась «вне игры» в начавшейся вооруженной борьбе. Большевики тоже не нуждались в мирном урегулировании инцидента. По словам Л.Д.Троцкого, чехословацкое восстание устранило «политическую рыхлость» российской провинции, привело к «кристаллизации» как белых, так и красных, так что «только с появлением чехословаков Поволжье совершило свою Октябрьскую револю-

цию»⁴⁵. Большевикам было необходимо это восстание как катализатор Гражданской войны. Именно поэтому они не только не предприняли никаких мер для мирного урегулирования, но и сделали все, чтобы оно стало невозможным. Большевистское руководство осознавало, или может быть, интуитивно чувствовало, что для удержания власти в своих руках нет альтернативы широкомасштабной Гражданской войне. Сформулированный Троцким лозунг «Да здравствует Гражданская война!» начал воплощаться в жизнь, неся неисчислимые бедствия стране и народу.

Завершая рассмотрение данной темы, хотелось бы подчеркнуть, что высказанные в настоящей статье соображения отнюдь не претендуют на роль истины в последней инстанции. Это лишь одна из версий трагических событий весны-лета 1918 г. Эта проблема нуждается в глубоком и всестороннем исследовании с учетом новых подходов и оценок причин, характера и исхода Гражданской войны в России.

¹ См.: Веселы И. Чехи и словаки в революционной России. 1917-1920. - М., 1965. - С.21.

² Там же.

³ Там же. - С.22.

⁴ Там же. - С.36-37.

⁵ См.: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914-1921 гг. - М., 1965. - С.256.

⁶ См.: Веселы И. Чехи и словаки... - С.12; Майский И. Демократическая контрреволюция. - М.; Пг., 1923. - С.167; Святоцкий Н.В. К истории Учредительного собрания // Колчаковщина. - Екатеринбург, 1924. - С.48; Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. - Пекин, 1921. - С.216.

⁷ См.: Олех Г.Л. Интернациональная деятельность большевиков Сибири среди чехословацких военнопленных и легионеров (октябрь 1917 - май 1918 гг.) // Большевики во главе трудящихся масс Сибири в трех российских революциях. - Новосибирск, 1986. - С.66.

⁸ См.: Веселы И. Чехи и словаки... - С.74.

⁹ См.: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты... - С.184-185.

¹⁰ См.: Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. - М., 1940. - С.7.

¹¹ См.: Там же. - С.6-7; Гражданская война и военная интервенция в СССР / Энциклопедия. - М., 1983. - С.656-657.

¹² См.: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты... - С.174.

¹³ См.: Центр документации общественных объединений Свердловской области (ЦДООСО). Ф.41. Оп.1. Д.121. Л.178. (Слова А.А.Брусилова взяты из информационного бюллетеня «Чехословак», изданного в Екатеринбурге в 1918 г.).

¹⁴ Этой же версии событий придерживается О.Ю.Никонова. См.: Никонова О.Ю. Чехословацкий корпус и правительства «демократической» контрреволюции в 1918-1919 годах // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. - Челябинск, 1995. - Ч.2. - С.57.

¹⁵ Левидов М. К истории союзной интервенции в России. - Л., 1925. - Т.1. Дипломатическая подготовка. - С.126.

¹⁶ Подробнее по данному вопросу см.: Фельштинский Ю.Г. Не «мятеж», а провокация // Отечественная история. - 1992. - № 3. - С.30-48.

¹⁷ См.: Грэвс В. Американская авантюра в Сибири (1918-1920). - М., 1932. - С.61.

¹⁸ См.: Левидов М.К истории союзной интервенции... - С.74-82, 107; Голдин В.И. Интервенты или союзники? Мурманский «узел» в марте-июне 1918 года // Отечественная история. - 1994. - № 1. - С.78.

-
- ¹⁹ См.: Левидов М. К истории союзной интервенции... - С.77; Голдин В.И. Интервеннты или союзники? - С.79.
- ²⁰ См.: Левидов М. К истории союзной интервенции... - С.80-82.
- ²¹ Подробнее о событиях в Мурманске см.: Голдин В.И. Интервеннты или союзники? - С.74-88.
- ²² См.: Левидов М. К истории союзной интервенции... - С.99,107.
- ²³ См.: Голдин В.И. Интервеннты или союзники? - С.81.
- ²⁴ См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. - С.144.
- ²⁵ См.: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты... - С.177.
- ²⁶ См.: Голдин В.И. Интервеннты или союзники? - С.76.
- ²⁷ 16 мая 1918 г. МИД Великобритании сообщил своему консулу во Владивостоке о возможности использования Чехословацкого корпуса в Сибири «в связи с интервенцией союзников, если она состоится». 18 мая французский посол в России Ж.Нулан сообщил военному представителю при Чехословацком корпусе майору Гинэ, что «союзники решили начать интервенцию в конце июня и рассматривают чешскую армию в качестве авангарда союзной армии». Цит. по: Юрченко В. Мятеж, которого не было // Родина. - 1994. - № 1. - С.30-31.
- ²⁸ См.: Левидов М.К истории союзной интервенции... - С.131-135.
- ²⁹ См.: Голдин В.И. Интервеннты или союзники? - С.82.
- ³⁰ См.: Анишев А. Очерки истории Гражданской войны. 19017-1920 гг. - М.,1925. - С.131; Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. - М.,1966. - С.14,18-19,29-31.
- ³¹ См.: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты... - С.205.
- ³² См: Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. - М.,1973. - Т.2. - С.73,74.
- ³³ Цит. по: Владимирова В. Год службы «социалистов» капиталистам: Очерки по истории контрреволюции в 1918 г. - М.;Л.,1927. - С.226.
- ³⁴ См.: Ослоновский А., Орлов А. Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале. 1917-1927. - Свердловск,1928. - С.44.
- ³⁵ См.: Ананьев В.И. Положение иностранных военнопленных и их участие в революционном движении в России // Некоторые вопросы всеобщей истории. Сб.ст. Челябинского педагогического института. - Челябинск,1965. - Вып.1. - С.86.
- ³⁶ См.: The Bolshevik Revolution: Its Impact on American Radicals, Liberals and labor | A Documentary Study by Philip S.Fjner. - Internationd Publishers. - N.Y.,1967. - P.143.
- ³⁷ См.: Выбор пути: История России 1861-1938 гг. - Екатеринбург,1995. - С.269.
- ³⁸ См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. - Т.35. - С.268.
- ³⁹ См.: Троцкий Л.Д. Вокруг Октября // Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Политические силуэты. - М.,1991. - С.97.
- ⁴⁰ См.: Юрченко В. Мятеж, которого не было. - С.31-34.
- ⁴¹ См.: Какурин Н.Е. Как сражалась революция. - М.,1990. - Т.1. - С.194; Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж... - С.9
- ⁴² См.: Минц И.М. Год 1918-й. - М.,1982. - С.499-500.
- ⁴³ См.: Юрченко В. Мятеж, которого не было. - С.33; Скробов В.С. Мятежный корпус // Вестник Челябинского университета. - Челябинск,1993. - № 1(5). - С.34; Гражданская война и военная интервенция в СССР. - С.657.
- ⁴⁴ См.: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты... - С.227-228.
- ⁴⁵ См.: Троцкий Л.Д. Вокруг Октября. - С.95.

ЗАБЫТАЯ ДИВИЗИЯ

Весна надежд

4-го марта 1919 г. ожил впавший было в зимнюю спячку Восточный фронт - началось наступление войск Колчака, позиции 2 и 3 Красных армий атаковала Сибирская армия Гайды (1 Среднесибирский, 3 Степной Сибирский и 4 Сводный Сибирский корпуса).

В ночь с 5-го на 6-е марта активизировалась Западная армия Ханжина. Ударная ее группа - 2 Уфимский корпус - прорвала фронт красных и стремительно стала продвигаться в направлении Аскино - Бирск, отбросив левифланговую бригаду 27 дивизии в сторону Мензелинска. Частям 26 дивизии красных пришлось отойти назад для выравнивания фронта. Попытка красного командования восстановить положение частями контратаками потерпела неудачу. Между тем Ханжин, развивая свой успех вдоль тракта Бирск - Уфа, то есть в южном и юго-западном направлении, разъединил 26 и 27 дивизии противника и вышел на их тыловые коммуникации. В этом успехе Западной армии, а следовательно и всей армии Колчака, 4 Уфимская дивизия сыграла не последнюю роль. Вот что писала газета «Наш край» 24 мая 1919 г. о ее роли в мартовском наступлении:

«6-го марта дивизия начала боевую работу, вызвавшую столько удивления и соревнования друзей-соратников, принимавших участие в боевых операциях, с одной стороны, и столько бессильной злобы и негодования противников, с другой. Работа выпала незаурядная, но те кто возложил на нее эту работу, знали о железной дивизии, о ее особенностях доводить до логического конца раз начатое дело. В задачу дивизии входило быстрым ударом сбить красных с передовых укреплений и безостановочно гнать их, распывая такими же разящими ударами, выйти на ст. Чишма и перерезать пути отступления из-под Уфы вдоль линии С(амаро)-3(латоустовской) ж.д. В течение нескольких дней поставленная задача выполнена блестяще. Широкий, глубокий прорыв (в первый же день на 45 верст в глубину), как зияющая, кровоточащая рана, подкосил сразу красные силы. Та необыкновенная быстрота, с которой он был сде-

* Окончание. Начало см.: Белая армия. Белое дело. - 1997. - № 3.

лан, не давала возможности врагу опомниться, подтянуть резервы для парирования удара и вообще предпринять что-нибудь для задержания нашего наступления...

Мчалась железная дивизия через Большие Шады, через Бирск, через Калининки, через Медведерово и через Казанское, пока к вечеру 15 марта добровольческий полк ее (имеется в виду 13 Уфимский - С.Ш.) не занял станцию Чишмы, захватив богатые запасы хлеба и военное имущество. Только предел выносливости физических сил человека явился гранью, на которой она остановилась в своем движении. Поспешно бежавшие, распыленные красные, полные недоумения от свершившегося, долго еще по инерции откатывались во все стороны. Жалкие остатки разбитых полков (Тверского, Брянского, Калужского и др.), потерявшие всякую связь, что затравленные, бродили по дорогам... Поражение было полным...».

Если опустить весь пафос белогвардейской газеты, надо отдать должное героизму солдат 4 Уфимской дивизии, вынесших на своих плечах всю тяжесть обходного маневра.

«Преодоление пространства представляло не меньшие трудности при необыкновенно глубоком покрове, наблюдавшемся в истекшую зиму, при подчас суровых морозах, какие стояли в марте, при буранах и ветрах. Наступление сплошь и рядом приходилось вести по пояс в снегу, который положительно засасывал, чуть бывало сойдешь с дороги. Держаться дороги можно было в пределах недосягаемости артиллерийского и ружейного огня (противника)».

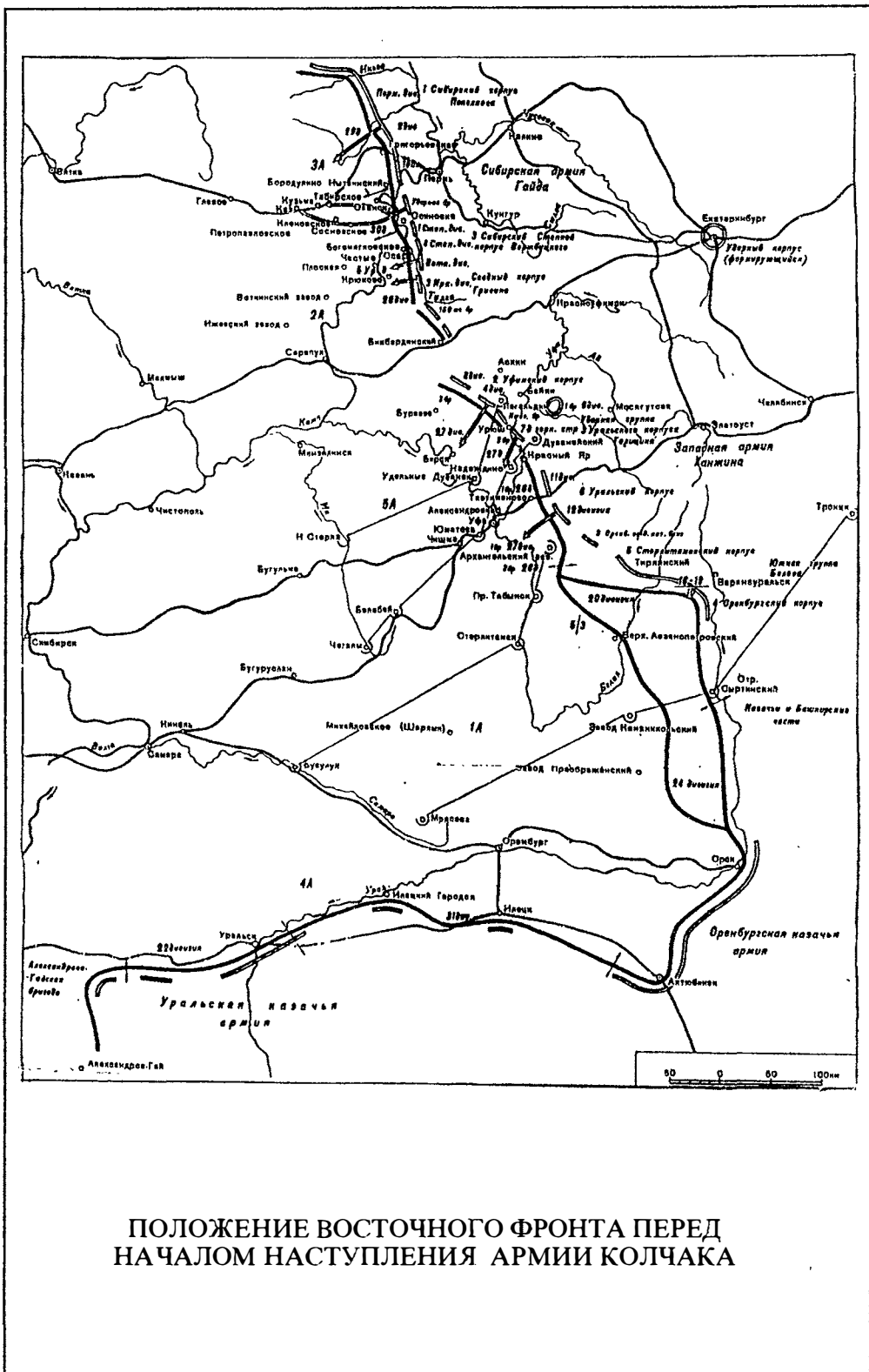
Перед наступлением колчаковское командование создало ударные егерские части. В таких отрядах бойцы были одеты в белые маскхалаты, что, кстати, порождало у красных легенду - белогвардейцы потому и «белые», что одеты во все белое, но самое главное - егеря передвигались на лыжах. Отсюда стремительность прорыва красного фронта - лыжники выполняли функции кавалерии... Основная же масса колчаковских войск лыж не имела, равно как не имела и подручных средств для преодоления водных преград: на подступах к Уфе, например, ижевские стрелки атаковали деревню, переправляясь через речку по пояс в ледяной воде.¹

10-го марта полки 244 Уфимского корпуса получили приказ Ханжина перерезать Самаро-Златоустовскую жд., а 4 дивизия - захватить узловую станцию Чишмы.

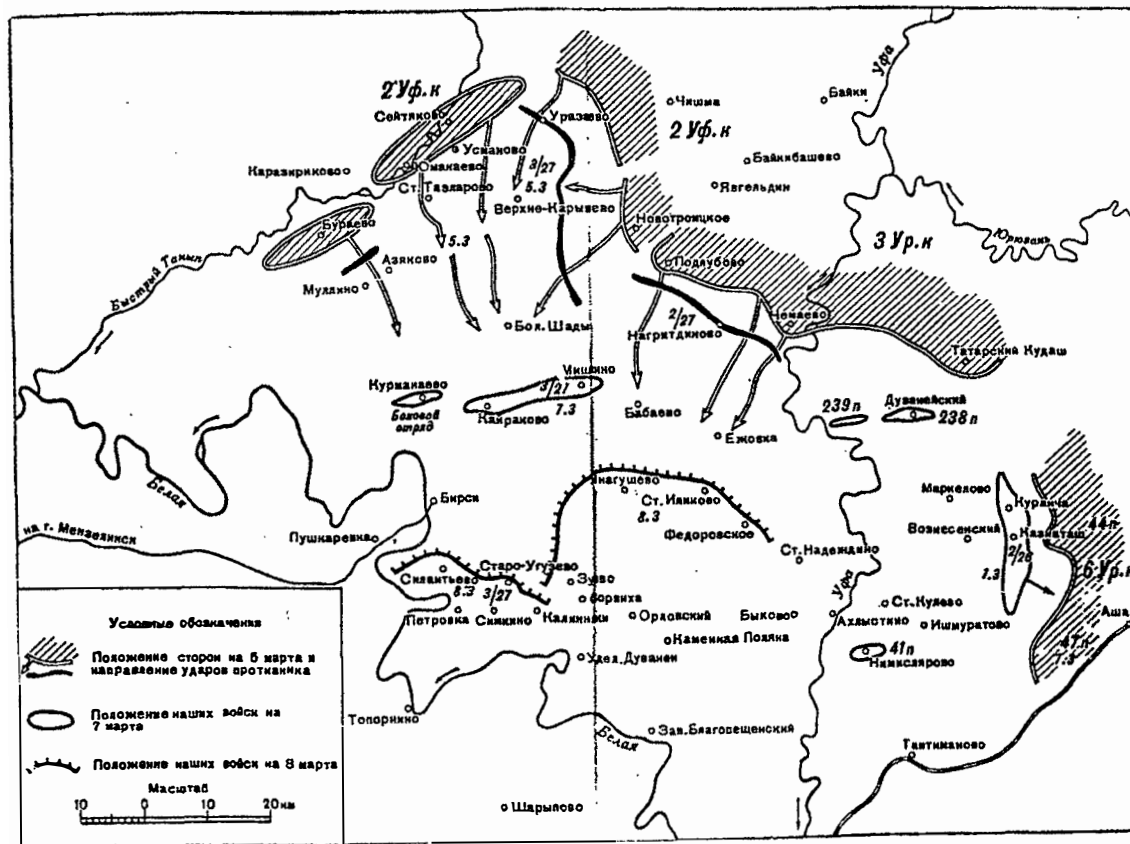
Из телеграммы штаба 5 Красной армии штабу фронта от 14-го марта:

«13-го марта в 16 часов противник повел наступление на ст. Чишмы при поддержке артиллерии. Из находившихся на станции остатков частей небольшое сопротивление оказали только части 237 Минского полка и два бронепоезда, отступившие боя на юг...»².

Захват узловой станции поставил красных в Уфе в критическое положение, взятие же Ижевской бригадой деревни Красный Яр сделало падение Уфы неизбежным. И хотя в город вступили роты именного полка, 25 Екатеринбургского имени адмирала Колчака, «подлинными виновниками» успеха были ижевские стрелки генерала В.М.Молчанова и бойцы 4 Уфимской дивизии. Интересно отметить один любопытный факт: для бойцов и офицеров Екатеринбургского полка местный торгово-промышленный союз устроил праздничный обед с пельменями³. В даль-

ПОЛОЖЕНИЕ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА ПЕРЕД НАЧАЛОМ НАСТУПЛЕНИЯ АРМИИ КОЛЧАКА

ПЕРВЫЕ КРУПНЫЕ УСПЕХИ БЕЛЫХ НА УЧАСТКЕ 27 СОВЕТСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

нейшем, на протяжении всего пребывания белых в Уфе, «екатеринбуржцы» всегда были желанными гостями города и, кстати, немало военнослужащих этого полка были похоронены на уфимских кладбищах.

Вот как писала о падении Уфы екатеринбургская газета «Отечественные ведомости» от 3-го апреля (21-го марта) 1919 г.:

«13-го марта войсками (4 Уфимской) дивизии (2 Уфимского) корпуса занята станция Самаро-Златоустовской ж.д. Чишма... Окруженные большевики пытались прорваться на г.Бирск, но были отброшены. Наступление наших войск приняло стихийный характер: части соперничали друг с другом в энергии и доблести; люди падали от усталости, но подымались и шли опять, не желая отставать. В районе Уфы частями (Ижевской) бригады был захвачен в полном составе 229 советский полк - 1800 человек с комиссарами...

Когда (7 Уральская) дивизия, действовавшая севернее Уфы ворвалась в город, сотня (№) казачьего полка в конном строю атаковала красных и обратила их в паническое бегство... Правая колонна (7 дивизии) с казаками и гусарами наступала в обход Уфы с западной стороны, зашла в тыл красным, заняла мост через реку Белая в совершенно исправном состоянии и разбила 42 советский полк...».

Еще ранее, эта же газета сообщала о трофеях взятых войсками Западной армии:

«За период с 6 по 15 марта частями армии захвачены трофеи:

2 Уфимским корпусом и 8 Камской дивизией: пленных 500, пулеметов 4, орудий 1 и телефонное имущество; 4 Уфимской дивизией: пленных 1556, винтовок 970, пулеметов 24, орудий 4, снарядов 2586, патронов 1.020.000, дробовиков 1500, лыж 1000 пар, 4 ящика медикаментов, кухни, телефонное имущество, кроме того. на ст. Чишмы-Благовар и других пунктах захвачены громадные запасы хлеба, фуража и других продуктов;

3 Уральский корпус в боях захватил: Ижевской бригадой - 2500 пленных, 3000 винтовок, 31 пулемет, 6000 снарядов, 6 обозов, 5 кухонь и другое имущество; 7 Уральской дивизией - 500 пленных, 1000 винтовок, 9 орудий, 20 пулеметов, 4000 снарядов, около 200.000 патронов, 4 обоза, 7 кухонь, 2 лазарета, 2 прожектора, телефонное и телеграфное имущество и много другого снаряжения;

Бригадой 3 Оренбургской казачьей дивизии : 3 орудия, 100 винтовок, обоз; 6 Уральским корпусом: 11 Уральской дивизией взято : пленных 196, винтовок 600, патронов 450.000, орудий Маклена 2, пулеметов 1, кухня 6, повозок 160, автомобилей 3, прожекторов 3...»⁴.

В самой Уфе была захвачена вся находившаяся здесь флотилия, исправные паровозы, вагоны, большой запас угля, нефти, хлеба, фуража и других продуктов.

Столь существенные, опять же по меркам Гражданской войны, трофеи были следствием полной неожиданности для красных мартовского наступления армии Колчака. Любопытен эпизод с разведчиком 13 добровольческого полка унтер-офицером Глебом Малышевым, который в одиночку захватил в плен начальника хозяйства и коменданта 27 дивизии красных, катавшихся в деревне Шарипово... на санках с женами⁵.

С 21-го по 28-е марта М.В.Ханжин перегруппировал свои силы, создав две сильные группы на бугульминском и бугурусланском направлениях. Начинаясь второй этап наступления, в котором бугульминская группа, представленная 2 Уфимским корпусом, должна была продвигаться на Мензелинск и Бугульму, то есть на запад. Ослабленная 27 дивизия противника, державшая фронт против группы, оказывала слабое сопротивление, но шести полкам 26 дивизии удалось приостановить победное шествие белебеевской группы - 3 Уральского корпуса. Ханжин приказывает Уфимскому корпусу, продолжая небольшими силами преследование красных на бугульминском направлении, нанести удар по Белебею, перехватить железную дорогу на Бугуруслан и, перейдя здесь к обороне, дожидаться подхода войск белебеевской группы⁶.

4 Уфимская дивизия с бригадой оренбургских казаков делает поворот на 90 градусов влево, бросается на Белебей, ставя 26 дивизию красных под угрозу флангового охвата. До города оставалось всего 10-15 км, когда противник перебросил из Давлеканово под Белебей 41 полк, 2 бригаду 27 дивизии, коммунистический отряд особого назначения и бронепоезд «Коммунар». Из самого Белебея навстречу бугульминской группе белых выдвигались части 42 и 240 полков - все, что удалось собрать. Но основная тяжесть встречных боев с 4 Уфимской дивизией пришлось на трехтысячный отряд уфимских рабочих⁷.

Под деревней Михайловка сошлись в яростной схватке дивизия белых, имеющая в своем составе немало уфимцев, и уфимские же рабочие. Отряд последних был создан по призыву Уфимского комитета большевиков, и о его боеспособности можно судить по одной только выдержке из политсводки 5 армии (имела место еще до занятия Уфы белыми):

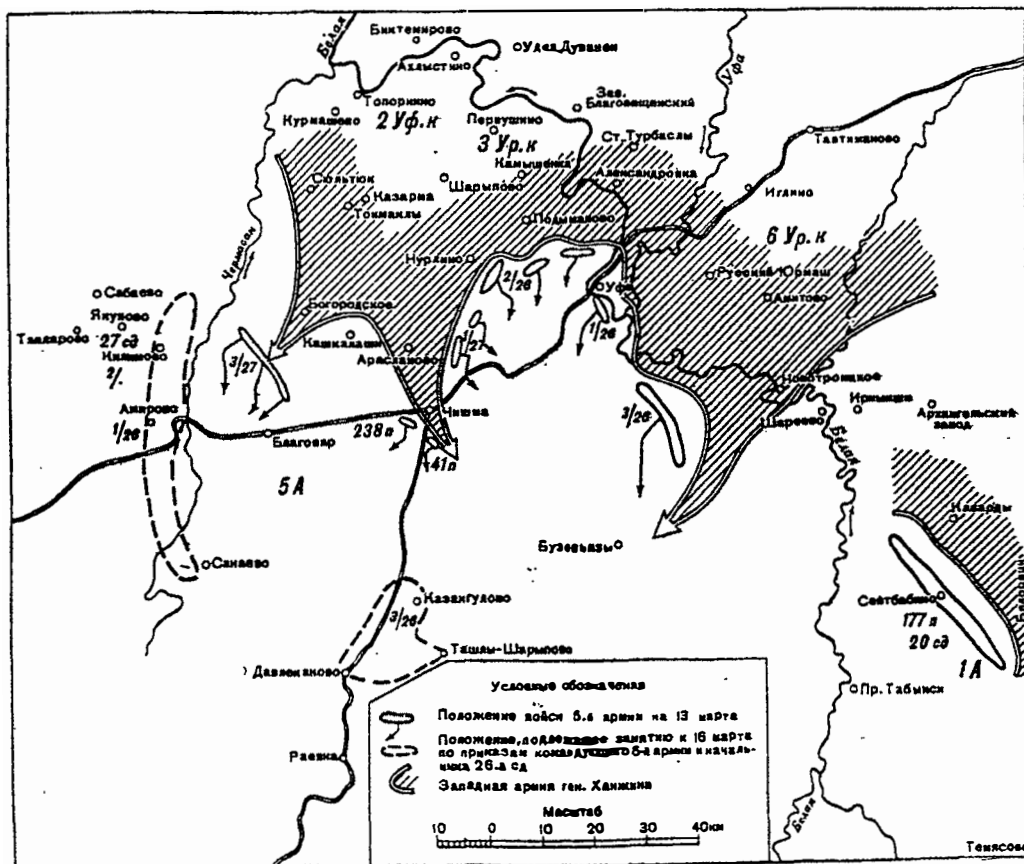
«...не хватает оружия, рабочие вырывают из рук друг друга винтовки... имеющие большой опыт доказывали право на получение оружия первыми... установили очередь участия в боях...»⁸.

Из-за неразберихи, царившей в 5 армии, отряд уфимских рабочих не успели оформить в какую-либо часть, не укомплектовали командным составом, и он был брошен против 4 Уфимской как простое партизанское соединение.

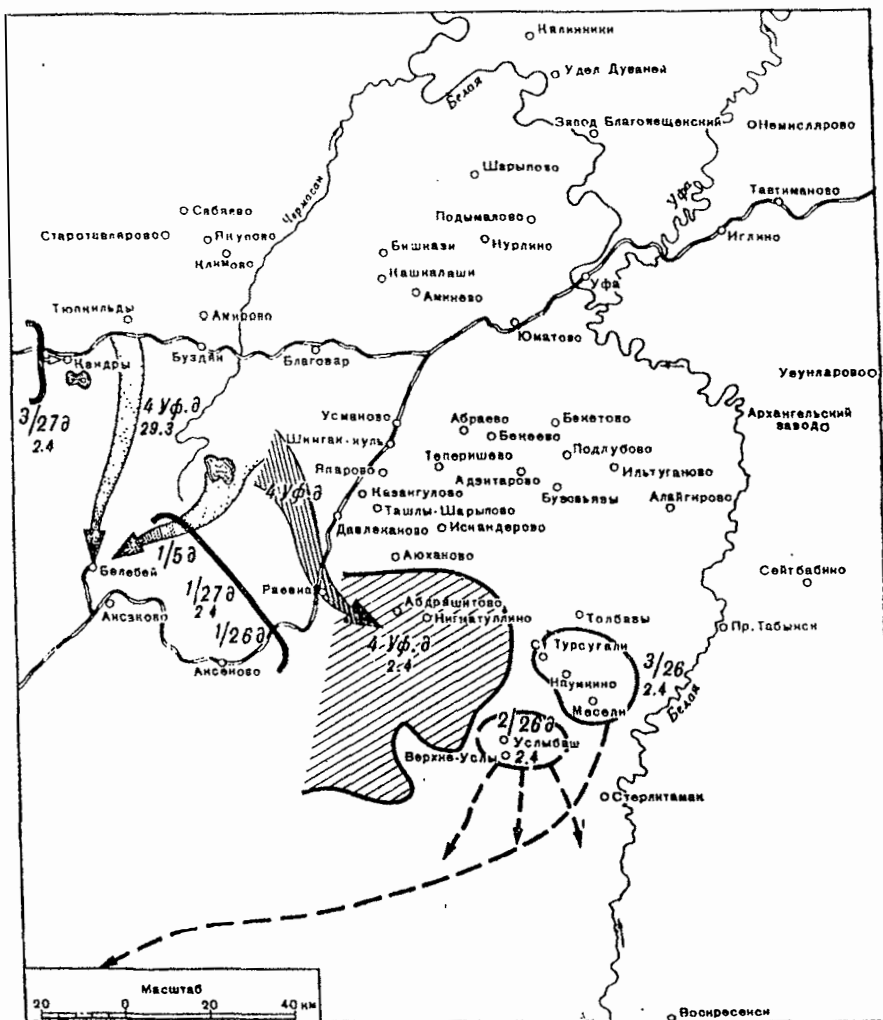
Из газеты «Великая Россия» от 18-го апреля 1919 г.:

«14 Уфимский полк после боев у деревни..., где им был разбит Тверской полк красных, вечером 10-го апреля приблизился к деревне Михайловка, в трех верстах от моста через реку Черемсан по Волго-Бугульминской ж.д. В Михайловке были красные - рабочие из железнодорожных мастерских Уфы и Благовещенского завода. После непродолжительной артиллерийской перестрелки красные бежали из Михайловки, оставив три 3-дюймовых орудия. В Михайловке полк, утомленный длинными переходами и боями, остановился для ночного отдыха.

Ночь была темная, слегка буранило, деревня спала, полк отдыхал... Вдруг около полуночи на окраине деревни началась ружейная перестрелка. Оказывается, красные надумали, пользуясь темнотой ночи, внезапно атаковать деревню и отомстить полку за потерю трех орудий. Рабочие в количестве трех рот незаметно подкрались к деревне и ворвались в нее с криками: «Товарищи, за революцию, вперед, ура!» Одна наша рота не выдержала натиска и отступила вглубь деревни, а подводчики, большей

ПОЛОЖЕНИЕ ВОЙСК 5 КРАСНОЙ АРМИИ В РАЙОНЕ УФЫ

Масштаб
0 20 40 км

Условные обозначения

	Удар 4-й Уфимской дивизии на г. Белебей 29-30 марта		Район сосредоточения 3-й бригады 26 дивизии и вечером 2 апреля и фланговый марш с 2 по 6 апреля
	Удар 4-й Уфимской дивизии на ст. Раевна 2 апреля		Остатки разбитых: 2-я бригада 26-й дивизии Оренбургской бригады
	Район, занятый 4-й Уфимской дивизией к вечеру 2 апреля		

ОБСТАНОВКА НА ФРОНТЕ 5 КРАСНОЙ АРМИИ
НА 2 АПРЕЛЯ 1919 Г.

частью татары, ошеломленные нападением красных, подняли крик, шум и погнали своих лошадей по направлению к штабу полка, который находился на противоположном конце деревни. Командир полка, бравый, закаленный в боях подполковник Слотов, не растерялся в эти минуты и, выскочив на дорогу у помещения штаба, грозно скомандовал: «Стои!» Бежавшие остановились, а командир, собрав вокруг себя группу офицеров и солдат, спокойно ожидал приближения красных. Красные подбежали и остановились в нескольких шагах от командира полка. Командир, увидев их, громко спросил: «Какой роты?» Красные ответили: «Шестой».

- Какого полка?

- Второго Уфимского советского полка. А вы которого?

- Свои, свои, товарищи, - ответил им командир и с винтовкой наперевес бросился на красных.

Вся улица заревела: «Ура!» Красные побежали вспять...

Дорого обошлась «товарищам» эта ночь: более 230 убитых оставили они в деревне. Со стороны белых потери достигли не более 50 человек, из которых до 10 убитыми...

Утром следующего дня красные опять повели наступление на Михайловку, но это наступление стоило им последнего орудия, отобранного в Воскресенском...

Пулеметчик 1 роты 14 полка мл. ун.-оф. А.М.Котов

Можно понять радость автора статьи по поводу разгрома красного отряда под деревней Михайловка, но сегодня, когда Гражданская война давно перестала быть войной «наших красных» с «ненашими белыми», а стала братоубийственной смутой, горько сознавать, что почти 80 лет тому назад под богом забытой деревней сошлись в смертельной схватке люди, еще недавно, мальчишками, заводившие общие игры на уфимских пустырях. Из воспоминаний участников этих событий: был случай, когда один красноармеец сошел с ума в бою и стал разить штыком, не разбирая своих и чужих, пока его не пристрелили.

Красный отряд уфимских рабочих был почти полностью уничтожен Уфимской дивизией, но из-за этого Ханжину пришлось перенацеливать «четвертую» на станцию Раевка. Тем не менее удар во фланг 26 дивизии красных получился. Вдобавок жестокое поражение ей сумели нанести части 3 Уральского корпуса В.В.Голицына. 30-го и 31-го марта под Уфой Ижевская бригада Молчанова и полки Уральских корпусов - 25 Екатеринбургский и 46 Исстский - отразили и разбили нетронутые еще полки 26 дивизии, пытавшиеся развивать наступление в направлении Стерлитамак - Уфа. Судьба столицы губернии висела на волоске: патроны на передовую подвозились уфимскими извозчиками. Ижевские стрелки шли в бой с песнями под гармошку, а отдельные роты атаквали противника, заложив винтовки за спину, с охотничьими ножами в руке⁹.

Позже Г.Х.Эйхе, ставший с апреля 1919 г. начдивом-26, говоря об итогах всех этих боев, признал:

«В апреле 5 армия РККА переживала катастрофу. Если в марте еще оставались боеспособными две бригады (6 полков) 26 дивизии, то в первых числах апреля никаких боеспособных войск в армии практически не было»¹⁰.

5 армия красных разваливалась, превращаясь в сплошной бегущий поток. 3-го апреля вышла директива Хапжиша за № 1266, заканчивавшаяся словами: «...Преследование (противника - С.Ш.) вести на подводах...»¹¹.

Дальнейший ход боевых действий на Восточном фронте подобен калейдоскопу событий: 6-го апреля в два часа дня в опустевший Белебей вошли воины 15 Михайловского полка¹², 9-го апреля части 4 Уфимской вышли на рубеж реки Ик, а на следующий день Аскинский и Бирский полки 8 Камской дивизии овладели станцией и городом Бугульмой¹³, 15-го пал Бугуруслан.

Отступавшие красноармейцы 5 армии дрались с отчаянием обреченных. Об этом говорят траурные извещения в уфимских газетах, как, например, о подпоручике 13 Уфимского полка Алексее Чернобыкине, раненом в бою под деревней Павловка Бугульминского уезда и «зверски исколотом штыками красноармейцев».

Не довольствуясь ролью преследователей колчаковское командование предпринимает рейды по тылам противника. Об этом свидетельствует статья в газете «Великая Россия» от 6-го мая 1919 г., посвященная совершившему прорыв в тыл противника 16 Мусульманскому полку.

«№ полк, под командой подполковника Курушкина, находясь в корпусном резерве в Бугульме, неожиданно получил задачу выйти в тыл красным и отрезать им путь отступления по линии В(олго) - Б(угульминской) ж.д. За все время существования полка это была наиболее ответственная боевая задача, которая выпадала когда-либо на долю нашего полка. В ночь с 14-го апреля на 15-е полк выступил для выполнения данной задачи, и к 24 апреля операция была закончена, и полк блестяще сдал экзамен на аттестат боевой зрелости...

Первые 15 верст по выходе из города полк двигался без боя, так как красных в то время в этом районе совершенно не было.

С первого же дня пришлось встретиться с немалыми трудностями похода. Приходилось двигаться без дорог, по рыхлому снегу, проваливаться почти по пояс, переходить вброд речки, ручьи, идти иногда под дождем. Время перехода как раз совпало с тем моментом, когда в данной местности весенняя распутица достигает наибольших размеров и когда на время прекращается даже сообщение между окрестными деревнями. Если принять во внимание, что приходилось делать форсированные переходы сразу по 30 верст в день, находясь все время в непосредственном соприкосновении с противником, то станет всем понятно выражение, часто употребляемое в военных телеграммах: «наши части продолжают наступление при невероятно трудных условиях и при разливе рек». Офицеры и солдаты полка, участники австро-германской войны, в беседах на отдыхе отмечали, что им впервые пришлось двигаться в таких невозможных условиях.

Первая встреча... произошла в 45 верстах от г.Бугульмы под д.Спиридоновка: здесь после короткого боя красные сразу же стали поспешно отходить под давлением наших рот. Двигаясь дальше, полки без боя заняли дд.Н.Кувак, Ст.Карабикулово и Ойкино. В то время, пока полк занимал указанную позицию, красные неожиданно вышли к нам в тыл на ту же д.Спиридоновку. Для того, чтобы ликвидировать эту угрозу красных, двум батальонам нашего полка пришлось вступить с противни-

ком в бой, который продолжался целых 10 часов. Красные на этот раз держались необыкновенно упорно, и только с большим трудом удалось их отогнать. Бои под д.Спиридоновка продолжались с перерывом в течение 16 - 18 апреля.

На следующий день, 19-го апреля полк подошел к д. Резяпкино и занял переправу через реку Черемшан. В первый день, Пасхи, 20-го апреля, произошла переправа через самую реку. Переправу пришлось совершать без мостов - полковой команде саперов без инструментов и материалов удалось было построить два моста, но благодаря быстрому течению р.Черемшан, которая в это время соперничала с быстрой горной рекой, полку в полном составе пришлось переходить вброд водное пространство в 400-500 шагов, в некоторых местах по горло в воде. Прелесть этого пасхального купания увеличивалась еще тем, что красные, заняв удобную позицию за рекой, все время обстреливали нас сильным ружейным и пулеметным огнем. Как только стрелки почувствовали под ногами твердую почву, противник был моментально отброшен и начал отступать к линии ж.д. 20-го апреля, не отдохнув еще от переправы, пришлось снова завязать бой с красными за обладание ст(анцией) Шалашниково. На этот раз нашему полку совместно с частями другого № полка пришлось иметь дело сразу с шестью полками противника, правда, уже потрепанными, но все-таки по численности превосходившими в 4 - 5 раз наши силы, и при поддержке дальнобойной артиллерии с броневика «Роза Люксембург», который у большевиков считается одним из лучших. Трудность положения увеличилась еще тем, что красные полки создали серьезную угрозу с запада, пытаясь обойти наш фланговый батальон, благодаря чему они сразу же выходили в тыл остальным нашим частям, ведущим наступление на главные силы противника. Бой за обладание станцией длился 13 часов, и некоторые участки позиции перешодили из рук в руки по 3 - 4 раза. Были моменты, когда некоторые наши роты ходили в штыки не только на позиции красных, но и на сам броневик. Броневик был обойден нами с тыла, и, будь у нас подрывные средства, он никуда бы не ушел. В результате мы заняли ст.Шалашниково и д.Чув-Абдиково.

Красные все-таки не были окончательно разбиты и, отступив, заняли новые позиции. Следующие два дня прошли в сравнительном затишье, в ночных нападениях наших разведчиков на сторожевые посты противника. В эти дни мы, между прочим, имели возможность наблюдать картину боя броневиков «Роза Люксембург» и нашего, который неожиданно подошел к нам на помощь после занятия ст. Шалашниково.

23-го апреля мы вели последний бой за обладание целым рядом деревень у линии ж.д., и наша боевая задача была наконец выполнена: линия В(олго) - Б(угульминской) ж.д. была перерезана и дальнейшее преследование было поручено уже другим частям, наш же полк был отведен в дивизионный резерв и получил заслуженный отдых.

Почти за все время этой операции полк был оторван от других частей, и связь была восстановлена перед самым выполнением задачи...

Время отхода в резерв как раз совпало с раздачей пасхальных подарков, привезенных из Уфы. Это напомнило нам о празднике и заставило окончательно забыть о трудностях только что перенесенного похода».

**БЕЛАЯ АРМИЯ.
НА ОТДЫХЕ.**

В эти же дни от горожан Уфы получили подарки 13 Уфимский и 25 Екатеринбургский полки, В Уфимский полк пасхальные подарки отвезла супруга командира Семена Карпова И.Д.Карпова (имени и отчества, к сожалению, узнать не удалось - С.Ш.). Комполка-13 выразил благодарность городу, чье имя носил полк, особенно приходским советам Крестовоздвиженской и Иоанно-Предтеченской церквей¹⁴. Любопытный факт: Крестовоздвиженская церковь славилась самым большим в Уфе приходом... и тем, что ее прихожанами были далеко не богатые люди.

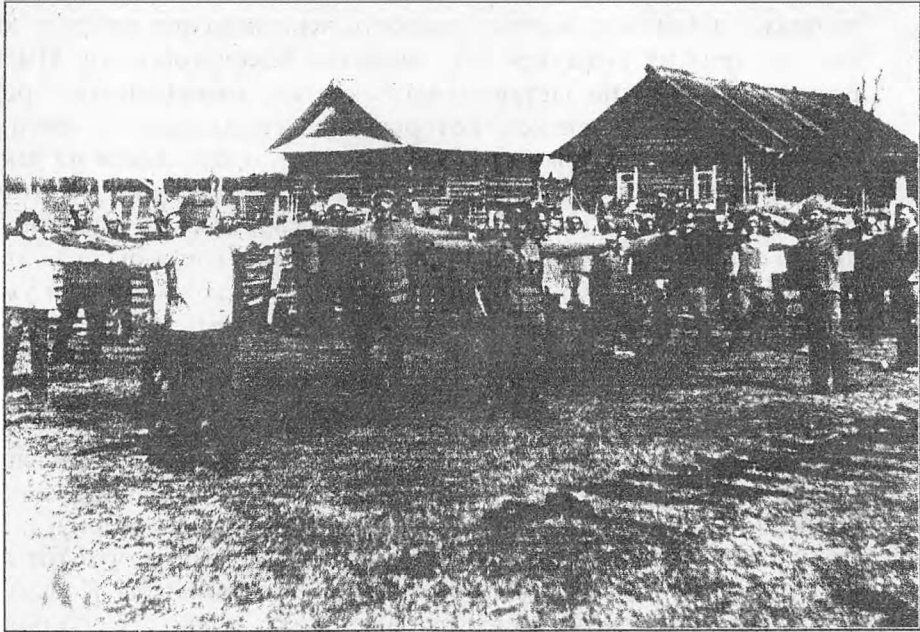
Наконец в период пребывания колчаковцев в Уфе одним из квартальных комитетов была собрана денежная сумма в размере 2.250 рублей на пошив знамени 13 Уфимскому полку, но удалось лишить само знамя, неизвестно¹⁵.

Между тем наступление Белых армий Восточного фронта продолжалось. Советские войска были вынуждены оставить Орск, Актюбинск и Лбищенск, отступить к Уральску и Оренбургу, потеряв связь с Туркестаном. Корпуса Сибирской и Западной армий приближались к Самаре, Симбирску и Казани. Между 5 и 2 армиями красных образовался 150-км разрыв от Сергиевска до Чистополя, закрыть который было нечем: резервов уже не было.

Восточный фронт стал для Советской России главным фронтом. В спешном порядке, в период с конца апреля до начала мая, правительство большевиков направило на фронт пополнение - около 55 тысяч человек, среди них одних только коммунистов порядка 15 тысяч, перебрасывались войска, вооружение и боеприпасы. На начало мая 1919 г. численность советских войск возросла до 143 тысяч пехоты и сабель, 511 орудий, 2.455 пулеметов. Пять красных армий были разделены на Северную и Южную группы. В последнюю вошли 1-я, 4-я, 5-я и Туркестанская армии, командовал группой М.В.Фрунзе¹⁶. Красные готовили контрнаступление.

Перелом

Участник гражданской войны, красный начдив 26 дивизии Г.Х.Эйхе свою книгу о весеннем наступлении Колчака в 1919 г. назвал «Уфимской авантюрой Колчака». Наверное можно согласиться с автором этого безусловно интересного труда в оценке действий колчаковского командования. Наступление белых весной 1919 г. действительно можно назвать авантюрой. Но эта авантюра не исключение, а скорей следствие характера Гражданской войны, - войны, во многом не поддающейся законам логики. Можно подсчитать количество пехоты и сабель, противоборствующих сторон, но что скрывается за ними: фронтовики, просидевшие безвылазно четыре года в окопах Первой мировой, или гражданское население, волею случая взявшее винтовки, добровольцы, воевавшие по убеждению, или взятые по насильной мобилизации? Поэтому на фронтах Гражданской войны так нередки были случаи, когда отдельные полки обращали в бегство целые дивизии, когда персходили из одного лагеря в другой роты и батальоны, когда, словно по мановению волшебной палочки, разваливались целые армии.

БЕЛАЯ АРМИЯ.
ГИМНАСТИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ.

Особенностью войны на Восточном фронте была крайне низкая плотность войск. самая низкая из всех фронтов Гражданской войны в России. Отсюда и характер ведения боевых действий: применение широких, охватывающих маневров, бои лишь за обладание крупными населенными пунктами, высокая скорость передвижения войск и, как следствие, быстрая их утомляемость, снижение боеспособности. Именно быстротечность событий заставила колчаковское командование предаться головокружению от успехов, которое оно испытывало от «бега к Волге». Роковым решением для белых явился отказ от остановки на реке Ик с целью приведения в порядок своих частей и определение для этого рубежа реки Волги. Судите сами, если в январе-феврале командование 5 Красной армии успокаивало себя близостью Уральских гор и было за это жестоко наказано, то перед Колчаком в апреле того же года маячили уже золотые купола Первопрестольной. Было от чего потерять голову и требовать от командующих армиями, а тем в свою очередь от командиров корпусов и дивизий, двигаться только вперед.

Результатом «бега к Волге» явилось отставание тылов из-за апрельской распутицы, растягивание фронта, потеря пробивной способности ударными силами. Между штабами и полевыми командирами зрели конфликты. Так Войцеховский, командир 2 Уфимского корпуса, жаловался на начдива 4 Уфимской дивизии генерала Косьмина, что тот протестует против движения вперед. Войцеховский отстранил бы Косьмина от командования дивизией, несмотря даже на его значительную роль в уфимской операции, если бы в конфликт не вмешался сам Ханжин. Страсти поутихли, последними словами командира Западной армии были следующие: «Вполне согласен с генералом Войцеховским. Остановить наступление сейчас - значит дать возможность противнику устроиться. Нужно все время давить на него, делая хотя бы мелкие переходы, но ежедневно. Распутица будет непродолжительной, ибо край степной...»¹⁷.

Если бы только в распутице было дело. Увлечшись погоней за разбитой 5 армией красных 2 Уфимским и Зауральским корпусами. Ханжин сильно растянул левый фланг Западной армии, имея на нем к тому же сильно ослабленные недавними боями дивизии 6 Уральского корпуса. Между тем именно против 6 корпуса сосредоточилась ударная Южная группа под командованием Фрунзе.

Не останавливаясь на общеизвестных причинах появления у красного командования идеи контрудара Южной группой войск по левому флангу колчаковцев, отмечу, что перелом в весенней кампании 1919 г. стал во многом возможен из-за неудачных действий Оренбургской и Уральской казачьих армий. По плану Колчака казачьи армии должны были сковать на своих направлениях силы красных на юге - Первую и Туркестанскую армии, не дать им возможности оказать содействие 5 армии красных. С этой задачей уральцы и оренбуржцы не справились, столицы казачьих войск - города Уральск и Оренбург - не были ими взяты, несмотря на активизацию казачьих армий во время наступления основных сил Колчака. В этом не было их вины, скорее это была беда южно-уральского казачества, так как серьезной силы их маленькие армии (всего около 19.000 в обеих против 36.000 в 1-й, 4-й и Туркестанской армиях красных) не представляли. Последнее не умаляет их значения, особенно

Уральской казачьей армии, почти полностью уничтоженной красными в Гражданской войне из-за своего стойкого сопротивления.

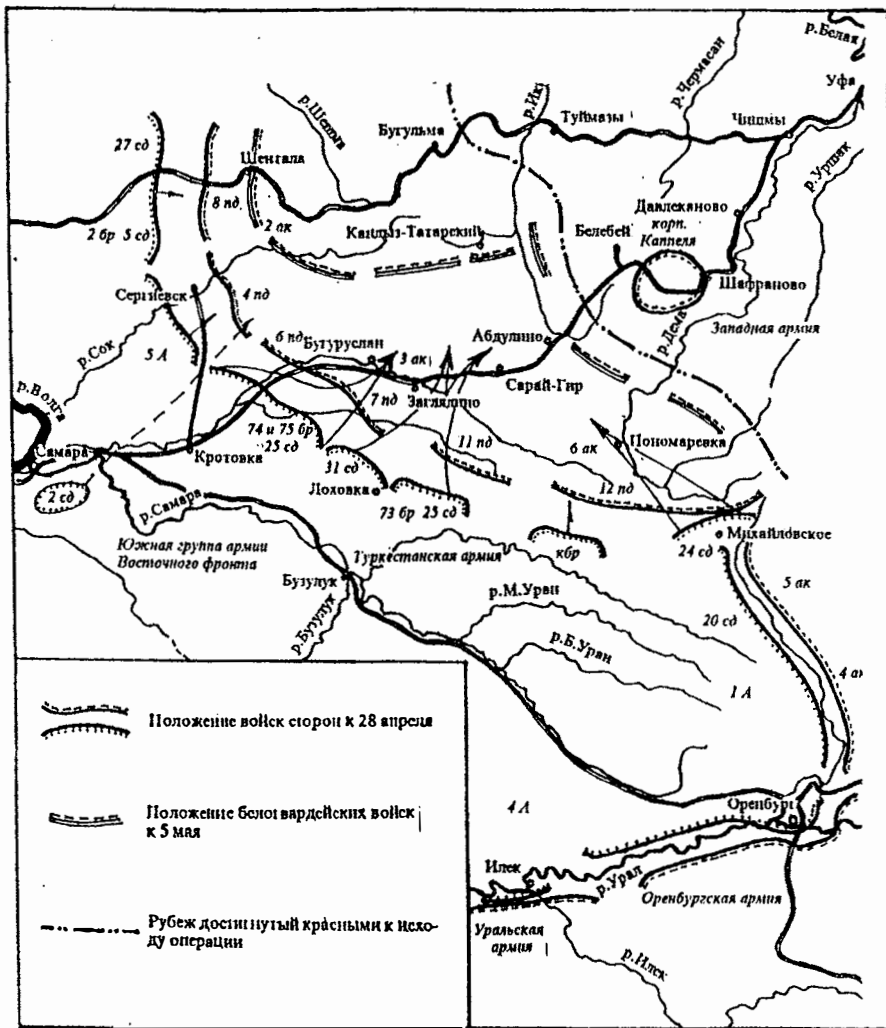
Если говорить о роли конницы на Восточном фронте в целом, то надо отметить, что большой погоды она не делала. Многочисленными казачьи войска были только в своих наименованиях - Сибирское, Забайкальское, Оренбургское, Уральское, Енисейское и Уссурийское. Все вместе они не превышали одно «Всевеликое войско Донское». Поэтому, даже несмотря на превосходство белогвардейцев на Восточном фронте в саблях, казачьи полки и бригады играли вспомогательную роль: главенствовала пехота. В немалой степени последнему способствовало предубеждение против конницы из-за сведения на нет ее роли в Первую мировую войну. В результате обходные маневры, равно как у красных, так и у белых, совершались силами пехоты. Зимой и при весенней распутице такие действия себя даже оправдывали, но в мае-июне, когда завязались бои белых с ударной группой Фрунзе, колчаковское командование не вспомнило о своем превосходстве в саблях, а зря.

События развивались следующим образом. В то время как 2 Уфимский корпус при поддержке 3 Уральского, двигался на Самару, красные нанесли поражение наступавшему на Оренбург 4 корпусу белых. Это произошло с 24-го по 26-е апреля на реке Салмыш во время переправы. А 28-го апреля были наголову разбиты две ослабленные дивизии 6 Уральского корпуса. И хотя двумя днями раньше Уфимский корпус в лице 4 дивизии захватил городок Сергиевск и до Самары оставалось всего чуть-чуть, чаша весов стала клониться в пользу красных¹⁸.

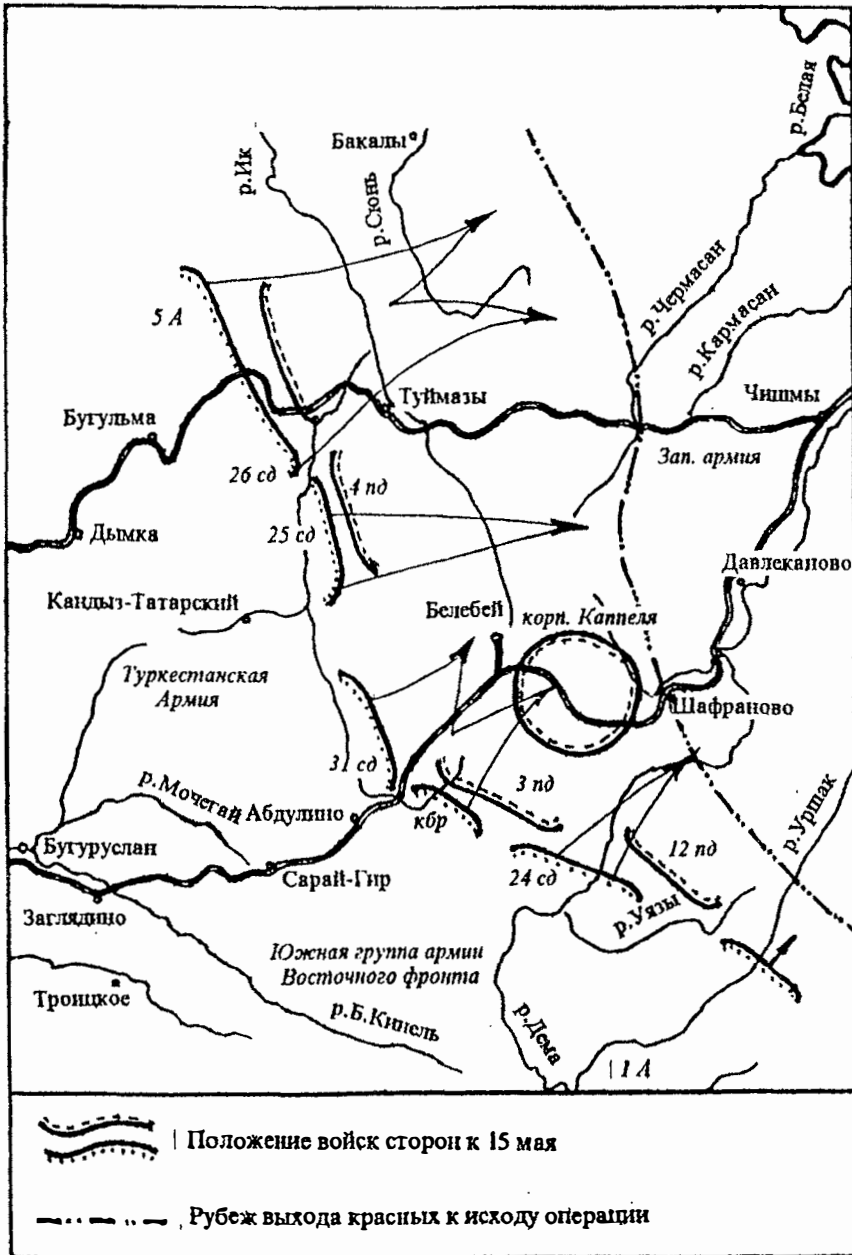
28-го апреля Южная группа Фрунзе устремилась в образовавшийся разрыв между 3 и 6 Уральскими корпусами в направлении на Белебей. Однако ударить в тыл ударному 2 Уфимскому Фрунзе не смог. 30-го апреля на сторону белых перебежал комбриг чапаевской дивизии и раскрыл Войцеховскому планы красного командования. Видя угрозу своему левому флангу, Войцеховский, в руках которого в это время было объединено командование 2 и 3 корпусами, в ночь на 2-е мая отдал приказ приостановить наступление и перейти к обороне. Но уже днем того же числа он отдал приказ отходить к Бугульме: городу угрожала охватом 25 дивизия В.И. Чапаева. Со 2-го по 4-е мая Войцеховский удачно совершает перегруппировку своих войск и отводит к Бугульме 8 Камскую, 7 Уральскую и 4 Уфимскую дивизии. В районе города белые создают фронт на южном и западном направлениях, оставив с востока слабый заслон.

Со своей стороны Фрунзе ставит советским войскам задачу охватить пятью дивизиями в районе юго-западнее Бугульмы 2 и 3 Белые корпуса, а кавбригаде Каширина перерезать железную дорогу Бугульма - Уфа. По замыслу красного командования, планировалось окружение ударных корпусов.

Однако 9-го мая Войцеховский, не дожидаясь активных действий красных, сам отдал приказ о наступлении. На рубеже реки Сок завязались ожесточенные встречные бои. По всем правилам военного искусства встречный бой характеризуется как бой быстротечный и упорный, так как это бой за выигрывш инициативы. Колчаковское командование не могло и не хотело мириться с тем, что инициатива будет принадлежать красным. К тому же на этот раз красные встретили части, которые до это

БУТУРУСЛАНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ
 28 АПРЕЛЯ - 13 МАЯ 1919 Г.

БЕЛЕБЕЙСКАЯ ОПЕРАЦИЯ
 15 - 19 МАЯ 1919 Г.

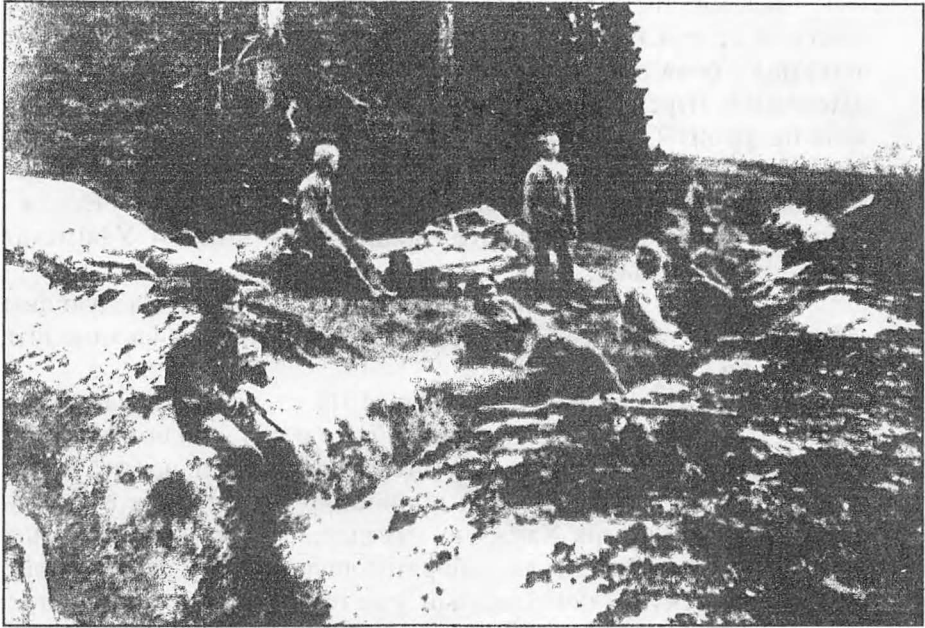
го только побеждали... Увы, военное счастье было не на стороне белого воинства.

4 Уфимская дивизия, действуя с прославленной Ижевской бригадой, столкнулась с 73 бригадой 25 дивизии Чапаева и потерпела поражение. Во многом поражение было обусловлено тем, что ижевские стрелки не прикрыли фланг Уфимской дивизии, а прикрыть не смогли из-за того, что в бригаде самих «ижевцев» практически не было... В то время, когда корпуса Западной армии Ханжина еще наступали, пришло известие о вступлении в города Ижевск и Воткинск частей Сибирской армии. Ижевцы стали требовать их скорейшей отправки на родной завод, что вполне естественно для людей, долго не видевших свои семьи. Разумеется, и командование Западной армии не могло, в разгар наступления, позволить себе лишиться столь сильной бригады, какую представляла бригада Молчанова. Тогда большая часть ижевских стрелков самовольно ушла с фронта домой. Что оставалось делать Ханжину? Бригаду в спешном порядке укомплектовали взятыми по мобилизации башкирами. Естественно, ни о какой боеспособности теперешней «Ижевской» бригады и речи быть не могло.

По воспоминаниям начальника штаба Ижевской бригады А.Г.Ефимова, написавшего в эмиграции книгу «Ижевцы и воткинцы», молодое пополнение - башкиры - просто попадало на землю, закрыв головы руками, в тот момент, когда наскочила конница кавбригады Каширина¹⁹. Разгром Ижевской бригады повлиял на ход боя 73 бригады чапаевской дивизии с уфимцами, ведших бой с красными до самого вечера 9-го мая: дивизия Косьмина отступила. Победа дорого далась противнику. По оценке самих же чапаевцев, 73 бригада потеряла на поле боя до 200 человек одними убитыми - цифра по меркам Гражданской войны немалая. Несмотря на поражение ударной группы Западной армии Ханжина, окружить 2 и 3 Белые корпуса Туркармии Фрунзе не удалось. Колчаковцы отступили за реку Ик к Белсею.

Из резерва к городу спешно перебрасывались части 1 Волжского корпуса генерала Каппеля. Корпус формировался в Челябинске, его солдаты и офицеры имели английское обмундирование²⁰, но в чисто военном отношении 1 Волжский был не подготовлен, его полки комплектовались за счет пленных красноармейцев, последние, при удобном случае, перебежали на сторону советских войск.

4 Уфимская дивизия держала позиции севернее города, против нее действовала та же 25 дивизия Чапаева. 15-го мая 13 Уфимский полк был атакован Домашкинским полком чапаевской дивизии у деревни Уязы-Томак и отступил, потеряв при этом три орудия и шестьдесят человек пленными. В этот же день 15 Михайловский полк имел шестичасовой бой с чапаевцами из Сызранского полка у деревни Сукулово и отступил к Нижне-Троицкому заводу. Неудача двух лучших полков дивизии вынудила Косьмина прибегнуть к своему единственному резерву, каким был 16 Мусульманский полк. Вечером 15-го мая он бросает его на деревню Кызыл-Яр, где противник навел понтонный мост. Артиллерии 4 Уфимской дивизии удалось было разрушить красную переправу, но саперы противника вновь ее восстановили. Уже затемно по мосту переправились полк имени Разина и два батальона из полка имени Пугачева и на рассвете

БЕЛАЯ АРМИЯ.
В ОКОПАХ.

следующего дня атаковали позиции 16 Мусульманского. Занимая господствующие над местностью высоты, 16 Мусульманский тем не менее потерпел поражение, чему в немалой степени способствовал переход на сторону красных шестидесяти солдат из 4 роты этого полка²¹.

Вообще надо отметить, что переход солдат и даже офицеров колчаковской армии на сторону противника, стал особенно частым явлением начиная с боев под Белебеем. Пример подал курень (полк) имени Тараса Шевченко, перешедший на сторону красных в полном составе, едва прибыв на фронт²². За этим последовала сдача в плен почти всего 10 Бугульминского полка, 11 Сенгилеевского, 3 батальон 49 Казанского... Белая армия начинала разваливаться, но на этом катастрофическом фоне наиболее стойкие соединения Колчака, и в их числе 4 Уфимская дивизия, продолжали борьбу.

16-го мая корпус Каппеля оставил Белебей. Следующим рубежом обороны колчаковцев была река Белая и местопребывание штаба Западной армии - Уфа.

Об Уфимской операции июня 1919 г. сказано и написано достаточно, казалось бы, тема исчерпана «от» и «до», но вот все ли изложенное советскими историками соответствует действительности? Ведь свидетельства белых об этом сражении полностью отсутствуют. К моменту Уфимской операции армия Ханжина, отведенная за реку Белая, была поделена на три группы: Уральскую, обороняющую правый фланг; Волжскую - левый и Уфимскую - центральный участок фронта, непосредственно город Уфу. Длина фронта, занимаемого Уфимской группой, достигала 45 км, и простирался он от устья реки Уфимка до завода Благовещенский. Главные события развернулись именно на нем. Состав группы (командовал его тот же Войцеховский) выглядел следующим образом:

4 стрелковая Уфимская имени генерала Корнилова дивизия -

- 13 Уфимский имени генерала Корнилова полк
- 14 Уфимский полк
- 15 Михайловский полк
- 16 Мусульманский полк
- Кавалерийский дивизион
- 4 Уфимская стрелковая имени генерала Корнилова артбригада

8 стрелковая Камская имени адмирала Колчака дивизия -

- 29 Бирский полк
- 30 Аскинский полк
- 31 Стерлитамакский полк
- 32 Стерлитамакский полк
- Егерский батальон
- 8 Камская стрелковая артбригада

12 Уральская стрелковая дивизия -

45 Сибирский полк
46 Исетский полк
47 Тагильский полк
48 Туринский полк
Егерский батальон
Конный дивизион
12 артиллерийский дивизион

Группа располагала значительной массой казачьей конницы в составе:

1 Сибирской казачьей дивизии -

1 Сибирский казачий имени Ермака Тимофеева полк
2 Сибирский стрелковый полк
3 Сибирский стрелковый полк
Сибирский конно-артиллерийский дивизион

2 Отдельная Оренбургская казачья бригада -

2 Оренбургский казачий конный полк
5 Оренбургский казачий конный полк
2 Оренбургская казачья батарея

Отдельная Оренбургская казачья бригада Западной армии -

12 Оренбургский казачий конный полк
18 Оренбургский казачий конный полк

Технические части усиления:

Уфимский тяжелый артиллерийский дивизион
Два авиаотряда
Два дивизиона бронепоездов
Бронесамобильный отряд

Все эти части, кроме 1 Сибирской казачьей дивизии, были задействованы ранее на фронте, что говорит о скудости имевшихся резервов в армии Колчака. В 20-х числах мая фронт держали Волжский и Уфимский корпуса, 3 Уральский был выведен в резерв севернее Уфы для отдыха и пополнения²³.

Существенную помощь в деле обороны Уфы сыграла артиллерия. Незадолго до начала операции в местных газетах появилось объявление об испытании на городском полигоне тяжелых пушек французской системы. Кроме того, воспользовавшись недельным перерывом в наступлении красных, колчаковцы укрепили правый берег реки Белая, и без того имевший главенствующее положение.

Насколько важное значение придавало Уфе белогвардейское командование, видно из перехваченного красными секретного доклада Ханжина главкому чеховойск Яну Сыровы:

«У прямого провода в Уфе генерал Ханжин, в Омске генерал Сыровы.

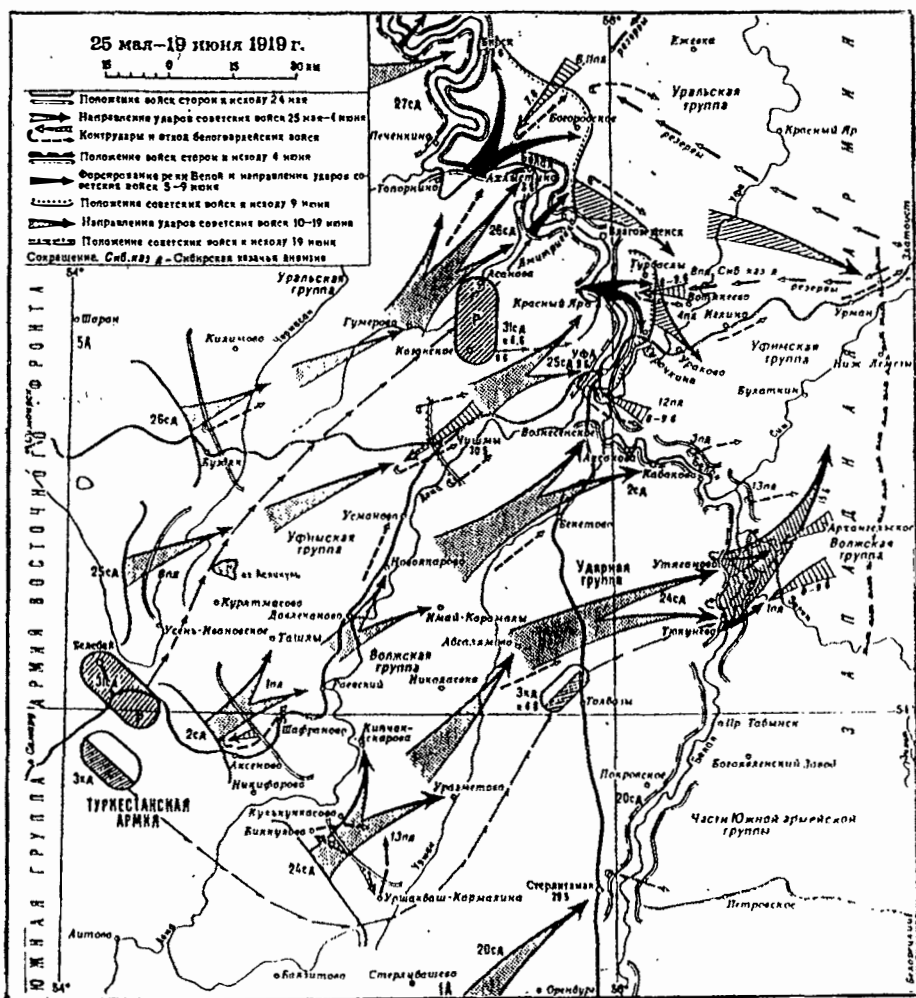
Ханжин: ...обстановка в корне изменилась, под угрозой противника оказалась Уфа - ключ к Среднему Уралу. Более того, боеспособность наших частей катастрофически падает. Я заготовил приказ об объявлении Уфы на осадном положении и о поголовной мобилизации гражданского населения города для сооружения укреплений. Вчера я вторично производил рекогносцировку местности и пришел к выводу, что Уфу можно превратить во второй Верден против красных... Уфу красным не взять. Во всяком случае, я не соглашусь отступить, если даже от Уфы не останется камня...»²⁴.

Бравурный тон доклада главкома Западной армией можно объяснить тем, что доклад предназначался для высшего колчаковского командования, а то и для самого адмирала, болезненно переносившего неудачи войск. Рядовой же офицерский состав подчиненных Ханжину полков и дивизий вряд ли разделял оптимизм своего командующего. Во всяком случае, в уфимский газетах появилось объявление о собрании членов семей офицеров 13 Уфимского полка²⁵. Аналогичное объявление появлялось перед оставлением белыми Уфы в декабре 1918 г.

Туркестанская армия красных (29,8 тысяч штыков и сабель, 119 орудий, 408 пулеметов), наступавшая на участке Уфимской группы, имела в своем составе 2, 24, 25 стрелковые дивизии в первом эшелоне, 3 кавдивизию - во втором. Еще одна стрелковая дивизия - 31 находилась в армейском резерве. Справа от Туркестанской армии наступала 20 дивизия 1 армии на Стерлитамак, слева - 26 дивизия 5 армии на Ахлюстино, Бирск²⁶.

После недельной передышки войска Туркармии красных 25-го мая начали операцию по овладению Уфой и 30-го числа заняли станцию Чишмы. Узловой станции «не повезло» в очередной раз, бой за овладение ею был исключительно упорен с обеих сторон. Колчаковцы заблаговременно подготовились к приходу красных, нарыли окопы, блиндажи, огневые точки, ходы сообщений, протянули колючую проволоку - случай для Гражданской войны весьма редкостный, ввели в бой бронепоезда и бронемшины, неоднократно бросались в контратаки на красных... Но бой за Чишмы был предпринят белыми лишь для выигрыша времени, чтобы успеть отвести главные силы к Уфе. После Чишмов колчаковцы вели лишь арьергардные бои. тяжесть которых была возложена на кавалерию. В одном из таких боев красных атаковал Уфимский гусарский полк, а у деревни Шестопалово имел место кавалерийский бой сводного отряда красной конницы Сурова со 2 казачьим Уфимско-Самарским полком²⁷. Этот полк был одним из старейших в Оренбургском казачьем войске, история его формирования также связана с историей Уфы.

Выйдя к Белой, красные, а это были полки 25 дивизии Чапаева, открыли с левого берега реки ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь по противоположному правому берегу, где располагались колчаковцы. Обстрел города велся на протяжении всей его осады, то есть со 2-го по 9-е июня. По воспоминаниям очевидцев, снаряды чапаевской ар-

**УФИМСКАЯ ОПЕРАЦИЯ
25 МАЯ - 19 ИЮНЯ 1919 Г.**

тиллерии накрывали почти всю площадь Уфы, особенно центральную ее часть, но существенных разрушений в городе не было, как не было и больших жертв среди мирного населения, заблаговременно попрятавшегося по подвалам. Это объясняется отсутствием в 25 дивизии тяжелой артиллерии. По городу стреляли обычные полевые пушки. И тем не менее ряд улиц Уфы был охвачен пожарами, в большинстве домов вылетали окна. Пять снарядов попало в 1-ю соборную мечеть, обстреливалась колокольня Троицкой церкви - чапаевцы били по вероятным наблюдательным пунктам противника. Один снаряд угодил даже в известный дом купца Костерина, что, впрочем, не помешало комиссару-25 Фурманову расположиться в нем после вступления в город красных.

Ответный огонь колчаковских батарей (с Сергиевского кладбища, Случевской горы - сейчас это сад имени Крупской, Троицкой - сейчас Первомайская, и Верхнеторговой площадей) бронепоездов, находящихся на станции Уфа, был, наверное, более успешен. Во всяком случае, переправиться красным в районе Цыганской поляны и железнодорожного моста не удалось²⁸. Поэтому действия противоборствующих сторон непосредственно вблизи города сводились лишь к взаимной перестрелке.

Основные события развернулись в районе деревни Красный Яр, ставшей на время осады Уфы штабом 25 дивизии и командующего Туркармией Фрунзе. Напротив деревни разведчики-чапаевцы захватили небольшой плацдарм на белом (правом) берегу Белой. Находившаяся против плацдарма 4 Уфимская дивизия, в лице 13 полка, не торопилась начинать активные действия против красных, выжидая переправы больших сил. В этом был свой резон, так как, не имея достаточно сил для сплошной обороны своего берега, логично было допустить переправу противника в одном месте, позволить ему стянуть здесь все свои резервы, а потом бить в самый неподходящий для того момент. На участке Волжской группы Каппеля так и было. Волжцы впустили красных, дали возможность переправиться одной бригаде 24 советской дивизии, а затем атаковали ее с севера, опрокинули сильным ударом в Белую и почти уничтожили. Кстати именно на участке Каппеля красное командование и хотело переправить свои основные силы. Однако сделать это им не удалось²⁹. Но вернемся к Уфимской группе. Итак, для свободного маневрирования частями Войцеховский держал в резерве до 50 процентов своих сил - по два полка от каждой дивизии. Дальнейший ход событий подтвердил правильность суждений командующего группой, но конечный результат сражения за Уфу оказался не в пользу белых.

В полночь с 7-е на 8-е июня силами двух бригад 25 дивизии красные начали переправу. К двум часам ночи 217 Пугачевский и 220 Иваново-Вознесенский полки вышли на рубеж захваченного разведкой плацдарма и в четыре часа утра, после короткой артподготовки, перешли в наступление. Преодолев три ряда проволочного заграждения, 220 полк сбил колчаковцев с занимаемых позиций и беспрепятственно занял деревню Новые Турбаслы. Противостоящий иваново-вознесенцам 14 Уфимский полк, не оказывая большого сопротивления, отступил к 15 и 16 своим полкам, стоявшим в резерве у деревни Вотякеево.

Наступавший рядом с ивановскими ткачами 217 полк чапаевцев закрепился в деревне Александровка, и таким образом красные к 10 часам имели плацдарм шириной (по фронту) до 8 км и глубиной 10-12 км. К полудню Фрунзе и Чапаев переправили еще два полка, дивизион бронсавтомобилей и шесть легких орудий.

Лишь теперь, убедившись в намерении красного командования переправлять главные свои силы в районе Красного Яра, белые предприняли активные меры по ликвидации красного плацдарма. Полки 4 Уфимской дивизии атаковали Иваново-Вознесенский полк и заставили его начать отход с занимаемых позиций. Одновременно был нанесен удар в тыл Пугачевскому полку, деревня Александровка перешла к белым. Положение для красных усугубляло безраздельное господство авиации белых, затруднившей и без того сложное положение переправлявшихся сил чапаевской дивизии.

В критический момент боя в цепях отступавших красных появился с винтовкой в руках сам командарм Туркестанской Фрунзе. Личным примером он остановил отступавшие полки и возглавил контратаку батальона Иваново-Вознесенского полка на деревню Александровка. Удар 4 Уфимской дивизии был сорван, но бой за плацдарм на этом не закончился.

К 16-ти часам к уставшим полкам уфимцев подошли части 8 Камской и 1 Сибирской казачьей дивизий. Опять в воздухе появилась авиация белых, именно в этот момент сброшенной с аэроплана бомбой был контужен Фрунзе и ранен пулей в голову Чапаев. Тревожная для красных весть вмиг облетела чапаевские полки, и может быть, из-за этого атака 8 Камской дивизии была на первых порах успешна: «многострадальная» Александровка вновь перешла к белым. Как и в первой половине дня, красные дрогнули и устремились к переправе. Казалось, еще одно усилие со стороны белых, и чапаевцы будут сброшены в воды Белой, но в последний момент комсостав Пугачевского полка сумел остановить растерявшихся красноармейцев и организовать контрудар. На помощь красным пришла дивизионная и полковая артиллерия, переправившиеся броневладельцы.

К исходу дня красные расширили занимаемый плацдарм и переправили на него еще два полка 25 дивизии. Ночь с 8-е на 9-е прошла спокойно, стороны готовились к решающей схватке...

Об атаке колчаковцев 9-го июня под Уфой в советской историографии написано как об атаке «психической». Ей посвящен эпизод в фильме братьев Васильевых «Чапаев», о ней писали комиссар Фурманов, командир 73 бригады 25 дивизии Кутяков и начальник чапаевской дивизии Хлебников, советские историки Спириин и Болгин и др. Замечу лишь, что эти «воспоминания» страшно противоречат друг другу. Так, у Фурманова «офицерские батальоны и Каппелевский полк» подошли тихо, «стремясь застать измученных вчерашним боем красных героев врасплох»³⁰. У чапаевского комбрига Кутякова наступавшие колчаковцы шли в «черных мундирах», как в фильме «Чапаев»³¹. У начальника артиллерии 25 дивизии Хлебникова же атаке предшествовала артподготовка, а сама атака шла «под грохот барабанов и звуки труб»³².

Что ж, обратимся к более серьезным высказываниям. Упомянутый Эйхе в своей книге «Авантюра Колчака» писал, что из 17-тысячного офицерского корпуса колчаковской армии лишь одна тысяча были кадровыми, остальные же получили офицерский чин лишь в годы Первой мировой войны, но и таковых не хватало. Ни о каких офицерских батальонах, а тем более полках, на Восточном фронте и говорить не приходится³³. Теперь, о часто упоминаемых «каппелевцах». Этот термин появился только зимой 1919 - 1920 гг., так называли себя колчаковцы в память о своем любимом командире генерале Каппеле. Если принять за «каппелевцев» солдат и офицеров упоминаемого 1 Волжского корпуса, которым командовал Каппель, то «волжане» держали фронт по правому берегу реки Белой южнее Уфимской группы и участия в защите Уфы не принимали. Наконец о «барабанном бое и черных мундирах». В книге генерала Сахарова «Белая Сибирь» есть такое упоминание о внешнем виде белых защитников Уфы:

«...Малешкиис, иногда в 20 - 25 рядов роты; ...внешний вид этих русских полков был совершенно отличным от того, какой они имели всегда раньше. Как будто это были не воинские части, а тысячи нищих, собранных с церковных папертей. Одежда на них самая разнообразная, в большинстве своя, крестьянская, в чем ходил дома; но все потрепалось, износилось за время непрерывных боев и выглядит рубищем. Почти на всех рванные сапоги, иногда совсем без подошв; кое-кто еще в валенках, а у иных ноги обернуты тряпочками и обвязаны веревочкой; татары большей частью в лаптях. Штаны почти у всех в дырках, через которые просвечивает голое тело. Сверху одеты кто как: кафтаны, зипуны, рубахи, и изредка только солдатский мундир или гимнастерка. Офицеры ничем не отличаются по внешности от солдат. Они стояли в строю, обвешанные мешками и котомками с патронами, и все тело их - согнутые ноги, опущенные плечи - показывало, как эти люди устали за время долгой войны и последних боев. Но узловатые сильные руки крепко сжимали винтовки; у большинства не было пистолетов. На вопрос, почему так, отвечали:

- Ведь мы все винтовки отнимали от красных, а те не любят носить штых, бросают его»³⁴.

Если у читателя сложилось впечатление, что генерал Сахаров слишком сгустил краски, то можно обратиться к воспоминаниям военкома 220 полка Капустянского. В своей статье, посвященной уфимскому бою (газета «Набат» от 02.07.19), он пишет, что отступающие офицеры-колчаковцы, срывая погоны и уничтожая документы, надевали при этом лапти... чтобы не отличаться от своих подчиненных. Статью из газеты «Набат» мне прислал московский журналист М.А.Жохов. Он же написал в книге «Говорят чапаевцы» статью о десятидневных боях в Уфимской операции 220 Иваново-Вознесенского полка дивизии Чапаева, где подробно описал бой 9-го июня. Это описание мне показалось наиболее достоверным. Согласно Жохову, атака колчаковцев велась обычными стрелковыми цепями, без всякого барабанного боя и прочей мишуры. Белогвардейские цепи были встречены пулеметным и ружейным огнем Иваново-Вознесенского и Пугачевского полков, артиллерией и бронеполками, причем у чапаевцев была превосходная позиция на возвышенности, и наступающие белые цепи хорошо просматривались. Атаковали красных все те же измученные предыдущими боями 4 Уфимская, 8 Камская дивизии и казачьи полки³⁵. Поэтому исход боя 9-го июня был предопределен.

СТРЕЛОК-МИХАЙЛОВЕЦ
(репродукция выполнена С.Петровым
с рисунка офицера Уфимской дивизии)

ОФИЦЕР МИХАЙЛОВСКОГО ПОЛКА
(репродукция выполнена С.Петровым
с рисунка офицера Уфимской дивизии)

В боях за Уфу только одна 25 дивизия Чапаева, по оценке автора двухтомного труда «Как сражалась революция» Н.Е.Какурина, потеряла до двух тысяч человек, или 50 процентов личного состава. О потерях Уфимской группы можно судить по данным, присланным мне московским историком А.И.Дерябиным. По сводке военного отдела Омского Правительства от 1-го июня 1919 г., в группе числилось 1122 офицера, 19 813 строевых и 5115 нестроевых чинов, при 3247 добровольцах; на 10-е июня, то есть сразу после боев за Уфу, - 12 637 пугыков и 3272 сабли. Разница в цифрах весьма существенна и говорит о больших потерях, в одном только бою 9-го июня, по Жохову, белые потеряли на участке Иваново-Вознесенского полка до семисот человек убитыми и ранеными, более сотни пленными.

К вечеру 9-го июня сопротивление войск Уфимской группы было сломлено. Полки 25 дивизии вступили в Уфу. Спустя неделю, после ожесточенных боев, было преодолено упорное сопротивление Волжской группы Каппеля. Последняя отступила во главе с раненым своим командиром.

Уфимская операция явилась во многом переломной на Восточном фронте Гражданской войны. Если неудачи Западной армии в Бугульминской и Белебеевской операциях сказывались только на положении одной армии Ханжина, то после поражения под Уфой пришлось отступить, с целью выравнивания фронта, и Сибирской армии Гайды, действовавшей в направлении Вятка - Котлас. Колчаковский генерал Сахаров сетует в своих воспоминаниях, что если бы белое командование отказалось от планов нанесения нескольких главных ударов, а сосредоточилось на одном - в направлении Самары, то поражения удалось бы избежать. Но во время весеннего успеха Западной армии Гайда не пришел к ней на помощь, не помог ей во время боев за Бугульму и Белебей. и лишь во время Уфимской операции прислал подкрепление, - шесть полков, для противодействия красным на Бирском направлении. Однако в боях 27-29-го мая эта группировка была войсками 5 Красной армии разбита и, отступив, обнажила правый фланг Уфимской группы. Уже 8-го июня, как раз в разгар боев за Уфу, войска 5 армии вошли в город Бирск³⁶.

Я не знаю, с каким чувством покидали свой город бойцы 4 Уфимской дивизии. Возможно, многие думали, что еще удастся вернуться на родину, как это было после оставления Уфы в декабре 1918 г. По свидетельству красных среди отступавших колчаковцев наблюдалась паника и растерянность. Вместе с войсками город оставляли семьи военнослужащих, видные горожане Уфы, священнослужители, представители интеллигенции, люди среднего достатка. Многие покидали родной город навсегда. Вывозилась масса домашнего скарба, и армия все больше становилась похожа на громадный табор. В беседе с бароном А.П.Будбергом генерал Д.А.Лебедев сообщил, что «при эвакуации Уфы на красные муки были оставлены раненые солдаты, а штабы уходили, увозя обстановку, мебель, ковры, причем некоторые лица торговали вагонами (по всей видимости, имеются в виду вагоны с продовольствием, в Уфе белые оставили два миллиона пудов зерна - С.Ш.) и продавали их за большие деньги богатым уфимским купцам...»³⁷.

Эпилог

После боев под Уфой Западная армия, а вместе с ней и вся колчаковская, с каждым днем откатывалась на восток, безуспешно пытаясь вырвать у преследующих ее красных войск инициативу. Переход на сторону красных стал обычным явлением: белые сдавались целыми полками. Но основной костяк армии весь поход на восток совершил до конца, познав всю горечь чередующихся поражений и утрату родных мест. Среди этих отверженных была и 4 Уфимская дивизия, успевшая получить к тому времени почетное наименование «Корниловской» (видимо в память о популярном среди солдат и офицеров 190 Очаковского полка генерале)³⁸. Она участвовала практически во всех сражениях, в которых была задействована Западная, а позже переименованная из нее 3 армия Колчака. В Златоустовской операции уфимцы опрокинули один из полков своего старого противника - 27 дивизии. В боях под Челябинском 15 Михайловский полк дивизии, находясь на острие белого контрнаступления, потерял до половины личного состава. Участвовала дивизия и в последнем наступлении колчаковской армии --- Ишимско-Тобольской операции, и наконец, в числе немногих совершила «Ледовый поход» в Забайкалье во главе с генералом В.О.Каппелем...

- ¹ Ефимов А.Г. Ижевцы и воткинцы. Сан-Франциско, 1974. - С.69.
- ² Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака (март - апрель 1919 г.). - М., 1960. - С.101.
- ³ Уфимская жизнь. - 1919. - 25 марта.
- ⁴ Отечественные ведомости (Екатеринбург). - 1919. - 25 марта.
- ⁵ Наш край (Уфа). - 1919. - 15 мая.
- ⁶ Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра... - С.139-140.
- ⁷ Там же. - С.152.
- ⁸ Там же. - С.153.
- ⁹ Ефимов А.Г. Ижевцы и воткинцы. - С.75.
- ¹⁰ Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра... - С.161.
- ¹¹ Там же. - С.163.
- ¹² Уфимская жизнь. - 1919. - 15 мая.
- ¹³ Великая Россия (Уфа). - 1919. - 15 апр.
- ¹⁴ Уфимская жизнь. - 1919. - 7 мая.
- ¹⁵ Там же. - 1919. - 14 мая.
- ¹⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР / Энциклопедия. - М., 1983. - С.281.
- ¹⁷ Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра... - С.192.
- ¹⁸ Гражданская война и военная интервенция в СССР. - С.77.
- ¹⁹ Ефимов А.Г. Ижевцы и воткинцы. - С.91-92.
- ²⁰ Наш край. - 1919. - 2 мая.
- ²¹ Говорят чапаевцы / Документы, воспоминания, материалы. - Уфа, 1971. - С.55-56.
- ²² Сахаров К.В. Белая Сибирь. - Мюнхен, 1923. - С.90.
- ²³ Там же. - С.98.
- ²⁴ Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). Ф.9776.Оп.1.Д.415.Л.40.
- ²⁵ Великая Россия. - 1919. - 28 мая.
- ²⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР. - С.622.
- ²⁷ ЦГАОО РБ. Ф.9776.Оп.2.Д.67а.Л.17.

-
- ²⁸ ЦГАОО РБ. Ф.9776.Оп.2.Д.87.Л.4-5.
²⁹ Сахаров К.В. Белая Сибирь. - С.106.
³⁰ Фурманов Д. Рассказы. Повести. Заметки о литературе. - М., 1984. - 67.
³¹ Кутяков И. Боевой путь Чапаева. - Куйбышев, 1969. - С.67.
³² Говорят чапаевцы. - С.38.
³³ Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра... - С.291.
³⁴ Сахаров К.В. Белая Сибирь. - С.102-103.
³⁵ Говорят чапаевцы. - С.116-121.
³⁶ Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра... - С.264.
³⁷ Будберг А.П. Дневник белогвардейца. - Новосибирск, 1991. - С.270.
³⁸ Великая Россия. - 1919. - 27 мая.
-

АВИАЦИЯ БЕЛЫХ АРМИЙ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ.

Управления, учреждения и части воздушного флота в восточной части территории Российского государства, освобожденной от большевиков, стали формироваться чинами авиации прежней армии с первых дней ее освобождения. Так, в Самаре, после захвата города чехами, в июне 1918 г. при Главном инженерном управлении Народной армии¹ был сформирован отдел воздушного флота, который создал семь авиационных отрядов, имея в каждом по 5 аэропланов, одну подвижную мастерскую-поезд, один парк и начал создавать авиашколу, так как ощущался большой недостаток в авиационных специалистах.

Со взятием Казани войсками Народной армии в августе месяце того же года освободились авиачасти с имуществом в виде 4х авиационных отрядов, авиагруппы и частью личного состава и имущества Гатчинской военно-авиационной школы и бывшего 6 авиапарка.

Самарские и казанские авиаторы в августе 1918 г. слились в одно целое, создав общее руководство авиацией в лице Управления воздушного флота при штабе Народной армии. Возглавил его военный летчик капитан Д.А.Борейко. Опыт организаторской работы на посту начальника Гатчинской авиашколы позволил ему немедленно приступить к исполнению обязанностей и поставить конкретные цели перед личным составом авиации.

В приказе № 1 от 10 августа 1918 г. он писал: «...Перед всеми авиа-работниками стоит ясная задача своей самоотверженной работой воссоздать Народный Воздушный Флот, а потому призываю всех тех из них, кому дорога родная авиация, воздухоплавание и Отечество, спаяться в одной общей дружной работе, на началах дисциплины и честного исполнения долга»². В своем следующем приказе он определяет опознавательные знаки боевых самолетов: круги национального цвета и продольные полосы Георгиевских цветов по нижней поверхности³.

В октябре 1918 г. воздушный флот, подчиненный эсеровскому правительству Комуча, представлял собой 15 авиачастей, 3 воздухоплавательные части, гидробазу и авиационную школу с общим офицерским составом: военных летчиков - 115, наблюдателей - 100, военных воздухо-

плавателей - 20⁴. Самолетов, находящихся в подчинении Управления воздушного флота, было 59, из них действующих 20⁵. В боевом состоянии в этот период находились только 5 авиаотрядов. Об этом мы можем судить по приказу капитана Борейко, в котором он объявлял расположение авиационных частей (см. приложение № 1).

Одновременно оплот Белого движения, военные и морские силы создавались в Приморье. Вопросами авиации и воздухоплавания здесь ведал военный летчик подполковник С.А.Бойно-Родзевич. Управление авиации, которое он возглавлял, занималось регистрацией летного состава, живущего в крае и подбором кадров для авиации, поиском и сбором авиатехники, приступило к формированию авиачастей. К моменту отступления войск Народной армии с Волги, в Сибири в октябре 1918 г. были сформированы один авиационный отряд, авиашкола и авиапарк⁶. Помимо этого через авиационное отделение инженерного отдела Высшего совета снабжения союзных армий был сделан заграничный заказ по восьми категориям авиационного имущества и различных материалов⁷, необходимых для боевой работы авиации, ввиду отсутствия их на Дальнем Востоке. Он включал аэропланы, моторы, авиаприборы, станки, инструменты, горючие и смазочные материалы, боеприпасы, автомобили (см. приложение № 2). Этот заказ был передан бывшему премьер-министру князю Г.Е.Львову, отправлявшемуся тогда за границу неофициальным порядком.

Г.Е.Львов прибыл в Лондон просить военной и материальной помощи антибольшевистским правительствам. Его заверения о том, что в Сибири проводится демократическая политика, не убедили английского премьера Д.Ллойд Джоржа, который выразил сомнение в демократическом характере режима Колчака, пришедшего к власти в результате военного переворота. В материальной поддержке Восточному фронту со стороны Англии было отказано. Впоследствии авиационный заказ просто затерялся в бумажной переписке союзников⁸.

С приходом к власти адмирала А. В. Колчака произошло единение всех Белых вооруженных формирований Сибири и Дальнего Востока. В объединенном воздушном флоте создаются новые управленческие структуры: управление капитана Д.А.Борейко переходит в Главное инженерное управление (ГИНЖУ) и получает название Отдела воздушного флота ГИНЖУ с возложением на него обязанностей по снабжению специальным имуществом всех без исключения авиа- и воздухочастей (фронта и тыла), с подчинением и формированием частей, находящихся в тылу и школ. Общее руководство этим отделом осуществляло военное министерство Российского правительства А.В.Колчака.

При штабе Верховного Главнокомандующего было образовано Управление воздушного флота, руководившее всеми находившимися на фронте авиа- и воздухочастями. Его начальником приказом № 272 от 29 марта 1919 г. был назначен полковник С.А.Бойно-Родзевич, которому в свою очередь непосредственно подчинялись четыре управления авиации армий⁹. Положением об армейских органах управления авиацией было определено их назначение:

**ШТАБС-КАПИТАН С.А.БОЙНО-РОДЗЕВИЧ, РУКОВОДИТЕЛЬ
(ЛЕТЧИК-ИНСТРУКТОР СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ (КАЧИНСКОЙ)
ВОЕННО-АВИАЦИОННОЙ ШКОЛЫ. ФОТО 1912 Г.
В 1919 Г. ОН СТАЛ ОДНИМ ИЗ РУКОВОДИТЕЛЕЙ АВИАЦИИ АРМИИ
А.В.КОЛЧАКА - НАЧАЛЬНИКОМ УПРАВЛЕНИЯ ВОЗДУШНОГО
ФЛОТА ШТАБА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО.**

«а) Для объединения руководства работой авиационных отрядов, входящих в состав армии по выполнению поставленных им штабами задач.

б) Для обработки результатов добытых воздушной разведкой и направления собранных материалов для своевременного использования войсковыми начальниками.

в) Для наблюдения за правильным и своевременным техническим снабжением авиационных отрядов и содержания их авиационного имущества в исправности.

г) Для наблюдения за правильным ведением в отрядах хозяйства и отчетности по техническо-хозяйственной части»¹⁰.

Задача снабжения была одной из труднейших проблем того времени, а в особенности в начале «возрождения государственности» в Сибири, когда ее промышленность была совершенно «мертвой». Принимая во внимание, что Сибирь и в прежнее время в большинстве питалась техническим имуществом из промышленных центров Европейской России, возникла необходимость обратиться за помощью к иностранным державам, не оставляя попутно рынков Сибири.

Для этого в первую очередь были составлены перечни необходимого для снабжения авиачастей фронта (см. приложение № 3), так как имевшееся имущество, а главным образом аэропланы были уже изношены прежней войной, или ко многим из них не хватало частей, которых не было вовсе на местных рынках. Так же не было возможности использовать исправные машины из-за отсутствия горючих и смазочных материалов.

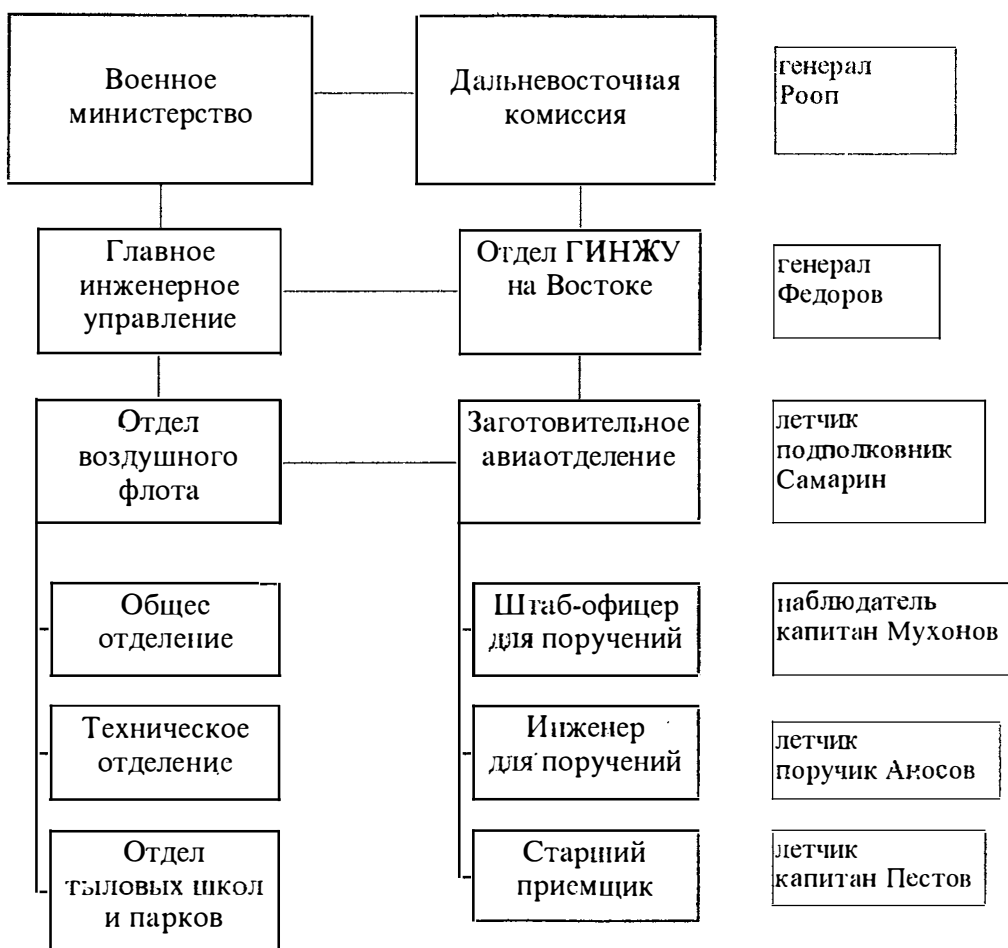
Таким образом, снабжение сибирского воздушного флота, разделилось на две категории, а именно: 1) предметы, которые можно было заготовить в Сибири и 2) предметы, которые можно получить только за границей.

Для заготовки материалов первой категории был обследован весь внутренний рынок, причем приобреталось и заказывалось по мере возможности все необходимое, имевшееся на этом рынке. Для заготовки материалов второй категории были командированы в Дальневосточную комиссию, орган созданный специально для заготовок, представители Отдела воздушного флота (см. схему № 1) и им были даны соответствующие перечни материалов, необходимых для воздушного флота. Главным тормозом планомерной работы по заготовке различного имущества на Востоке являлось - получение валюты и крайне быстрые инфляционные скачки курсов рубля, доллара и йены на рынках Востока. Трудности с получением валюты следует связать с недвусмысленной политикой А.В.Колчака и других представителей Омской власти по отношению к золотому запасу, имевшемуся у правительства. Они заявляли, что золотой фонд является собственностью всего русского народа, он находится на хранении в Омске и потому неприкосновенен. Запад же давал займы только под золотое обеспечение. Были и другие мнения. Директор кредитной канцелярии министерства финансов А.А.Никольский позднее писал: «Я считаю и считал, что нужно было всею тяжестью бросить золотой

запас, так неожиданно нам доставшийся, на чапу весов борьбы с большевизмом»¹¹. Инфляционные скачки, а вместе с ними и повышение цен на закупаемое авиаимущество, происходили довольно часто. Так, в марте 1919 г. курс доллара был 13 руб. 60 коп., а в мае он составил 30 руб. за доллар¹². За два месяца произошел рост более чем на 120 процентов.

Схема № 1

**Схема структуры снабжения воздушного флота
Восточного фронта¹³**

Однако порядок заготовок, утвержденный военным министром генералом Н.А.Степановым, не менялся и был следующим: после соревнования между фирмами готовился доклад в Дальневосточную комиссию, который предварительно высылался: 1) государственному контролеру для проверки; 2) генералу Роопу, председателю Особой временной комиссии по делам военного снабжения¹⁴, для проверки и одобрения; 3) во французское коммерческое бюро для одобрения; 4) начальнику базы французской военной миссии полковнику Тессье для одобрения; 5) Даль-

невосточной комиссии по делам военного снабжения на утверждение - после чего подписывался контракт¹⁵. Так, например, было неоднократно, когда Дальневосточная комиссия заключала соглашение с каким-либо лицом или фирмой по поставке того или иного имущества и, пока это проходило утверждениям по всем инстанциям цена рубля менялась и условия теряли силу, а предмет продавался в другие руки. Из этого следует, что часто по одному и тому же вопросу приходилось искать продавца и заключать контракт по несколько раз. Конечно, в условиях военного времени такое длительное согласование выглядит бюрократической волокитой, которая сказывалась на боеспособности авиационных отрядов. В результате 14 и 15 авиаотряды формировались 7-8 месяцев, ожидая поступления аэропланов от союзников¹⁶.

Надежды колчаковского командования на помощь союзников не оправдались. Французское правительство приняло заказ только на 84 самолета. Из данного количества в порт Владивостока прибыло в декабре 1919 г. лишь 25¹⁷. Несколько раньше 35 аэропланов с авиационным имуществом были переданы воздушному флоту иностранными миссиями. Семнадцать из них получили от французов, а восемнадцать от чехов. Первые самолеты были предназначены для французского предназначены для французского авиаотряда, который находился в Сибири с целью оказания помощи при освоении поступавших аппаратов¹⁸. Вторые были предназначены для чешского авиаотряда, но он к лету 1919 г. был расформирован.

О качестве переданной материальной части можно судить по рапорту председателя приемной комиссии военного летчика капитана Юрлова, принимавшего авиаимущество стоимостью 60 млн. рублей от французской миссии. Он докладывал в Отдел воздушного флота ГИНЖУ: «Зная авиаимущество, сданное нам французами, я полагаю, что дорогие союзники за старые аппараты взяли очень дорого. Каждый самолет нам обошелся около 500 000 руб. Если Авиаотделу военным министерством было отказано закупить авиаимущество в Америке, во избежание лишней траты золота, мне кажется, платить французам золотой валютой за устаревшие самолеты есть преступление»¹⁹. Позднее это стоило жизни четырем летчикам 14 и 15 отрядов²⁰.

Для налаживания снабжающего органа и принятия поступающего авиаимущества был сформирован Центральный авиационный парк (ЦАП) - приемочно-экспедиционный орган и центральный склад всего заготавливаемого. Одновременно с ЦАП были сформированы Центральные авиационные мастерские (ЦАМ) для постройки той материальной части, производство которой требовало специального штата людей и специального оборудования, а потому не могло быть выполнено на каком-либо другом, не авиационном заводе. Организация вышеуказанных мастерских явилась самым важным фактором в деятельности технического, то есть заготовительного отделения Отдела воздушного флота, так как она дала возможность строить в России недорогую по материалам, но весьма сложную по обработке материальную часть воздушного флота, вплоть до самолетов, что единственное помогло бы сохранить громадное количество столь дорого обходящейся валюты.

Обращает на себя внимание тот факт, что в ЦАМ был действительно принят заказ на изготовление 10 самолетов русской конструкции механика И.И.Диля²¹. Конструкция этого самолета имела новое техническое решение - перемена угла атаки крыльев от 0 до 10 градусов²². Он успешно был испытан в полете прапорщиком Рождественским и показал, что перемена угла атаки крыльев дает прибавку скорости и увеличивает скороподъемность. По результатам испытаний самолет системы Диля был признан заслуживающим внимания. На основании этого перед Военным совещанием было возбуждено ходатайство о вознаграждении конструктора и приобретении права эксплуатации его конструкции²³. К сожалению, на выполнение проекта не хватило ни времени, ни средств. А несколько лет спустя разработки Ивана Ивановича Диля получили продолжение в Соединенных Штатах Америки.

В поиске новых путей обеспечения авиации командование воздушного флота предпринимает попытку наладить связь с войсками А.И.Деникина, чтобы получить возможность доставлять самолеты, а если понадобится, то и авиаспециалистов для Сибири с Юга России. Был намечен маршрут доставки самолетов через Батум - Баку, потом Каспий-

Схема № 2

Схема организации авиации Восточного фронта в 1919 году²⁴.

ким морем в Гурьев. Дальнейшая организация доставки самолетов должна была быть возложена на верховное командование Сибирской армии. Однако падение²⁵ Оренбурга отсрочило планируемый для связи перелет самолета из конечного пункта Уральского войска в расположение войск генерала Деникина, а командирование полковника Макарова морским путем через Владивосток не было доведено до конца²⁶.

Между тем состояние самолетного парка становилось все хуже и хуже. Самолеты разбивались, ломались, горели, бросались при отступлении и разбирались на запасные части. На 24 сентября 1919 г. на фронте было 45 машин, из них исправных: 28, а 17 находились в ремонтных мастерских²⁷. К существующей организационной структуре воздушного флота сибирских армий был добавлен Маньчжурский авиационный отряд, числившийся при штабе атамана Г.М.Семенова в Забайкалье (см. схему № 2). Он был образован еще в 1918 г. из остатков 4 Сибирского авиаотряда мирного времени. Оторванный от главной авиационной базы, а также Управления воздушного флота, отряд имел 2 самолета. Существовал самостоятельно без технического пополнения и полностью израсходовал свои скудные авиационные средства. В этот отряд было послано дополнительно 2 самолета с имуществом. Приказом начальника штаба Верховного Главнокомандующего № 11307 Маньчжурский отряд вошел в число авиачастей подведомственных начальнику воздушного флота и был поставлен на все виды довольствия²⁸, которого катастрофически не хватало.

Положение усугублялось также плохим снабжением личного состава теплой полетной одеждой, обмундированием и денежными средствами. 14 авиационный отряд выступил на фронт не- недостаточно обмундированным. В нем имел место случай, когда для караула в 10-12 человек приходилось собирать одежду и обувь по всей авиачасти, чтобы их одеть²⁹. «Вследствие своего полного обнищания,- докладывал в рапорте начальнику штаба Верховного Главнокомандующего капитан Борейко,- авиачасти стремятся перейти в подчинение к чешскому командованию. Так, 4 авиаотряд, стоявший на ст. Дружинино, получил предписание Чешского Национального Совета не подчиняться и не давать никаких сведений никому кроме последнего»³⁰.

В некоторых авиаотрядах в течение нескольких месяцев не получали денежное довольствие. Это выливалось в дезертирство, расхищение и расходование казенных сумм без всяких оправдательных документов, как, например, в 10 отряде при бывшем командире поручике Батурине. В 6 отряде казначеем отряда были похищены 23 358 рублей и не сдано поручиком Васильевым 4100 рублей³¹.

Материальное положение офицеров-летчиков было крайне скудным. По имеющимся штатам младший офицер в отряде получал 500 рублей с небольшим и принужден был жить на эти деньги сам, а иногда содержать и семью. В то же время моторист-солдат отряда получал 400 рублей и все довольствие от казны (см. таблицу № 1). Летчики справедливо задавали по этому поводу вопрос командованию: «Кем выгоднее теперь быть в авиационном отряде, летчиком ли офицером или солдатом-мотористом?»³².

Таблица № 1
Солдатские оклады специалистов воздушного флота³³.

разряды	Оклады жалования в месяц			
	Для солдат обязательной службы		Для солдат добровольцев и сверхсрочнослужащих	
	основной	боевой	основной	боевой
I	150	основной	300	основной
II	250	оклад	400	оклад
III	350	жалования	500	жалования
Вне разряда	400	увеличенный на 25%	550	увеличенный на 25%

Примечание: 1) Вне разряда: для авиачастей: бригадиры, автомеханики, старшие мотористы и старшие мастера цехов, солдаты-летчики; для воздухоплавательных частей: фельдфебеля специалисты, бригадиры, лебедочные мотористы.

2) Солдаты-летчики процентную надбавку получали как офицеры.

Это недоразумение произошло в результате изменения штатов приказом начальника штаба Верховного Главнокомандующего № 396 от 30 апреля 1919 г.³⁴ Экономия была объяснена снижением интенсивности в

боевой работе отрядов (см. таблицу № 2). Только в октябре 1919 г. оклады офицеров воздушного флота были пересмотрены³⁵.

Единственным материальным стимулом для летчиков были полеты, которые оплачивались. Чинам воздушного флота, совершавшим полеты устанавливались «залетные» деньги, оклад которых был одинаков для офицеров и солдат и выдавался при условии совершения полетов в течение одного месяца и составлявших боевое задание по указанию соответствующего начальства. «Залетные» деньги исчислялись с точностью до пяти минут и устанавливались в определенном размере (см. таблицу № 3).

Долго в таком состоянии колчаковская авиация находиться не могла, поэтому было принято решение о сокращении ее численности и боевого состава. В докладе военному министру о реформировании воздушного флота, направленном начальником Главного инженерного управления генералом Кохановым в декабре 1919 г., было предложено оставить 6 авиаотрядов, разделив между ними 58 пригодных для дальнейшей эксплуатации самолетов. На что генерал Степанов ответил резолюцией: «Шесть отрядов много. Мы едва ли можем рассчитывать на получение новых аэропланов сверх 58, поэтому до 30 процентов нужно оставить в запасе и число отрядов свести до трех-четырех»³⁶.

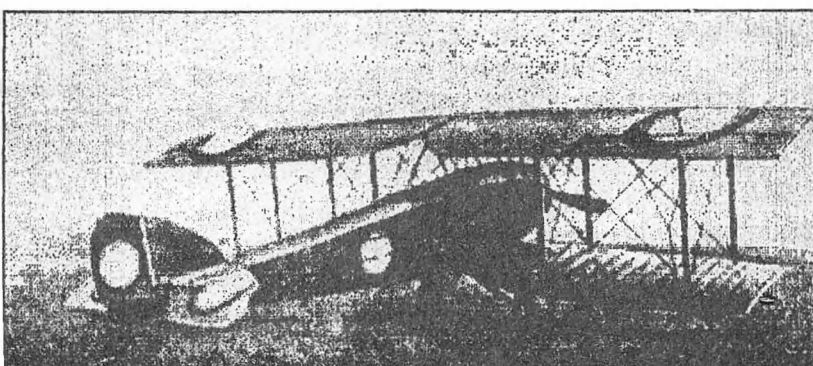
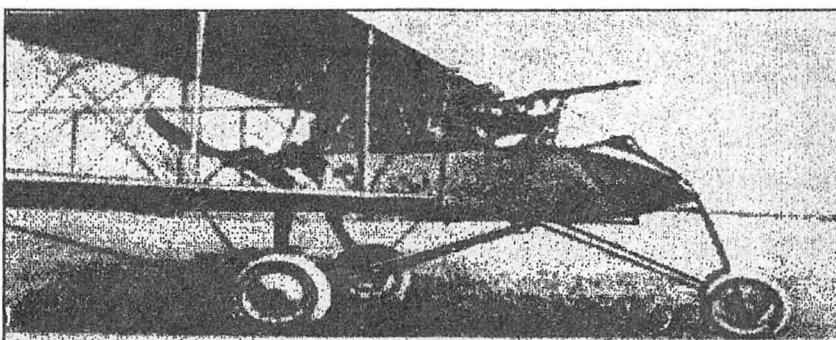
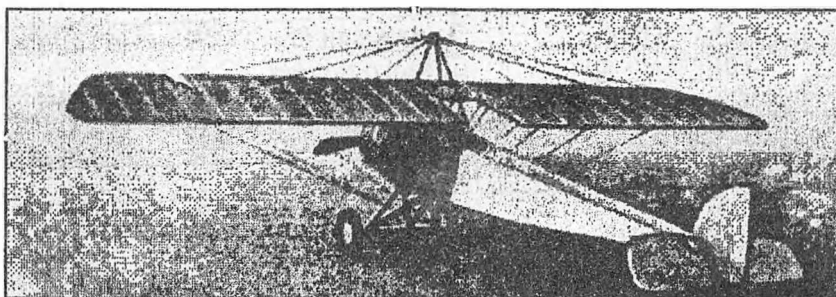
Это было единственно правильное решение. Пора надежд на невыполнимые «прожекты» прошла. Стройной организационной структуре воздушного флота Восточного фронта оставалось существовать несколько недель, так как в январе 1920 г. власть адмирала пала. Авиационные части и их личный состав, лишившись общего руководства, рассеялись по территории Забайкалья и Дальнего Востока. В отдельных воинских формированиях белых некоторые из них оказывали сопротивление Красной армии еще до 1922 г.

Таблица № 2

Сравнительная таблица окладов содержания офицеров воздушного флота³⁷.

Чины воздушного флота	Получали до 30.04.1919 г. в рублях	Получали с 30.04.1919 г. в рублях	Разница окладов
Младший офицер	<u>800</u>	<u>480</u>	
Военный летчик	1180	714	- 466
Командир отряда	<u>900</u> 1305	<u>700</u> 1032	-273
Командир парка	<u>900</u> 1470	<u>800</u> 1350	-120

- Примечание: 1) Числитель дроби - основной оклад, знаменатель дроби - полный оклад.
2) Офицеры, находящиеся на фронте получали 50% прибавку к основному окладу, в тылу - 30% прибавку.

ФРАНЦУЗСКИЕ САМОЛЕТЫ,
НАХОДИВШИЕСЯ НА ВООРУЖЕНИИ В АРМИИ А.В.КОЛЧАКА.
СВЕРХУ ВНИЗ: «МОРАН-ПАРАСОЛЬ L»
«ВУАЗЕН L»
САМОЛЕТ-РАЗВЕДЧИК «АНАДЭ»

Оклады летного состава за совершенные полеты³⁸.

В течение одного месяца	За каждый час боевого полета	ИТОГО
Первые 5 часов	По 60 рублей	300 рублей
Вторые 5 часов	По 90 рублей	450 рублей
Сверх первых 10 часов	По 120 рублей	1200 рублей

О боевой работе авиации Восточного фронта мы можем судить по скупым формулировкам приказов штаба Верховного Главнокомандующего Российского правительства, хранящимся в фондах Российского государственного военного архива. В одном из них Главнокомандующий Восточным фронтом генерал М.К.Дитерихс писал: «Старшие войсковые начальники в своих приказах неоднократно отмечают доблестную боевую службу наших летчиков.

Несмотря на скудность в числе самолетов, их устарелость и изношенность, а также бедность в прочих технических авиасредствах, необходимых для обеспечения успешности и безопасности полетов, летчики непрерывно продолжают нести боевую службу в воздухе и своими бесстрашными и неумолимыми полетами содействуют другим родам войск в достижении общего успеха над неприятелем.

Большинство полетов совершаются на низких высотах и часто при крайне неблагоприятных атмосферных условиях.

Считаю своим долгом отметить доблестную работу воздушных бойцов, офицеров, солдат, свидетельствующую о том, что в рядах авиационных войск продолжает гореть неугасимое пламя любви к Родине и готовность своей самоотверженной боевой службой положить прочную основу в дело возрождения Родины и былой славы Российского Воздушного Флота.

От лица службы благодарю всех чинов Воздушного Флота, как непосредственно несущих боевые полеты, так равно и тех, кто своей усердной работой на земле содействует возможности их осуществления»³⁹.

Не оправдав своих надежд на помощь союзников, авиационное командование Восточного фронта максимально использовало имевшиеся в своем распоряжении самолеты, стараясь равномерно обеспечить армейские формирования авиационной поддержкой. Сведения о распределении самолетов в сентябре 1919 г., как пример, показанные в таблице № 4, наглядно демонстрируют это.

В результате такого рассредоточения отдельные отряды находились в большом отрыве от центральной авиационной базы и железных дорог, что приводило к отсутствию возможности оказать им какую-либо материальную поддержку. С июля 1918 г. в распоряжении 20 Степного сибирского корпуса в Семиречье (ст.Сарканд) находился 1-й авиаотряд. Его удаление от Восточно-Сибирской ж.д. было 700 верст. За год эксплуатации материальной части отрядом она вся пришла в негодное состояние. Этому способствовали также тяжелые климатические условия Семиречья: ураганом были снесены последние палатки отряда и уничтожено -

**Сведения о распределении самолетов
на Восточном фронте к 5 сентября 1919 г.⁴⁰**

№ отряда	Количество самолетов	Самолеты на фронте	Примечание
3 авиаотряд I армии	6	5	1 самолет собирается в мастерской, 2 ремонтируются
5 авиаотряд II армии	6	6	1 самолет командирован в штаб 2 армии
10 авиаотряд III армии	7	6	1 самолет разбит при перелете, разобран на запчасти
6 авиаотряд Степной группы	6	5	1 самолет ремонтируется, 1 отправлен в Омск
15 авиаотряд Южной армии	9	9	

жены оставшиеся самолеты. Пополнить отряд новыми машинами или оборудовать местную ремонтную авиамастерскую было невозможно из-за отсутствия связи с Семиречьем. Поэтому Управлением авиации было принято решение: 1-й авиационный отряд со всем оставшимся техническим имуществом и личным составом оттянуть в тыл для полного переформирования, а авиаотряды в Семиречье больше не посылать⁴¹.

Большая протяженность фронта, приходящаяся на один авиационный отряд, порой расплывала силы авиации, а желание общевойскового командования использовать ее в соответствии с развивающейся динамикой боевых действий без всякого умысла вынуждало отряды большую часть времени проводить «на колесах». Все отряды из-за отсутствия автомобилей пользовались вагонами - 25 на отряд, а это, как мы отмечали выше, делало их зависимыми от железных дорог.

Полеты на боевое применение зависели от погоды, состояния и расположения аэродрома. Если последний располагался в 50 верстах за линией фронта, тогда можно было лететь на разведку в тыл противника за 60 верст. Так, например, 5-й авиационный отряд за время с 16 апреля по 11 июля 1919 г. из 87 дней, с момента выступления на фронт, провел в дороге 73 дня и на боевых аэродромах 14 дней. Считая половину этого срока на сборку самолетов и перегрузку, в распоряжении отряда было 7 дней для боевой работы (погода не принята во внимание). За эти 7 дней было выполнено 5 боевых полетов⁴².

Всего же с 1 марта по 1 июля 1919 г. авиацией Восточного фронта было выполнено 100 боевых полетов, сброшено 66 бомб и 600 кг стрел⁴³. Большого от шести авиационных отрядов имевших в своем составе 12 исправных самолетов ожидать было нечего. В своем большинстве полеты носили разведывательный характер или обеспечивали связь между вой-

сками. Конечно, такая работа не всегда давала желаемый результат, но все же иногда способствовала выполнению общих задач.

Уяснить отдельные недостатки в работе авиации Сибирских армий помогает служебная записка представителя авиации от французской военной миссии полковника Вуазена, составленная в мае 1919 г. Автор не только указывал на недочеты, но и вносил свои предложения по их устранению. В записке, в частности, говорилось:

«- Сведения, даваемые авиацией, иногда не проверены и вытекают из поспешных мероприятий.

- Перемена аэродромов фронта производится безо всякой системы, в период перемещений отряд не работает. Было бы весьма выгодно иметь вспомогательные аэродромы, вблизи фронта во избежание преждевременных или небольшого значения перемещений.

- Вследствие недостатка средств в материальной части Русской армии, несвоевременно исполнять полеты в целях связи. Это отвлекает летчиков от их работы на фронте. Фронт может лишиться хорошо летчиков и лучших аппаратов. Необходимо воспретить подобные полеты»⁴⁴.

Необходимо отметить, что в отличие от представителей авиации военных миссий союзников в Вооруженных силах Юга России на Восточном фронте полковник Вуазен обладал большими полномочиями, которые предусматривали, что представитель авиации от французской военной миссии является сотрудником начальника воздушного флота при Верховном Главнокомандующем и принимает участие во всех решениях, касающихся организации, обучения, а также использования авиации⁴⁵.

Сделанные замечания были учтены, но не надолго, так как вскоре после очередного инспекторского осмотра авиации фронта осенью 1919 г. было принято решение: прекратить работу авиации на фронте на весь зимний период, отвести в тыл все авиачасти и подготовить материальную часть для боевой работы к весне 1920 г.⁴⁶

Однако эту задачу авиационное командование не выполнило. К указанному сроку единый воздушный флот колчаковских армий перестал существовать. Разрозненные авиачасти серьезной опасности для наступающих частей Красной армии не представляли. Лишенные руководства и материального снабжения они самораспадались. После падения Колчака 57 летчиков и 27 наблюдателей были взяты в плен⁴⁷.

В 1920 г. незначительные авиационные силы белых находились в Забайкалье в частях атамана Г.М.Семенова. Согласно разведсводке Народно-революционной армии (НРА) Дальневосточной республики, в Чите располагалось 3 авиаотряда - 13 самолетов и 1 отряд японцев - 6 самолетов.

В октябре 1920 г. в период активных боевых действий частей НРА за Читю авиатехника белых была срочно погружена в эшелон для следования в Борзю, а затем в Харбин. Однако вывезти ее не удалось. Наступление красных на Читю было настолько стремительным, что белогвардейцы бросили свои аэропланы, а сам генерал Семенов едва успел улететь из Читы на самолете, управляемом японским летчиком⁴⁸.

1921 год и начало 1922 года прошли в частных операциях по защите Дальнего Востока от проникновения туда большевистских войск. Последний оплот авиации белых на Дальнем Востоке просуществовал до

конца 1922 г. В составе частей, сформированных из остатков белопо-
станческой армии генералом М.К.Дитерихсом в Приморье, было 11 аэро-
планов⁴⁹, причем основная часть их была задействована для борьбы с
партизанским движением в Приморской области и была занята охраной
побережья⁵⁰. Старые, изношенные и истребленные военным лихолетьем
аппараты были брошены белыми в период октябрьской эвакуации из
Владивостока. Этим событием в боевой истории авиации белых армий
была поставлена точка.

Приложение № 1
Копия
Секретно

ПРИКАЗ

по Воздушному Флоту при Штабе Верховного Главнокомандующего № 1
«20» октября 1918 г.

Сим объявляю следующее расположение авиационных частей с причисле-
нием к нижепоименованным армиям:

Наименование авиачастей	Чин и фамилия командира	Место стоянки	Примечание
-------------------------	-------------------------	---------------	------------

В составе армии генерала Р.Гайды:

4-й Авиаотряд	штабс-капитан Предтеченский	ст. Дружинино	Боеспособен
5-й Авиаотряд	Поручик Левченко	Екатеринбург	Формируется
2-й Сибирский Авиаотряд	Полковник Макаров	Екатеринбург	Формируется
3-й Сибирский Авиаотряд	Подполковник Рыжков	Богданович	Боеспособен

В составе армии генерала С.Чечека:

Чешский авиаотряд	Поручик Мельч	ст. Миасс	должен пополниться
6-й авиаотряд	Поручик Вышегородский	район Бирска	Боеспособен
1-й авиаотряд	Подпоручик Жабров	Курган	Формируется
2-й авиаотряд	Поручик Данилин	Курган	Формируется
3-й авиаотряд	Поручик Мещеряков	Курган	Формируется
1-й авиапарк	Подполковник Орлов	Курган	Подлежит пополнению
1-я подвижная авиамастерская	Инженер-механик Мокарук	Курган	Подлежит пополнению
1-й авиадивизион	Подпоручик Пестов	Курган	Формируется
авиашкола	Капитан Ивков	Курган	Подлежит пополнению
7-й авиаотряд	Штабс-капитан Гальшев	Курган	Формируется

8-й авиаотряд	Лейтенант Кукуранов	Курган	Формируется
1-я авиагруппа	Штабс-капитан Гальшев	Курган	Формируется

В составе армии генерала А.И. Дутова:

отдельный авиаотряд Оренбургского войска	Поручик Батурин	Оренбург	Формируется
отделение 3-го авиаотряда	Прапорщик Сперанский	Оренбург	Формируется
Уральский авиаотряд	Войсковой старши- на Каплин	Уральск	Боеспособен

В составе армии генерала П.П. Иванова-Ринова:

1-й Сибирский авиаотряд	Войсковой Старшина Шебалин	Сергиополь	Боеспособен
Гидроавиацион- ная база	Капитан по адмирал- тейству Николаев	Красноярск	Подлежит по- полнению

Начальник Воздушного Флота военный инженер, военный летчик
капитан Борейко

Помощник Начальника Воздушного Флота, военный летчик
поручик Ноздровский

См.: РГВА. Ф.39499.Оп.1.Д.294.Л.1

Приложение № 2

Первая очередь заграничных заказов от отделения Воздушного Флота.

Категория первая: аэропланы и моторы.

№ п/п	Название	Для отрядов союзных армий	Для Сибирской армии	Для авиационной школы	Всего
1	Аэропланов 2-х мест- ных разведочного типа	42	18	5	65
2	Аэропланов 2-х мест- ных быстроход- ных для дальних разведок	24	12	5	41
3	Аэропланов 2-х мест- ных для корректирования (артиллерийские)	42	12	5	59
4	Истребители для воздушного боя	42	18	10	70

5	Гидро-аэропланов 2-х местных для разведок	18	-	-	18
6	Гидро-аэропланов 2-х местных бомбовозов	12	-	-	12
7	Гидро-истребителей	12	-	-	12
8	Учебные аппараты	-	-	50	50
9	Запасные моторы	50	25	25	100
ИТОГО: аэропланов		192	60	75	327
моторов		50	25	25	100

Начальник авиационного отделения инженерного отдела Высшего совета снабжения союзных армий военный летчик штабс-капитан Петров
сентябрь 1918 г.

Составлено автором по: РГВА. Ф.39499.Оп.1.Д.302.Л.40.

Приложение № 3

**Расчет авиационного имущества на один год, составленный Отделом
воздушного флота, на 30 авиационных отрядов, 2 школы, 2 парка
и 5 мастерских.**

№ п/п	Наименование имущества	Подготовить на внутреннем рынке	Получить от союзников	Общие потребности армий
1	Самолеты 3-х систем с полным	120	600	720
2	Самолеты школьные 2-х систем с полным снаряжением	120	200	320
3	Полетное снаряжение для летчиков (комплекты)	450	200	650
4	Моторы	-	340	340
5	Винты	900	1050	1950
6	Комплекты запчастей к самолетам	100	540	640
7	Комплекты запчастей к моторам	-	240	240
8	Пулеметы	-	660	660
9	Бомбы авиационные	1090	4910	6000
10	Автомобили	-	244	244

Все это имущество предполагалось получить к августу 1919 г.

Составлено автором по: РГВА. Ф.39499.Оп.1.Д.357.Л.219-222.

- ¹ Народная армия начала создаваться в Самаре в июне 1918 г. зеровским правительством - Комитетом членов Учредительного собрания (Комуч) после захвата города чехословаками.
- ² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.39499.Оп.1.Д.295.Л.1.
- ³ Там же.Л.2.
- ⁴ Там же.Д.302.Л.27.
- ⁵ Там же.Д.344.Л.301.
- ⁶ Там же.Д.297.Л.11,12,19; Д.302.Л.1.
- ⁷ Там же.Д.302.Л.40-65.
- ⁸ Там же.Д.301.Л.25.
- ⁹ Там же.Д.329.Л.63.
- ¹⁰ Там же.Д.327.Л.40.
- ¹¹ Трукан Г.А. Была ли альтернатива большевистской власти? // Кентавр. - 1993. - № 6. - С.98.
- ¹² РГВА. Ф.39499.Оп.1.Д.357.Л.15; Д.383.Л.40.
- ¹³ Составлено автором по: РГВА. Ф.39499.Оп.1.Д.329.Л.95.
- ¹⁴ Там же.Д.330.Л.14.
- ¹⁵ Там же.Л.37.
- ¹⁶ Там же.Д.344.Л.130.
- ¹⁷ Там же.Д.343.Л.409.
- ¹⁸ См.: Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника // Колчаковщина. Из белых мемуаров. - Л.,1930. -С.131-132; РГВА. Ф.39499.Оп.1.Д.358.Л.25.
- ¹⁹ РГВА. Ф.39499.Оп.1.Д.386.Л.16.
- ²⁰ Там же.Д.344.Л.145.
- ²¹ Там же.Д.343.Л.398.
- ²² Там же.Д.387.Л.141. Подобные испытания с самолетами, меняющими углы атаки в полете, были неоднократно проведены во Франции в 1916-1917 гг., но результаты не получили, и французы отказались от такой идеи.
- ²³ РГВА. Ф.39499.Оп.1.Д.299.Л.438.
- ²⁴ Составлено автором по: РГВА. Ф.39499.Оп.1.Д.322.Л.101-102; Д.329.Л.195.
- ²⁵ Там же.Д.339.Л.28-38.
- ²⁶ Там же.Д.338.Л.7-49.
- ²⁷ Там же.Д.363.Л.4.
- ²⁸ Там же.Д.329.Л.195,203.
- ²⁹ Там же.Л.209; Д.339.Л.248.
- ³⁰ Там же.Д.340.Л.6.
- ³¹ Там же.Л.208.
- ³² Там же.Д.340.Л.208.
- ³³ Там же.Д.329.Л.103. Примечание составлено автором.
- ³⁴ Там же.Д.328.Л.350; Д.332.Л.48.
- ³⁵ Там же.Д.328.Л.227-267.
- ³⁶ Там же.Л.2.
- ³⁷ Составлено автором по: РГВА. Ф.39499.Оп.1.Д.329.Л.19,105.
- ³⁸ Составлено автором по: РГВА. Ф.39499.Оп.1.Д.418.Л.171.
- ³⁹ Там же.Д.323.Л.21.
- ⁴⁰ Составлено автором по: РГВА. Ф.39499.Оп.1.Д.325.Л.36; Д.366.Л.112.
- ⁴¹ РГВА. Ф.39499.Оп.1.Д.329.Л.191.
- ⁴² Там же.Д.325.Л.29.
- ⁴³ Подсчитано автором по: РГВА. Ф.39499.Оп.1.Д.329.Л.277; Д.304.Л.86.
- ⁴⁴ Там же.Д.340.Л.22-29.
- ⁴⁵ Там же.Д.241.Л.121.
- ⁴⁶ Там же.Д.330.Л.1.
- ⁴⁷ Сергеев А.В. Героические годы Красного Воздушного флота. - М.,1926. - С.15.

⁴⁸ См: История авиации ордена Ленина Забайкальского военного округа (1917-1976 гг.). - Чита,1977. - С.32-33.

⁴⁹ Абдажк-Коссовский В.К. Российские офицеры в изгнании // Военно-исторический журнал. - 1995. - № 6. -С.82.

⁵⁰ См.: Директивы командования фронтов Красной армии (1917-1922). - М.,1978. - Т.3. - С.729-730.

ПЕЧОРСКИЙ ФРОНТ В 1919 ГОДУ

Военная ситуация на верхней Печоре в начале 1919 г. для красных была критической. После падения Перми 3 Красная армия безостановочно отступала на запад. «Это не было, строго говоря, отходом, тем более это нельзя назвать организованным отводом частей на позиции, - это было форменное беспорядочное бегство наголову разбитой и совершенно деморализованной армии со штабом, неспособным осознать происходящее и сколько-нибудь учесть заранее неизбежную катастрофу...» - писали в ЦК РКП(б) И.В.Сталин и Ф.Э.Дзержинский, побывавшие с инспекцией на Восточном фронте в нач. января 1919 г.¹ 8 января 1919 г. В.И.Ленин получил письмо от члена РВС 6 Красной армии А.Орехова, в котором содержалась следующая информация: «Положение фронта нашей 6 армии сугубо неприятное, отступление 3 армии еще больше ухудшает. В северо-восточной части нашей армии, т.е. в Печорском крае уже за последнее время (как Вы уже вероятно знаете из сводки) появились чехословаки под командованием князя Вяземского, стремящегося к воссоединению Урала с Архангельском. Помешать же этому воссоединению мы абсолютно не можем. Несмотря на целый ряд предупреждений и Севфронта и Реввоенсовета республики на эту опасность, мы до сих пор ничего не получили. И ежели нам своевременно не дадут сил, то через несколько времени мы будем иметь перед собой сплошной фронт противника - Архангельск - Пермь - Урал...»².

Для наступления на красных на Северном (Печорском) направлении генерал-лейтенант А.Н.Пепеляев выделил Северный отряд под командованием полковника Бордзиловского. Вскоре полковник занял Чердынь силами 25 Сибирского Тобольского стрелкового полка и устроил здесь свою ставку.

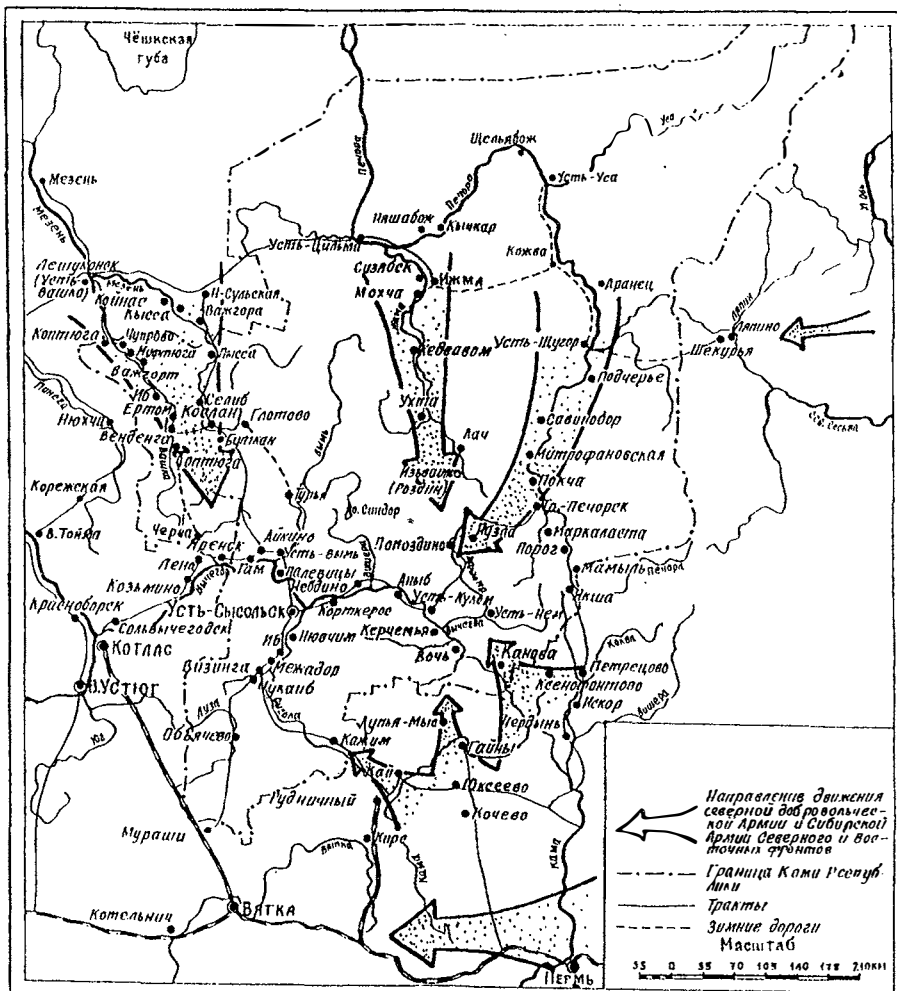
Одновременно наступление белых на Коми край осуществлялось из-за Урала в районе Ляпино (Саранпауль). Здесь оперировала группировка князя Вяземского в 600 штыков, в составе которой действовала рота чехословаков поручика Шепека (134 чел.). Как известно, существовал план вывоза чехословацких частей в Европу через Архангельск, и это, очевидно, объясняет появление чехословаков столь далеко на Севере. Шепек и его рота выполняли роль разведкоманды. Действуя в суровых зимних условиях (мороз достигал свыше 40 градусов), группировка Вяземского вы-

била в нач. января 1919 г. красных из Ляпино и овладела Сибиряковским трактом, по которому можно было проникнуть из Зауралья в Коми край. В нач. февраля конные разъезды белых появились на средней Печоре у Усть-Щугора.

Красные, поняв серьезность ситуации, пытались создать в верховьях Печоры и в районе Усть-Щугора укрепрайон. В крупном печорском селе Троицко-Печорске началось формирование батальона под начальством помощника командующего Печорским краем левого эсера Н.Н.Суворова. В кон. января 1919 г. в батальоне Суворова насчитывалось около 300 штыков, но они были крайне ненадежны.

Позиции красных на Печоре в глазах населения были сильно дискредитированы командующим Печорским краем, австрийским интернационалистом Морицем Мандельбаумом. Посланный сюда штабом 6 Красной армии из Котласа осенью 1918 г., Мандельбаум не церемонился с печорцами. Получив много жалоб на превышение власти командующим краем, штаб 6 армии направил на Печору инспекцию ЧК, в которую по личному указанию Ф.Э.Дзержинского был включен А.Г.Колпаков. Последний спустя несколько десятилетий писал: «Мандельбаум выражался: «Русские свиньи!», хотя в его отряде тоже были русские. О себе говорил: «Мы, западноевропейцы». Этот «западноевропейец», подплывая на своем пароходе с баржей к селу на Печоре (когда ехал по ней в первый раз) сперва обстреливал из пушки село, а потом уже высаживался на берег. Будучи профаном в военных делах, он не догадывался сперва отправлять разведку, а для страха просто стрелял по селу, рассуждая, что снаряд сам должен найти кулаков и отличить их от бедняков, а ему - Мандельбауму до этого дела нет, так как все «русские-свиньи»³. Когда белые стали теснить отряды Мандельбаума по всей Печоре, этот «печорский Чапай» (так его называли бойцы) приказал сжигать отступлении склады хлеба, что, конечно вызвало массовое возмущение печорских крестьян (хлеба на Печоре всегда не хватало, так как он был привозным).

В Троицко-Печорске скопилось много советских беженцев из Чердыни и Перми, здесь зимовало 8 печорских пароходов, был складирован вывезенный из-за Урала большой запас хлеба, предназначенный для 6 Красной армии. В первых числах февраля 1919 г. в село прибыло до 500 подвод для транспортировки хлеба на Вычегду. Переброску хлеба возглавлял комиссар М.М.Фролов. Среди населения Троицко-Печорска распространился слух, что красные вывезут весь хлеб, бросив жителей Печоры на голодную смерть. В селе возник заговор по подготовке антибольшевистского восстания, возглавленный по иронии судьбы председателем волостной ячейки РКП(б) И.Ф.Мельниковым. Узнав, что 31 января колчаковский конный отряд занял Якшу в верховьях Печоры, заговорщики подняли восстание в ночь на 4 февраля 1919 г. под лозунгом «Ни одного пуда хлеба вычегодским комиссарам!». Большая часть красноармейцев из батальона Н.Н.Суворова присоединилась к восставшим. К утру Троицко-Печорск контролировался повстанцами (только красная судохрана отстреливалась еще три дня, засев на пристани). Н.Н.Суворов был поднят на штыки в красноармейской казарме. Комиссар М.М.Фролов застрелился⁴.

КАРТА РАЙОНА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КОМИ КРАЕ

Спустя несколько дней вспыхнули крестьянские восстания в Покче, Савиноборе и Подчерье. Здесь активно действовал отряд псаломщика Н.А.Шахтарова. Местное население, не дожидаясь подхода регулярных частей колчаковцев, своими силами освободило родные края от большевиков. Остатки красных отрядов Ижмо-Печорского советского полка оставили Усть-Шугор и отступили лесами на Ижму, а оттуда через Изьваиль и Помоздино на Вычегду. 1 апреля 1919 г. вся Печора была освобождена от красных.

8 Февраля в Троицко-Печорск под колокольный звон вступила полурота 25 Сибирского .Тобольского полка под командованием поручика Орлова. Приказом командования Орлов был назначен командующим Печорским боевым участком Сибирской армии. В его задачу входило соединение с частями Северной Белой армии, наступавшими на красных по средней Печоре со стороны Усть-Цильмы.

В связи с возможностью соединения фронтов, Мезенско-Печорский район Северного фронта, дотоле самый тихий и спокойный, внезапно приобрел стратегическое значение. Его возглавлял 45-летний генерал-майор Д.Д.Шапошников (выпускник Одесского пехотного юнкерского училища, участник русско-японской и Первой мировой войн, Георгиевский кавалер, генеральский чин получивший от Временного правительства Северной области 17 марта 1919 г.). Ставка Шапошникова находилась в Усть-Вашке (Лешуконском).

Еще в нач. ноября 1918 г. под командованием Д.Д.Шапошникова насчитывалось всего 300 штыков. Часть их находилась в Важгорте, часть прикрывала Усть-Вашку по пинежской тайболе, сдерживая натиск красного отряда А.П.Щенникова. В конце ноября по просьбе усть-цилемов Шапошников направил отряд в 40 штыков с двумя пулеметами под началом штабс-капитана Г.П.Алашева выбить красных из Усть-Цильмы. Проводником отряда был прапорщик Красиков (его в свое время расстреливали по приказу Морица Мандельбаума, но прапорщику чудом удалось выжить).

30 ноября 1918 г. Г.П.Алашев с боем овладел Усть-Цильмой - уездным центром Печорского уезда. Вот как описывал события того дня очевидец: «...Около 10 часов утра вблизи старообрядческой церкви раздались выстрелы, произведшие на крестьян суматоху... Немного погодя слышались выстрелы и в верхнем конце села. Паника усилилась. На улицах появилась цепь вооруженных винтовками мужиков в малицах и совицах и тужурках, беспорядочно стрелявших... Перед белыми на коленях стоял мужик лет 40, крестился на церковь и кричал: «Слава богу, власть законная долгожданная приехала, батюшки-офицеры приехали!» Появилось несколько золотопогонников. Один из них направился к арестному дому, другой - к почте. Остальные пошли с несколькими усть-цилемами ловить большевиков. Настроение большинства усть-цилемов было торжествующее. На убитых и раненых смотрели с нескрываемым злорадством, оказывая белым помощь в розысках большевиков с криками: «Теперь власть наша, а не ваша!»⁵.

За успешное взятие Усть-Цильмы Г.П.Алашев и Д.Д.Шапошников получили благодарность от начальства; позднее в воспоминаниях гене-

рал-лейтенанта В.В.Марушевского (командующего Северным фронтом) действия Шапошникова по овладению Печорским уездом были охарактеризованы, как «блестящие»⁶.

21 марта 1919 г. у Усть-Кожвы на средней Печоре (там, где сейчас находится современный г.Печора Республики Коми) произошла встреча архангельских и сибирских частей белых. Архангельцев представляла рота подпоручика Иванова из 140 чел. При двух пулеметах, сибиряков - четыре взвода солдат под общим командованием поручика Орлова.

25 марта 1919 г. генерал-майор Д.Д.Шапошников прибыл в Усть-Цильму, откуда отправил донесение в Архангельск: «25 Сибирский Тобольский стрелковый полк действует небольшими частями по верховьям Печоры до Усть-Кожвы, где и произошла связь. Наш отряд в 140 штыков, двух пулеметах при трех офицерах проследовал по Печоре от Кычкара до Кожвы, ликвидируя ничтожные остатки красных. Послал сибирскому командующему фронтом письмо с просьбой действовать на западный район, дабы резать путь отступления красных, задержавшихся в верховьях Ижмы, и своим движением прямо на запад, облегчив и ускорив нашу работу по Мезени, Вашке. Вооружение сибиряков слабое, ибо есть часть берданок, пулеметов мало. Жители охотно идут партизанами»⁷.

Командир 1 Средне-Сибирского корпуса генерал-лейтенант А.Н.Пепеляев телеграммой поздравил Шапошникова с соединением фронтов: «Генералу Шапошникову. Приветствую Вас, Ваше превосходительство и Ваши храбрые части, борющиеся за воссоздание нашей Великой Родины. Сибиряки шлют сердечный привет Архангельцам»⁸.

В апреле 1919 г. обмен приветственными посланиями между представителями фронтов прошел уже на уровне командующих. 18 апреля командир Сибирской армии, генерал-лейтенант Р.Гайда отправил приветствие командующему русскими войсками Северного фронта генералу В.В.Марушевскому (копия приветствия была отправлена генерал-губернатору Северной области Е.К.Миллеру): «Я, все офицеры и солдаты Сибирской армии шлем горячий привет Вам и всем чинам доблестной Архангельской армии. Рады, что Сибирская армия имела возможность первой установить братское общение с доблестными отрядами Архангельских войск. Твердо верю, что общими усилиями сражаясь плечо в плечо с вверенными Вам войсками, мы освободим от предателей дорогую нам Родину»⁹.

В.В.Марушевский ответил на приветствие Гайды 26 апреля 1919 г.: «Вернувшись с фронта, был крайне обрадован Вашей приветственной телеграммой от 17 апреля. Приветствую в Вашем лице доблестных братьев сибирцев. В успехе не сомневаюсь. Прошу верить моему горячему желанию вести работу не только в связи, но и с прямым подчинением наших операций операциям сибиряков. Оперативные сводки сообщаю нарочным генералу Щербачеву. Для успеха операции крайне нуждаюсь в подробных сведениях о расположении, силах, действиях правого фланга сибирцев...Надеюсь в самом близком будущем видеть наших северных стрелков действительно плечом к плечу с сибирцами»¹⁰.

Готовность руководства Северной армии подчинить свои части действиям сибиряков была подтверждена приказом по войскам Мезенско-Печорского района, согласно которому рота подпоручика Иванова из

состава печорского батальона капитана Г.П.Алашева передавалась в распоряжение командования 25 Сибирского Тобольского полка. В апреле-мае 1919 г. эта рота принимала участие совместно с сибиряками в попытках прорваться на Вычегду через Екатерининский канал, связывающий Вычегду с притоком Камы Северной Кельтмой.

Для координации действий при штабе печорского батальона Алашева находилась группа сибирских офицеров из 7 человек во главе с подпоручиком Жалковским.

В районе коми-пермяцкого села Гайзы в апреле 1919 г. была сосредоточена крупная группировка колчаковцев силою до полутора тысяч штыков и сабель, в задачу которой входило развитие наступления на западном и северном направлении. 7 апреля красные были выбиты из г.Кай. 19 апреля две сотни белоказаков появились в окрестностях рабочего поселка Кажим, что на юге Коми края. Советский штаб Пинеги-Печорского края, специально образованный в Усть-Сысольске для отражения копчакковского вторжения, был в панике. В районе Объячево спешно возводились укрепления. Штаб обратился за поддержкой к рабочим Кажимского железоделательного завода, но из всей массы рабочих в ряды Красной армии записалось только три человека. Остальные ждали белых¹¹.

В апреле-мае 1919 г. позиции белых на Печоре были таковы. Батальон Г.П.Алашва из состава архангельских войск численностью около 800 человек, хорошо экипированных, занимал нижнюю и среднюю Печору. На верхней Печоре в районе Троицко-Печорска был расквартирован батальон 25 Сибирского Тобольского полка под командованием капитана Атавина. Последний получил приказ командования развернуть на базе своего батальона Отдельный Сибирский Печорский стрелковый полк, в связи с чем на верхней Печоре была объявлена мобилизация в ряды копчакской армии. По некоторым данным, численность Сибирского Печорского полка до отхода колчаковцев за Урал составляла около 500 человек (большая часть из них во время отхода дезертировала и перешла на службу в Северную Белую армию). Между архангельскими и сибирскими частями по Печоре была установлена телефонная и телеграфная связь. Печорские пароходы были разделены между двумя сторонами и исправно перевозили грузы и снаряжение (при отсутствии хороших дорог речной транспорт в Коми крае играл исключительно важную роль, не случайно красные в Троицко-Печорске даже хотели размонтировать двигатели зимовавших там пароходов, лишь бы они не достались противнику).

Верхнепечорские волости перешли под юрисдикцию Омского правительства и вошли в состав Чердынского уезда Пермской губернии.

Стремясь как можно скорее экипировать свои части и продолжить наступление на запад, командир Северного отряда Сибирской армии полковник Бордзиловский неоднократно запрашивал ставку Д.Д.Шапошникова о присылке на верхнюю Печору «винтовок, орудий, пулеметов, бомбометов, 50 дюжин фотографических пластинок». 22 июня 1919 г. Бордзиловский через Жалковского просил архангельцев выслать в Троицко-Печорск «медикаменты и четыре автомобиля - два на тракт Якша - Петрецово и два - на тракт Троицко-Печорск - Помоздинское. Автомобили желательно иметь типа танк, то есть для перевозки грузов не с

колесами, а лентой». Бордзиловский уверял, что «в случае получения немедленно вооружения гарантирую взять Усть-Сысольск и Котлас в кратчайший срок»¹². Высылка танков на Печору была вполне реальной морским путем. А.Терентьев в своей работе «Печора в гражданской войне» утверждает даже, что белые применяли аэроплан на помоздинском участке Печорского фронта в марте 1919 г.¹³

24 июня первый «малый» транспорт с оружием из Архангельска для сибиряков прибыл в Усть-Цильму. Капитан Г.П.Алашев сообщал ставке Шапошникова в Усть-Вашку, что транспорт в тот же день отправлен в Троицко-Печорск, а навстречу «большому» высланы конвой и лошади¹⁴.

Усть-Цильма стала важной перевалочной базой на пути из Архангельска в Омск и наоборот. Через нее проехали весной и в начале лета 1919 г. ряд правительственных и союзных делегаций: в Омск -английский отряд лейтенанта Диксона, французский отряд капрала Бессу, делегация князя И.А.Куракина, делегация генерал-майора Кислицына; в Архангельск - взвод шотландских стрелков Гэмпширского полка

полковника Джонса (направлявшегося в Лондон с поручением от генерала Нокса), уполномоченный Ставки Верховного правителя штаб-капитан Бекшин и др. В Усть-Цильме пришлось даже устроить пункт для обмена «северных» и «сибирских» рублей. Усть-цилемский телеграф являлся передаточным звеном на переговорах Омска с Архангельском, Финляндией и армией Н.Н.Юденича.

Для ускорения экипировки печорских белых частей союзное командование в Архангельске решило отправить в устье реки Печоры Британскую миссию. В кон. июля 1919 г. Британская миссия под начальством капитана Киттинга прибыла на Печору и разместила свои интендантские склады на лесозаводе «Стелла Полларс». Предполагалось, что обмундирование и оружие от миссии получают прежде всего колчаковские войска, но отступление последних за Урал сделало невозможным передачу им имущества миссии. Все досталось архангельским белым частям, стоявшим на Печоре. В нач. августа 1919 г. Усть-цилемский вещевого склад принял от миссии 2000 шинелей, 3000 мундиров, 6900 брюк, 10000 одеял, 2000 фуражек, 1950 ботинок, 1950 рубашек и др. Принято было также некоторое количество медикаментов, продовольствия и оружия. Для организации эвакуации миссии на Печору в конце августа приезжал британский бригадный генерал Грэхэм¹⁵.

В июне 1919 г. архангельское и омское командование предприняло последнюю попытку соединиться в районе Котласа. Архангельцы наступали на пинежском направлении при поддержке авиации (применялось даже химическое оружие). Средне-Сибирский корпус А.Н.Пепеляева занял г.Глазов, Вятской губернии. Войска Мезенско-Печорского района Северного фронта готовились к наступлению на Яренск. Планировалось, что после взятия Котласа специальная британская бригада Северного фронта поднимется вверх по Вычегде и будет оперировать в Коми крае¹⁶.

На Печорском фронте в июне наблюдалось затишье. Кай-Чердынский советский полк численностью до 2500 штыков занимал оборону в верховьях Вычегды и Сысолы. Красные испытывали серьезные затруднения с нехваткой продовольствия и оружия. По воспоминаниям очевидцев приходилось выкапывать из-под снега и земли трупы убитых и

павших лошадей и есть их¹⁷. Белые неоднократно присылали красноармейцам небольшое количество хлеба с призывами переходить на их сторону. Красноармейцы предпочитали дезертировать в отряды зеленых. Весной и летом 1919 г. в вычегодских лесах скрывалась настоящая Зеленая армия (так ее прозвали белые) в количестве нескольких сотен бывших красных¹⁸.

В феврале-марте 1919 г. красные предприняли попытки наступления на Троицко-Печорск, но безрезультатно. Участок фронта здесь проходил между Помоздино и Троицко-Печорском по небольшой реке Сойве. Колчаковцы сильно укрепили свой берег: построили блиндажи, вырыли окопы, устроили пулеметные гнезда, подтащили артиллерию (по некоторым данным имелись и химические снаряды). Командиром Сойвинского боевого участка являлся прапорщик Шармаев. Под его началом на Сойве находилось до 200-300 штыков.

В нач. лета 1919 г. белые разгромили краснопартизанский отряд в районе Изьвайля и угрожали Помоздино с севера. Однако 3 июля красные выбили белых из Изьвайля, захватив при этом несколько пленных. Один из них, мичман Крылов, дал противнику ценные показания. из которых следовало, что «в начале июня прибыл офицер связи 25 Тобольского полка прапорщик Земляничин, проследовавший также далее в Архангельск. По его просьбе в Троицко-Печорск отправлено 3 или 5 пулеметов, 200 винтовок, 20 тысяч патронов. По его словам (прапорщика Земляничина - М.Т.) 25 Тобольский полк приказано вернуть в дивизию. Врид начдивом назначен комполка 25 Тобольского Бордзиловский. Печорский отряд Г.П.Алашева насчитывал в марте 1000 человек, свыше 12 пулеметов, рота связи с сибиряками (200 человек, 3 пулемета) влига в 25 Тобольский полк. В настоящий момент добровольцы старых возрастов распущены по домам. Состав отряда: 2 роты по 4 взвода. Первая рота под командованием подпоручика Рочева (зыряне), вторая - штабс-капитана Новикова (из русских). Обе роты стоят в Ижме и Кедве. Пулкоманда - 60 человек, 5-6 пулеметов, командир - подпоручик Пономарев. Команда конных разведчиков - 25 сабель. Горной полубатареей командует поручик Мельников. Общая численность Печорского отряда - 600 человек»¹⁹.

20 июля капитан Г.П.Алашев сообщал в ставку генерал-майора Д.Д.Шапошникова о двух перебежчиках со стороны красных: «Бежали из-под Усть-Сысольска 4 июля. Пароходом до Ульяновского монастыря, оттуда просекой через Помоздино на Ухту. Передают сведения: в Усть-Сысольске штаб командующего Пинега-Печорским районом. У города стоят части Печорского (Ижмо-Печорского - М.Т.) полка общей численностью до 1000 штыков при шести орудиях. В рядах красных недовольство разницей в пайках между мобилизованными, добровольцами и охраняющими штабы»²⁰.

Июньское наступление белых на пинежском (Северный фронт) и вятском (Восточный фронт) направлениях провалилось. Сибирская армия была вскоре вынуждена спешно отступать на восток. 5 июля Бордзиловский без боя оставил Чердынь. Командир Отдельного Сибирского Печорского полка капитан Атавин получил предписание отходить за Урал по Сибиряковскому тракту. 4 июля Атавин телеграфировал Шапошникову: «Вследствие создающейся обстановки на фронте мне с полком приказано

выступить из Троицкого через Ляпино на соединение с Северным отрядом. 5 июля я с отрядом выступил. Начальник Северного отряда приказал вам продолжать получение боевых запасов в Архангельске, организовав доставку грузов морским путем через Обь, Печору и Усу из Белабана на оленях в Обдорск»²¹.

Архангельск пытался удержать колчаковские войска на Печоре. 11 июля Шапошников получил распоряжение: «Передайте не медля ни минуты капитану Атавину, что удержание им района Щугор крайне необходимо... Это приказание сообщено в Омск наштаверху»²². Шапошников в свою очередь приказал командиру печорского батальона Алашеву попытаться уговорить колчаковцев задержаться у Усть-Щугора, но поздно. 15 июля Алашев доносил, что сибиряки покинули пределы Печоры по тракту Усть-Щугор - Ляпино. Тогда Шапошников приказал Алашеву занять Троицко-Печорск.

В итоге, войска Мезенско-Печорского района Северного фронта стали контролировать весь печорский бассейн, окончательно растянув и без того распыленные свои силы.

Вскоре генерал-майор Д.Д.Шапошников был снят с командования Мезенско-Печорским районом и переселен в Архангельск. Сам район был разбит на два отдельных района: Мезенский (командующий полковник П.А.Троянов) и Печорский (командующий полковник В.Ахаткин). На базе войск бывшего Мезенско-Печорского района развернулось формирование 1 Северного Мезенского и 10 Северного Печорского полков.

Формирование 10 Печорского полка завершилось в сентябре 1919 г. Командиром полка (с правами командира дивизии) являлся Ахаткин, первым батальоном командовал капитан Покровский, вторым батальоном - капитан Новиков, интендантом был капитан Ляпин, артиллерийской полубатареей командовал штабс-капитан Чапуриин. (см. приложение). Полковой праздник 10 Печорского полка определили 8 сентября по ст. ст., в честь Рождества Пресвятой Богородицы. 22 сентября полковник Ахаткин отправил в Архангельск Главнокомандующему Е.К.Миллеру телеграмму: «10 Северный полк, справляя свой первый полковой праздник, обещает приложить все свои силы на борьбу под Вашим руководством с предателями Родины за святую, единую Россию»²³.

Первый батальон 10 полка в составе трех рот и пулеметной команды численностью 543 штыка размещался на верхней Печоре в районе Троицко-Печорска. Второй батальон примерно такой же численности занимал позиции на средней Печоре и Ижме. В октябре 1919 г. началось формирование третьего батальона. Общая численность полка выросла до 2700 чел., размещавшихся гарнизонами в Троицко-Печорске, Усть-Щугоре, Усть-Ухте, Красноборске, Ижме, Мохче и Усть-Цильме²⁴.

В ноябре 1919 г. Ахаткин получил директиву командования наступать на противника в трех направлениях: пермском (на Чердынь), вычегодском (на Усть-Сысольск), зауральском (на Березов). С целью взятия Чердыни и Усть-Сысольска в районе Троицко-Печорска была сконцентрирована группировка печорских войск в два батальона под общим командованием штабс-капитана Шульгина, усиленная артбатареей, командами конных разведчиков и пулеметами. В ноябре Шульгин активно действовал на вычегодском (полностью очистив бассейн верхней и средней

Вычегды от красных и в районе Усть-Сысольска, соединившись с Особым Вычегодским добровольческим отрядом капитана Н.П. Орлова, вышедшим на Вычегду в районе Айкино по Мезни) и пермском (оперируя недалеко от Чердыни в районе Ныроба и Искора) направлениях.

Весть о падении Усть-Сысольска 15 ноября 1919 г. в штабе 6 Красной армии была воспринята как «сказочная». В Вологде и Великом Устюге не могли поверить, что белые смогли так глубоко продвинуться в советский тыл. На железнодорожной станции Луза дороги Котлас-Вятка срочно был сформирован особый штаб члена РВС 6 Красной армии Г.С.Биткера, который бросил для ликвидации прорыва белых в Коми крае свыше трех тысяч птыков и сабель. В строй становились раненные и больные из вятских и лальских госпиталей.

А у белых в Усть-Сысольске в это время насчитывалось менее 200 человек, причем 63 человека из них под командованием штабс-капитана А.О.Прокушева были вскоре отправлены вверх по Сыsole преследовать остатки панически отступающих красных. Последние (в частности, отряд новчимских рабочих под командованием М.М.Анисимова), опасаясь расправы со стороны местного населения, которое в массовом порядке ждало прихода новой власти, в ряде мест выдавали себя за белых. Крестьяне встречали «белых» колокольным звоном, выносили хлеб-соль, молоко, приводили для расправы не успевших скрыться коммунистов²⁵.

Комендантом Белого Усть-Сысольска был назначен подпоручик Иванов из 10 Печорского полка. Характерно, что никто из арестованных в городе большевиков и активистов советской власти не был расстрелян.

В ряде населенных пунктов Коми края коммунисты вообще выступали инициаторами торжественной встречи белых (очевидно, в надежде на милосердное обращение). Так, в Усть-Куломе волостная организация РКП(б) в составе 118 человек на своем собрании приняла решение отправить навстречу наступающим с Печоры белым делегацию с хлебом-солью во главе с большевиком Уляшевым. В Усть-Куломе три дня звонили в колокола²⁶.

На Сыsole белые захватили в плен до 600 человек беженцев, ушедших с красными весной 1919 г. с Печоры. В основном это были активисты советской власти. Начальник разведки Печорского района подпоручик Сергачев потом неоднократно обращался в Архангельск дать распоряжение, что делать с таким количеством пленных, которых «местные общества обратно не принимают, как вредный элемент»²⁷. Судьба этих беженцев так до конца и не выяснена.

На зауральском направлении действовал Особый отряд связи Генерального штаба Северного фронта под командованием штаб-ротмистра Червинского, подчиненный Ахаткину. Численность отряда неизвестна, возможно около ста или двухсот человек. Отряд в кон. 1919 г. занял Березов и включил Березовский уезд в состав Северной области (любопытно, что в Березове белые обнаружили архивы Л.Д.Троцкого и эсера Н.Д.Авксентьева. Бумаги доставили в Ижму, куда они делись потом выяснить не удалось).

Таким образом, в кон. 1919 г. фактически вся территория Коми края на короткое время была освобождена от красных. Немаловажную роль в этом сыграли печорские белые войска. На базе печорских подразделений,

оперировавших на Вычегде, в декабре 1919 г. было развернуто формирование 14 Северного Вычегодского стрелкового полка.

Приложение.

Список офицеров 10 Северного Печорского стрелкового полка и особого отряда связи²⁸

10 Северный Печорский стрелковый полк был сформирован в сентябре 1919 г. в Печорском уезде Архангельской губернии. Основой полка являлись печорский батальон капитана Г.П.Алашева из состава войск Мезенско-Печорского района Северного фронта и белопартизанские отряды Народной армии Печорского уезда. Командиром полка был полковник В.Ахаткин. Штаб полка размещался первоначально в с.Усть-Цильма, затем в с.Ижма (Ижма была единственным печорским селом, имевшим небольшую электростанцию и прекрасно оборудованную земскую больницу, реорганизованную под полковую госпиталь. В Ижме размещались помимо штаба полка офицерское собрание, театр, тюрьма, телеграф, телефонная станция). В состав 10 полка входили три батальона пехоты, команды конных разведчиков, команда связи, учебная команда, нестроевые подразделения, пулеметные команды и артбатарея (в отдельных документах 10 Печорский полк именуется бригадой). Кроме того, в подчинении штаба Печорского района находился весь печорский речной флот с матросскими экипажами. По разным данным списочный состав 10 полка колебался от 2300 чел. (в октябре 1919 г.) до 3329 чел. (в феврале 1920 г.). В январе 1920 г. на довольствии в полку насчитывалось до 3850 чел. Полк занимал весь бассейн реки Печора от верховьев до устья, боевые действия вел на вычегодском направлении (наступление на Усть-Сысольск), зауральском (наступление на Березов) и пермском (наступление на Чердынь).

Особый отряд связи под командованием штаб-ротмистра Червинского прибыл на Печору из Архангельска осенью 1919 г. с целью установления телефонной и телеграфной связи с Сибирской армией, но в силу разгрома колчаковцев красными не смог выполнить свою задачу. Связисты телефонизировали Печорский уезд, а в ноябре 1919 - январе 1920 гг. действовали за Уралом, как военный отряд. Отряд Червинского, усиленный подразделениями 10 Печорского полка и зауральскими белопартизанскими отрядами освободил от красных Березов.

СПИСОК ОФИЦЕРОВ:

АБЕЛЬ - прапорщик. Командир нестроевой роты полка, зав. оружейной частью.

АЛАШЕВ ВИКТОР ПАВЛОВИЧ - подпоручик. Начальник 1 пулеметной команды. Убит в бою под Чердынью 30 ноября 1919 г. В телеграмме в Архангельск о потерях полка от 10 декабря 1919 г. отмечено: «пал смертью храбрых у села Искор».

АЛАШЕВ ГЕННАДИЙ ПАВЛОВИЧ - капитан. 30 ноября 1918 г. отряд штабс-капитана Алашева из 40 чел. при двух пулеметах неожиданным ударом со стороны Мезени овладел с.Усть-Цильма, ставшим базой для Белой армии в Коми крае. 17 марта 1919 г. постановлением Временного правительствка Северной области (ВПСО) произведен в капитаны. Приказом по русским войскам Мезенско-Печорского района № 110 от 4 апреля 1919 г. Алашев был назначен командиром всех действующих в Печорском уезде белогвардейских соединений «на правах командира отдельного батальона». В его распоряжении находились 4 стрелковые роты, пулеметная команда и артиллерийская полубатарея, а также белопартизанские отряды - всего около 1000 чел. Отряды под командованием Г.П.Алашева очистили от красных весь печорский бассейн, в течение марта - июня 1919 г. поддерживали связь с Сибирской армией А. В. Колчака по верхней Печоре. В июне 1919 г. приказом командования на базе отрядов Алашева решено было развернуть 10 Северный Печорский полк. Капитан Алашев был переведен в распоряжение начальника Архангельской губернии. Последний назначил Алашева начальником Печорского уезда Архангельской губернии. По некоторым данным, в сентябре 1919 г. Г.П.Алашев был произведен в подполковники, но приказ об этом повышении не обнаружен. В феврале 1920 г. попытался подавить солдатский бунт в Ижмс и Покче, приведший к капитуляции нижнепечорских частей 10 полка. Некоторое время после победы мятежников и признания советской власти продолжал контролировать политическую ситуацию в уезде на правах начальника уезда. Известно, что 21 февраля 1920 г. (уже после падения Архангельска) Г.П.Алашев разослал по волостям Печорского уезда извещение о созыве в Ижме «общего собрания граждан, на которое приглашаются все председатели земских управ района совместно с гласными земских управ» для «обсуждения текущих событий». Дальнейшая судьба Г.П.Алашева неизвестна.

АРИСТОВ - подпоручик. Переведен в 10 полк из 3 Северного полка приказом Главнокомандующего 14 декабря 1919 г. Прибыл в штаб полка 10 февраля 1920 г.

АХАТКИН ВИКТОР - полковник. Назначен командующим Печорским районом Северного фронта и командиром 10 Северного Печорского полка приказом по русским войскам Северной области № 119 от 29 июня 1919 г. 24 июля 1919 г. прибыл в Усть-Цильму из Архангельска на пароходе «Зосима» с группой офицеров (капитаны Ляпин и Покровский, штабс-капитан Шулыгин, поручик Клинго, прапорщики Бурков и Абель). В этот же день издал приказ № 1 по 10 Северному Печорскому полку, где говорилось: «Ввиду обособленности Печоры и дальнейшим продвижением наших частей выделить Печорский район из ведения командующего русскими войсками Мезенско-Печорского района. Командующим русскими войсками Печорского района назначен состоящий в штабе командующего полковник Ахаткин, с присвоением ему прав начальника дивизии». В 6 короткий срок Ахаткин сформировал 10 полк, превратив печорские белопартизанские отряды в регулярное армейское соединение. Известен один из приказов полковника, в котором говорится о внешнем виде солдат: «вместо ботинок, с обмотками носят то опорки с цветными шерстяными чулками, то оленьи туфли при длинных брюках, то черные

шаровары вместо защитных, на голове вместо фуражек шапки всевозможных покроев». Ахаткин приказал «немедленно устранить этот маскарад». С помощью интендантской базы Британской миссии, размещавшейся в устье Печоры на лесозаводе «Стелла Полларе» в июле-августе 1919 г. удалось полностью экипировать 10 полк армейским обмундированием, вооружить его, снабдить медикаментами и продовольствием. 15 сентября 1919 г. Ахаткин докладывал в Архангелъск о сформировании полка, добавив: «Полковой праздник 10 полка - 8 сентября ст. ст. День Рождества Пресвятой Богородицы. Прошу утвердить». В ноябре 1919 г. Ахаткин получил директиву командования наступать сразу на трех направлениях - на города Усть-Сысольск, Березов и Чердынь. В итоге Березовский уезд Тобольской губернии был включен в состав Северной области, Усть-Сысольск перешел под контроль белых, что для красных, считавших Усть-Сысольск глубоким тылом, явилось неприятной неожиданностью. В кон. декабря 1919 - нач. января 1920 г. полковник Ахаткин в качестве командующего Печорским районом провел инспекцию всех войск, расквартированных на верхней Печоре и верхней Вычегде. В Усть-Куломе он встречался с начальником Вологодской губернии С.О.Латкиным, который попросил Ахаткина помочь в формировании на Вычегде 14 Северного Вычегодского стрелкового полка. Ахаткин согласился и своим приказом перевел в состав 14 полка четыре стрелковые роты из 10 Печорского полка, ставшие основой нового подразделения. В феврале 1920 г. в результате солдатского мятежа полковник Ахаткин был арестован и позднее отправлен под конвоем красноармейцев в Чердынь. Дальнейшая судьба его неизвестна.

БАРАЕВ - полковник. По всей видимости, являлся одним из руководителей офицерской монархической организации «Белый крест» на Севере, способствовавшей в августе 1918 г. освобождению Архангельска от красных. В июле 1919 г. был назначен командиром отдела связи Печорского района. Под руководством Бараева летом 1919 г. силами рабочего батальона был капитально отремонтирован и приспособлен для автомобильного движения Койнаский тракт, связывавший Усть-Цильму с Мезенью. Из Архангельска на Печору были высланы автомобиль и четыре мотоцикла, которые планировали использовать на тракте. В декабре 1919 г. Бараев был назначен командиром 14 Северного Вычегодского полка (приказ по Печорскому району о переводе его в 14 полк был опубликован 13 января 1920 г.) в середине января 1920 г. выехал в Архангельск за экипировкой и оружием. Дальнейшая судьба неизвестна.

БАТЫНСКИЙ - подпоручик. Переведен в 10 полк из 4 Северного полка приказом Главнокомандующего от 14 декабря 1919 г.

БОГОЛЕПОВ - прапорщик. Некоторое время являлся начальником связи полка.

БОГОСЛОВСКИЙ - штабс-капитан, начальник штаба 10 полка. Представлен к производству в капитаны, но неизвестно, получил ли повышение. 28 декабря 1919 г. командир 10 полка Ахаткин запрашивал командование: «Чем задерживается производство Богословского, работающего день и ночь?».

БУНАКОВ - штаб-ротмистр. Состоял в Особом отряде связи, оперировавшем в кон. 1919 - нач. 1920 г. за Уралом. После взятия Березова

являлся комендантом города. Начальник Особого отряда связи штаб-ротмистр Червинский рапортовал в штаб 10 полка 30 декабря 1919 г. : «Начальником Березовского района по просьбе ляпинских властей мною назначен штаб-ротмистр Бунаков». 31 декабря из штаба 10 полка в Архангельск доносили: «...от Березова до Ляпино тянется телефонный кабель, протянуто уже 100 верст. Хлеб вывозится из Березова, там 300 тысяч пудов. Березовский гарнизон организован ротмистром Бунаковым».

БУРКОВ - прапорщик флота. Квартирмейстер полка.

ВАРЗУХИН А. - прапорщик. Уроженец печорского села Кожва. Один из самых боевых офицеров 10 Печорского полка. Командир 4 роты верхнепечорской группировки полка, расквартированной в Троицко-Печорске. Участвовал в наступлении на Чердынь в ноябре 1919 г., возглавлял контр наступление на Якшу в январе 1920 г. В декабре 1919 г. временно командовал 3 батальоном 10 полка. О действиях сводного отряда Варзухина под Якшей в январе 1920 г. полковник Ахаткин доносил в Архангельск: «10 января противник количеством 300 штыков был выбит из Порога и бежал на Мамыль, где он имел еще две роты с пулеметами. В 17 час. того же числа с боем была занята д.Мамыль, после чего противник спешно отступает на Якшу в составе четырех рот с пулеметами и кавалерийским отрядом около 30 сабель. Наши разведчики на лыжах преследуя, приблизились на 50 шагов и атаковали противника, который в панике бежал, оставив на месте двух убитых и много раненых. Потерь с нашей стороны нет... Нами занята Якша. Отступая, противник увел всех лошадей из Порог, Мамыля и Якши. Отступающими оставлено 2 ствола пулемета, 6 пулеметных лент с патронами».

ВЕРХОВЦЕВ - прапорщик. Состоял в Особом отряде связи за Уралом, помощник начальника технической части отряда. В декабре 1919 г. отбыл в командировку в Архангельск с докладом о состоянии связи в Печорском и Березовском уездах и за оборудованием. Выслал из Архангельска на Печору радиостанцию.

ВЕТРОВ - подпоручик. Комендант зауральского села Ляпино.

ВОЗДВИЖЕНСКИЙ - поручик. Получил назначение в 10 полк 5 декабря 1919 г. Являлся командиром 8 роты полка, размещавшейся в Троицко-Печорске.

ВЯТКИН - поручик. В ноябре 1919 г. непосредственно руководил сводным батальоном 10 полка из двух рот, разведотрядов, пулеметных команд и артбатареи, осуществлявшим наступление на Усть-Сысольск. Батальон Вяткина с боями освободил от красных ряд верхневычегодских сел, Троице-Стефановский Ульяновский монастырь. В дальнейшем Вяткин являлся комендантом Помоздино и командиром т.н. карательной роты, занимавшейся этапированием арестованных большевиков с Вычегды на Печору, иногда расстрелами. В отдельных документах (не из полковой канцелярии) за февраль 1920 г. упоминается новый чин Вяткина - штабс-капитан, но приказ о производстве не обнаружен.

ЕЛЕАЗАРОВСКИЙ - подпоручик. Начальник учебной команды в с.Мохча. Первый офицер 10 полка, арестованный взбунтовавшимися солдатами 14 февраля 1920 г.

ИВАНОВ АЛЕКСЕЙ ГЕРАСИМОВИЧ - поручик. Закончил юридический факультет (без экзаменов). Весной 1919 г. рота подпоручика

Иванова из состава печорского батальона Г.П.Алашеева была передана в распоряжение 25 Сибирского Тобольского полка и некоторое время воевала на Восточном фронте. В сентябре 1919 г. Иванов занимал должность полкового адъютанта 10 полка. В ноябре 1919 г. участвовал в наступлении на Усть-Сысольск, после взятия которого являлся комендантом города. В ходе отступления из Усть-Сысольска Иванов командовал арьергардом войск, сдерживая натиск наседавших красных. В двухдневных боях под селом Небдино, где противник предпринял попытку окружить отступающих из Усть-Сысольска, красные потеряли до 85 чел. убитыми и ранеными (по советским данным; белые считали, что потери красных составляли не менее 250 чел.). Постановлением ВПСО от 17 января 1920 г. Иванов был произведен в поручики. 28 января 1920 г. уволен из армии по болезни.

ИВАНОВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ - подпоручик. Командир 3 роты верхнепечорской группировки 10 полка, участвовавшей в наступлении на Чердынь. Убит в бою под Чердынью 30 ноября 1919 г.

ИОЛЛЕС - врач. Добровольно прибыл в Северную область из Франции, в Архангельске получил назначение на Печору. Сначала был хирургом в полковом госпитале в Ижме, затем являлся старшим врачом лазарета Красного Креста в Троицко-Печорске. О враче Иоллесе имеются сведения в мемуарах министра ВПСО Б.Ф.Соколова, впервые изданных в «Архиве русской революции» в Берлине и перизданных в Архангельске в 1993 г в сборнике «Белый Север»: «...Несколько слов об юдофобстве. Последнее не имело сильного распространения в Области, но, конечно, ему не чужды были власть имущие. Один случай остался в моей памяти наиболее тяжелым воспоминанием... Среди многих врачей Северной Области был один врач -еврей Иоллас, приехавший из Парижа. Он был больной, с тяжелым ревматизмом, беспомощный, почты никогда не живший в России. Шабельский (начальник гражданской канцелярии генерал-губернатора Северной области - М.Т.) посылает его в глубь Печоры. Командировка эта была для него равносильна полной гибели. При этом не составляло тайны, что его отправляют туда как еврея, ибо на фронт его «нельзя послать. Будет его разлагать». Дальнейшая судьба Иоллеса после прихода большевиков мне неизвестна».

КАНЕВ НИКИТА ИПОЛИТОВИЧ - прапорщик. Мобилизован в Белую армию в нач. 1919 г. Служил в печорском батальоне Г.Палашева (в роте штабс-капитана Новикова), затем в троицко-печорском гарнизоне. После капитуляции 10 полка отсидел семь месяцев в тюрьме Перми. Потом был мобилизован в Красную армию в качестве военспеца и в Вятке служил взводным командиром. Демобилизовавшись из Красной армии, вернулся на родину - в печорское село Щельяюр. В 1924 г. был избран односельчанами в состав сельского Совдепа. С 1926 г. лишен избирательных прав как бывший белогвардейский офицер. Дальнейшая судьба неизвестна.

КАСАТКИН - штабс-капитан. Георгиевский кавалер. Являлся зав. культурно-просветительским отделом штаба Печорского района, неоднократно просил командование освободить его от этой должности, в частности, в рапорте от 31 декабря 1919г.: «Еще раз прошу освободить от зав. пропагандой». Организовал в Ижме театральную труппу из офицеров.

Первый спектакль труппы по одной из пьес А.П.Чехова состоялся 31 декабря 1919 г. 6 февраля 1920 г. Касаткин информировал Архангельск, что для населения Печорского уезда «...еженедельно устраиваются чтения с туманными картинками. Открыта школа грамотности». Пытался организовать на Печоре подвижной кинематограф. Помимо культурно-просветительской работы Касаткин занимал должность зав. судебной частью Печорского района, иногда заменял подпоручика Сергачева в отделе разведки штаба Печорского района. Супруга Касаткина работала сестрой милосердия в полковом госпитале.

КЛИНГО (КЛИНГЕ) АЛЕКСАНДР ОСКАРОВИЧ - поручик. Адьютант штаба Печорского района. Умер от заражения крови 5 декабря 1919 г.

КОБЕЛЕВ ИОАСАФ СЕМЕНОВИЧ - подполковник. Помощник командующего Печорским районом Северного фронта. По некоторым сведениям в октябре 1919 г. произведен в полковники (31 октября получил в связи с этим частную поздравительную телеграмму, официальный приказ о повышении не обнаружен). 3 января 1920 г. возглавил полковой суд.

КОРОБОВ - штабс-капитан. Летом 1919 г. занимал должность печорского уездного коменданта. Лично осуществлял передачу из Омска через Усть-Цильму телеграфных сообщений в Архангельск, Финляндию и Прибалтику (множество телеграмм весной и в нач. лета 1919 г. подписано «Передал Коробов»). В дальнейшем был помощником начальника уездной комендантской команды. После солдатского мятежа в феврале 1920 г. оказался единственным офицером, освобожденным из-под ареста. 25 февраля 1920 г. по всей видимости некоторое время входил в состав солдатского ревкома.

ЛОПУШИНСКИЙ ИВАН АДАМОВИЧ - ротмистр. С октября 1919 г. комендант Печорского уезда, начальник комендантской команды из 95 солдат. В административном отношении уездные коменданты были подчинены начальнику Архангельской бригады, в оперативном - начальнику штаба командующего войсками.

ЛЮБЛИНСКИЙ - прапорщик (по другой версии, штабс-капитан). Перебежал от красных во время наступления 10 полка на Чердынь. Зачислен в 1 батальон 10 полка приказом по батальону от 20 ноября 1919 г.

ЛЯПИН - капитан. Командовал 2 батальоном 10 полка, затем являлся районным интендантом.

МАЙКОВ - подполковник. Первоначально командир 3 батальона 10 полка. Скончался по болезни 23 декабря 1919 г., похоронен в Троицко-Печорске.

МЕЛЬНИКОВ - штабс-капитан. Командовал артиллерийской полубатареей на Печоре в мае - августе 1919 г. В сентябре 1919 г. командир 4 роты 10 полка, в январе 1920 г. командир 3 батальона 10 полка, расквартированного в Троицко-Печорске.

МОЛЧАНОВ - подпоручик. Приказом штабс-капитана Касаткина от 6 февраля 1920 г. был назначен младшим инструктором по устройству спектаклей в культурно-просветительском отделе штаба Печорского района «с исполнением своих прямых обязанностей».

МЫШКИН - поручик. Начальник команды связи 10 полка.

НОВИКОВ - капитан. Корсичной печорец. Один из первых печорских добровольцев-офицеров, вступивший в войну на стороне белых еще осенью 1918 г. Дал подписку Г.П.Алашеву: «В бытность мою в Совдепии не совершал действий, порочащих честь и доброе имя русского офицера». В первом полугодии 1919 г. командовал 2 ротой печорского батальона Г.П.Алашева. Произведен в капитаны согласно ходатайству генерал-майора Д.Д.Шапошникова от 29 апреля 1919 г. «за особые заслуги по борьбе с врагами России в пределах Печорского края и за боевые подвиги». Командир 2 батальона 10 полка.

ПАНУЦКИЙ - поручик. Назначен в Особый отряд Червинского 9 октября 1919 г.

ПЛАТОНОВ - прапорщик. Переведен в 10 Печорский полк из 3 Северного полка приказом Главнокомандующего от 14 декабря 1919 г.

ПОКРОВСКИЙ - капитан. Командир 1 батальона 10 полка в сентябре 1919 г. Осенью 1919 г. уехал в отпуск в Архангельск по болезни, обратно не вернулся, хотя срок отпуска согласно рапорта Ахаткина от 27 декабря 1919 г. истек.

ПОНОМАРЕВ - поручик. Начальник 2 пулеметной команды 10 полка в Ижме.

ПОПОВ А. - подпоручик. Старший офицер 5 роты 10 полка. В марте 1920 г. по приказу капитана Шульгина вел переговоры с красными об условиях капитуляции верхнепечорских частей 10 полка.

ПОПОВ ВАСИЛИЙ - священник верхнепечорской группировки 10 полка. Приказом Главнокомандующего Северным фронтом Е.К.Миллера был награжден орденом Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом за то, что при наступательных операциях белых на верхневычегодском направлении в ноябре 1919 г. «вызвался охотником в качестве полкового священника и, находясь во время боев на передовой линии и исполняя обязанности духовного пастыря, в высшей степени ободряюще действовал на состояние наших войск».

ПОПОВ Е.А. - прапорщик. Один из руководителей антибольшевистского восстания в Троицко-Печорске 4 февраля 1919 г., в результате которого село перешло под юрисдикцию Омского правительства. Вступил добровольцем в Сибирскую армию, после ухода ее частей с Печоры дезертировал и перешел в ряды Северной армии. Расстрелян красными в 1920 г.

ПЫСТИН М.К. - прапорщик. Один из активных участников антибольшевистского восстания в Троицко-Печорске 4 февраля 1920 г. В кон. 1919 г. служил в помоздинском гарнизоне. По некоторым сведениям убит (неизвестно при каких обстоятельствах - то ли в бою, то ли расстрелян красными).

ПЫШКИН - поручик. Переведен в 10 полк из 3 Северного полка приказом Главнокомандующего от 14 декабря 1919 г. Командир 7 роты 10 полка.

РАКИН ИВАН ФЕДОРОВИЧ - прапорщик. Большевик, секретарь волысполкома Ручевской волости Усть-Сысольского уезда, мобилизован в ряды Белой армии в кон. 1919 г. Участвовал в контрнаступлении верхнепечорской группировки 10 полка на Якшу в январе 1920 г. в качестве первого помощника командира отряда Варзухина. В Якше Ракин

был арестован «за оспаривание приказов» и отправлен под конвоем в Пинегу.

РАСКАТКОВ - прапорщик. Старший офицер артиллерийской батареи 10 полка.

РАЦЕВИЧ - капитан. Начальник пулеметной команды в зауральском селе Ляпино.

РОМАНОВСКИЙ - прапорщик. Назначен в 10 полк 5 декабря 1919 г. Являлся старшим офицером 1 роты 10 полка.

РОМАШКЕВИЧ - штабс-капитан. В декабре 1919 г. временно исполнял обязанности коменданта Печорского уезда.

РОЧЕВ АЛЕКСЕЙ А. - поручик. Бывший ижемский учитель, ставший офицером на фронтах Первой мировой войны. Уже в январе 1918 г. выступил на крестьянском сходе в родном селе против организации советов: «Кучка большевиков, продавшаяся на немецкие деньги, захватила власть, но продержится недолго, нужно укреплять земство». Один из первых печорских добровольцев-офицеров, вступивших в ряды Белой армии. Воевал с красными с августа 1918 г. в белопартизанских отрядах. Командовал 1 ротой в печорском батальоне Г.П.Алашеева. После формирования 10 полка командовал 4 ротой, расквартированной в с.Усть-Ухта. Рота насчитывала много рядовых - Георгиевских кавалеров. В феврале 1920 г. Рочев предпринял попытку подавить солдатский мятеж в Ижме и Мохче, но неудачно. После капитуляции 10 полка не сдался, скрылся в лесах и продолжил борьбу с красными. Весной 1921 г. возглавил антибольшевистское движение в Усинском районе Печорского уезда (получившие известность в истории Гражданской войны в Коми крае, как «рочевщина»), связанное с Западносибирским восстанием 1921 г. Отряд Рочева уничтожил ряд советских продотрядов, а в мае 1921 г. захватил с.Колва, откуда намеревался идти на Усть-Цильму, где планировалось восстание. Однако переброшенные на Печору регулярные части Красной армии из Архангельска и Чердыни подавили Усинское волнение. Большая часть отряда Рочева была уничтожена в бою в д.Калякурья на реке Усе. Сам Рочев сумел спастись и скрывался в лесах и тундре до сентября 1921 г., когда был выдан своими же друзьями советским властям. Без суда Рочев был расстрелян в с.Усть-уса в сентябре 1921 г. (заодно были расстреляны и выдавшие его соратники).

СЕМУШИН - подпоручик. Начхоз полка. Получил известность за попытку устроить нечто вроде дуэли с прапорщиком Терсентьевым.

СЕРГАЧЕВ - подпоручик. Начальник отдела разведки штаба Печорского района. Активно участвовал также в работе культурно-просветительского отдела штаба Печорского района, пытался организовать в Ижме духовой оркестр.

СИЛИН ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ - подпоручик. Был мобилизован в Красную армию. Служил в 90 пехотном советском стрелковом полку, бежал в Финляндию, откуда прибыл в Архангельск. Получил назначение в 10 Печорский полк, где командовал разведотрядом. Участвовал в боях на вычегодском направлении в ноябре 1919 г. В дальнейшем приказом Ахаткина переведен в 14 Северный Вычегодский полк на должность ко-

мандира 5 роты. Приказом по Печорскому району № 35 от 5 февраля 1920 г. произведен из прапорщиков в подпоручики со старшинством от 13 ноября 1919 г.

СОКОЛОВ - старший полковой врач. В начале 1920 г. возглавлял печорский эпидемиологический отряд за Уралом.

СУСЛОВ - прапорщик. Офицер 6 роты 10 полка.

ТЕЛЯТИЦКИЙ - прапорщик. Начальник гарнизона Ручевской волости. Участвовал в контрнаступлении на Якипу в январе 1920 г.

ТЕПЛОУХОВ - подпоручик. Начальник 2 пулеметной команды 10 полка.

ТЕРЕНТЬЕВ - капитан. 3 декабря 1919 г. был назначен командиром печорского национального ополчения, подчиненного штабу Печорского района. К февралю 1920 г. сформировал на Печоре две роты ополченцев численностью 175 чел.

ТЕРЕНТЬЕВ - прапорщик. Начальник 3 пулеметной команды 10 полка.

ТЕТЮЕВ НИКОЛАЙ - священник Особого отряда связи (из Пермской епархии).

УПАДЫШЕВ - подпоручик. Назначен в 10 полк 5 декабря 1919 г. Состоял одно время в полковой комиссии по санитарному состоянию войсковых квартир. Офицер 6 роты 10 полка.

ФЕДУЛЕВ - подпоручик. Старший адъютант штаба Печорского района.

ФИЛИППОВ - прапорщик. Партизан Народной армии Печорского уезда. Получил офицерский чин согласно ходатайству генерал-майора Д.Д.Шапошникова от 29 апреля 1919 г. «за особые заслуги по борьбе с врагами России в пределах Печорского края и за боевые подвиги».

ХРИСАНФОВ - штабс-капитан. Начальник технической части Особого отряда связи.

ЦИКИН ВАСИЛИЙ МАКСИМОВИЧ - подпоручик. Мобилизован в ряды Белой армии 2 сентября 1918 г. в Архангельске. В сентябре 1919 г. командовал 6 ротой 10 Печорского полка, участвовал в боях на вычегодском направлении. Награжден орденом Св. Станислава 3 ст. с мечом и бантом за храбрость. 7 января 1920 г. приказом Ахаткина переведен в 14 Северный Вычегодский полк на должность командира 2 батальона, расквартированного в с. Аныб Усть-Сысольского уезда. Оказался единственным из офицеров 14 Вычегодского полка, отказавшимся капитулировать в марте 1920 г. Сдался красным вместе с гарнизоном после 10-часового боя 5 марта 1920 г. Был этапирован в Вологодский концлагерь принудительных работ, откуда 10 июня 1920 г. бежал. По некоторой информации сумел перебраться через границу в Финляндию.

ЧАПУРИН - штабс-капитан. Командир артиллерийской батареи 10 полка.

ЧЕРВИНСКИЙ - штаб-ротмистр бывшего 20 Драгунского Финляндского полка. Возглавлял Особый отряд связи, посланный из Архангельска на Печору для установления телефонной и телеграфной связи с Омским правительством. Отряд насчитывал менее 200 чел. В сентябре 1919 г. отряд Червинского высадился в устье р.Печора и медленно стал

продвигаться по Печорскому уезду, занимаясь телефонными и телеграфными работами. 4 октября 1919 г. связисты прибыли в Усть-Щугор. Червинский докладывал в Архангельск: «Работы идут хорошо. Личный состав выше всякой похвалы, но мало офицеров - выматываются». В свободное время связисты устраивали спортивные состязания, играли в футбол, шахматы. В ноябре 1919 г. отряд Червинского, несколько усиленный подразделениями 10 Печорского полка, двинулся за Урал и занял Березов Тобольской губернии. В течение двух месяцев Червинский удерживал Березов, предприняв ряд контрнаступательных операций на красных вверх по Малой Оби. 29 декабря Червинский доносил в штаб 10 Печорского полка, что «21 декабря разведка березовского гарнизона при поддержке наших пулеметных частей дошла до села Нарыкары за 288 верст от Березова. Выбили красных из села. Захвачено 14 винтовок, много разного имущества. Все награбленное красными возвращено прежним владельцам. Наши и сибирские части рвутся в бой». Связисты соединили телеграфом Березов с Архангельском. В нач. января 1920 г. отряд связи был вынужден оставить Березов и отступить в с. Ляпино, где находились хлебные запасы для Печорского уезда. Однако под давлением превосходящих сил противника связисты были вынуждены оставить Зауралье в целом и отступить на Печору, в Усть-Щугор. В марте 1920 г. Усть-Щугор был окружен со всех сторон красными. Гарнизон Усть-Щугора капитулировал 9 марта 1920 г. Дальнейшая судьба Червинского неизвестна.

ЧИРКОВ - прапорщик. Телеграфист Особого отряда связи Червинского.

ЧУПРОВ А.А. - прапорщик. Получил офицерский чин 12 декабря 1919 г. «за усердие» (первым записался в печорское национальное ополчение).

ЧУПРОВ - прапорщик. В сентябре 1919 г. младший офицер печорской комендантской команды.

ШИПИЦЫН ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ - подпоручик. Комендант советского Усть-Сысольска, перебежал через линию фронта 22 декабря 1919 г. Сначала был назначен в 10 Печорский полк, однако в кон. января 1920 г. получил распоряжение о переводе в 14 полк, где возглавил гарнизон в с. Лун-Пока недалеко от Аныба на верхней Вычегде. 4-5 марта 1920 г. гарнизон Лун-Поки упорно защищался от нападавших красных, переходя в контратаки, но был все же вынужден капитулировать. Судьба Шипицына неизвестна.

ШУЛЬГИН - капитан. Георгиевский кавалер. Известно, что супруга Шульгина проживала в Гельсингфорсе (Финляндия). По отзывам офицеров и солдат, Шульгин был «лихой командир». Прибыл на Печору вместе с полковником Ахаткиным и был назначен в 1 батальон 10 полка, формируемый в Троицко-Печорск. В ноябре 1919 г. возглавил верхнепечорскую группировку 10 полка в составе двух батальонов пехоты, конных и пулеметных команд, артбатарей. Группировка в ноябре 1919 г. предприняла наступление на Усть-Сысольск и Чердынь. Шульгин возглавил сводный отряд, наступавший на Чердынь в составе трех стрелковых рот, пулеметных и конных команд, артбатарей. О наступлении на Чердынь полковник Ахаткин доносил в Архангельск 30 ноября 1919 г.: «По на-

правлению на Чердынь левыми флангами 10 полка заняты деревни Усть-Волосица, Курья, Тулпан, Бадья. Взяты походная кухня, лазаретная линейка, документы военкомиссариата, 60 пудов хлеба. 27 ноября заняты деревни Урцевка, Киркус. Противник силою до двух рот в панике бежал в направлении на Ныробское, бросив при отступлении убитых и раненых. Подошедшее подкрепление (из) 133 стрелкового полка и 22 отдельного батальона пыталось задержать наступление, но нашим артиллерийским и пулеметным огнем были отброшены в паническое бегство. Получив подкрепление из Кунгура, Осы и Соликамска, противник пытался задержаться в соседних с Ныробским селениях, дабы отстоять селение Ныробское, но ничто не могло устоять перед доблестью артиллеристов и стрелков 10 полка. Противник бежал и село Ныробское в 250 дворов занято. Противник, пытавшийся наступать со стороны Искора, разбит. В Искоре оставлены лошади, патроны, пулеметные ленты». Части Шульгина вплотную подступили к Чердыни, заняв с.Искор в 40 верстах от города. 30 ноября 1919 г. Шульгин предпринял попытку овладеть Чердынью. Председатель Пермской губчека П.И.Малков в своем донесении Ф.Э.Дзержинскому 2 декабря 1919 г. о результатах боев под Чердынью писал: «Противник вел наступление в несколько раз превосходящими силами под прикрытием бомбометов, минометов, артиллерии, при большом количестве пулеметов. Белогвардейцы широким фронтом подходили на 50 верст к Чердыни. 30 ноября под Искором наши части одержали блестящую победу: противник потерял 200 убитыми, в том числе 15 офицеров, несколько пленных с офицером, один пулемет, несколько винтовок. Наши потери: 20 убитых, 25 раненых». На самом деле потери 10 Печорского полка в бою под Искором составили 46 чел. убитыми и ранеными, вместо 15 офицеров погибло в бою два (это данные из полковых документов). Шульгин был вынужден отступить из Чердынского уезда Пермской губернии, преследуемый все увеличивающимися численно частями красных. В нач. декабря 1919 г. белые были вынуждены также оставить Усть-Сысопск. и отступить на верхнюю Вычегду. За бои на пермском и вычегодском направлениях штабс-капитан Шульгин был произведен в капитаны постановлением ВПСО от 24 января 1919 г. (со старшинством с 24 ноября 1919 г.). В январе 1920 г. верхнепечорская группировка Шульгина предприняла контрнаступление на красных, медленно продвигавшихся к верховьям Печоры со стороны Чердыни. Передовые части красных в боях под Якшей были разбиты и отступили. После капитуляции нижнепечорских частей 10 полка верхнепечорская группировка Шульгина продолжала сопротивление. Капитан Шульгин отклонил советское требование о капитуляции и выдвинул свои условия сдачи оружия. Это были условия о создании Печорской республики, на территории которой не будет ни красных, ни белых войск, а население создаст свое самоуправление. Красные, разумеется, не приняли таких условий. В марте 1920 г. началось брожение в троицко-печорском гарнизоне. Архангельск уже давно пал. Последние очаги сопротивления Северного фронта находились в Мурманске и Коми крае. 5 марта 1920 г. красные сломали сопротивление противника на верхней Вычегде, а 6 марта подступили к Троицко-Печорску. После непродолжительного боя в окрестностях Троицко-Печорска, где красные применили артиллерийский обстрел, гарнизон села сложил оружие. Ка-

питан Шульгин с группой офицеров бежал в Усть-Щугор, но 9 марта 1920 г. красные окружили и это село. Белые были вынуждены капитулировать. Дальнейшая судьба Шульгина неизвестна.

ШЫШЛОВ (иногда **ШИШЛОВ**, а также **ШИШЛО**) - подпоручик (в документах 14 Вычегодского полка упоминается как поручик). Участвовал в наступлении 10 полка на вычегодском направлении в качестве командира разведотряда. В дальнейшем служил в помоздинском гарнизоне. 26 декабря 1919 г. начальник Вологодской губернии С.О.Латкин сообщал в штаб 10 полка, что хочет представить подпоручика Шышлова к ордену Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом «за успешные атаки противника под Небдином, нанесении ему ряда серьезных потерь, порчей имущества». Неизвестно, получил ли Шышлов награду²⁹.

¹ Сталин И.В. Соч. - Т.4. - С.199.

² Северный фронт (1918-1920 гг.) / Сб. документов. - М., 1961. - С.160.

³ Центральный государственный архив Республики Коми (ЦГА РК). Ф.1346. Оп.1.Д.293.Л.8.

⁴ Коми республиканский государственный архив общественно-политических движений и формирований (КРГАОПДФ). Ф.392.Оп.2.Д.11.Л.17-21; ЦГА РК. Ф.1346.Оп.1.Д.56.Л.3-5.

⁵ ЦГА РК. Ф.1010.Оп.1.Д.10.Л.30-31.

⁶ Марушевский В.В. Год на Севере (август 1918 - август 1919 гг.) // Белый Север. - Архангельск, 1993. - Вып.1. - С.227.

⁷ ЦГА РК, Ф.1715.Оп.1.Д.18.Л.441.

⁸ ЦГА РК. Ф.1293.Оп.1.Д.2.Л.63.

⁹ ЦГА РК. Ф.1715.Оп.1.Д.18.Л.480.

¹⁰ Там же.Л.484.

¹¹ Научный архив Коми научного центра УрО РАН (НА КНЦ). Ф.5.Оп.2. Д.61. Л.83.

¹² ЦГА РК. Ф.1293.Оп.1.Д.14.Л.28-29; Д.15.Л.13.

¹³ Терентьев А. Печора в Гражданской войне. - Сыктывкар, 1933. - С.24.

¹⁴ ЦГП РК. Ф.1293.Оп.1.Д.14.Л.41.

¹⁵ Там же. Д.27.Л.107,114,138,155.

¹⁶ Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере (1918-1920). - М., 1993. - С.145.

¹⁷ КРГАОПДФ. Ф.520.Оп.1.Д.70.Л.40.

¹⁸ ЦГА РК. Ф.1293. Оп.1. Д.2.Л.131.

¹⁹ ЦГА РК, Ф.1715.Оп.1.Д.18.Л.530-531.

²⁰ ЦГА РК, Ф.1293.Оп.1.Д.4.Л.12.

²¹ ЦГА РК. Ф.1715.Оп.1.Д.18.Л.533.

²² Там же.Л.539.

²³ ЦГА РК. Ф.1293.Оп.1.Д.2.Л.178.

²⁴ ЦГА РК. Ф.1715.Оп.1.Д.18.Л.593; Ф.1346.Оп.1.Д.72.Л.7.

²⁵ КРГАОПДФ. Ф.520.Оп.1.Д.70.Л.23-24.

²⁶ Там же.Д.59.Л.33-34.

²⁷ ЦГА РК. Ф.1320.Оп.1.Д.14.Л.29-30.

²⁸ Список не полный.

²⁹ В марте 1920 г. большая группа офицеров 10 Печорского полка была расстреляна красными в д. Порог на верхней Печоре. Фамилии казненных пока не установлены.

В БЕЛОМ ТЫЛУ

ПРИМОРЬЕ: ПОСЛЕДНИЙ ОПЛОТ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ (1920-1922 гг.)

К концу 1920 г. Гражданская война в центре страны и Сибири закончилась, но Дальний Восток продолжал оставаться ее ареной еще два долгих и тяжелых года. В 1920-1922 гг. зона влияния Белого движения резко сузилась, а само оно действовало в условиях существования уникального буферного государства - Дальневосточной республики (ДВР). В ней функционировала смешанная экономика, сохранялись институт частной собственности, многопартийность, отсутствовала система советов, однако ведущей политической силой была РКП/б/. Лидеры Белого движения вынуждены были скорректировать свою программу в сторону либерализма, выдвинуть, как им казалось, приемлемую для народа идею антибольшевистской борьбы.

После неудачной попытки каппелевских генералов в марте-апреле 1920 г. «сдать» атамана Г.М.Семенова Временному правительству Приморской земской управы Белая армия раскололась на семеновцев и каппелевцев, а отношения между ними резко обострились¹. Генерал С.Н.Войцеховский был смещен, а главкомом армии стал бывший командующий Русским экспедиционным корпусом во Франции генерал Н.А.Лохвицкий, проживавший в тот период в Харбине и давший согласие на командование Семенову. В августе 1920 г. атаман Г.М.Семенов, чувствуя, что почва уходит из под его ног, а Япония теряет к нему интерес, убрал Н.А.Лохвицкого «за реакционность» и заменил его каппелевским генералом Г.А.Вержбицким². К осени 1920 г. японские войска покинули Забайкалье, Амурскую область, Хабаровский уезд и сконцентрировались на юге Приморья, Северном Сахалине, Нижнем Амуре³. К этому Японию вынуждали внутриэкономические и политические трудности, противодействие РСФСР, ДВР, а также США.

С уходом японцев Белая армия стала терпеть поражения от Народно-революционной армии ДВР и партизан. Против атамана поднялось большинство населения Забайкалья. 20 ноября 1920 г. последние белые части ушли из Забайкалья в Маньчжурию. Характерно, что примерно в эти же сроки, 17 ноября 1920 г., войска П.Н.Врангеля эвакуировались из

части ушли из Забайкалья в Маньчжурию. Характерно, что примерно в эти же сроки, 17 ноября 1920 г., войска П.Н.Врангеля эвакуировались из Крыма. Среди большевистского руководства ДВР началась эйфория по поводу, казалось, окончательного разгрома Белой армии.

В Маньчжурии разгорелись безобразные сцены из-за раздела вывезенного золота⁴, а Г.А.Вержицкий открыто заявил о неподчинении армии атаману Семенову. Последний бросил армию и 30 ноября 1921 г. в японском поезде прибыл в приморскую казачью станицу Гродеково, где произвел смотр гарнизона, который был предусмотрительно сформирован из забайкальских и уссурийских казаков еще летом 1920 г. в качестве нового, приморского плацдарма Белого движения на случай эвакуации из Забайкалья. Ликвидировать же т.н. «гродековскую пробку» приморские власти не могли из-за ограниченности сил и покровительства белым со стороны японцев. Еще 29 апреля 1920 г. интервенционистское командование в Приморье навязало местному правительству Соглашение о «нейтральной зоне», согласно которому такой зоной объявлялась территория по 30 км в обе стороны от Уссурийской железной дороги (позже отрезок Хабаровск-Иман был изъят из нее и перешел в ведение ДВР). Силы же приморского правительства были ограничены милицией, дивизионом Народной охраны и конвоем Командующего этими силами.

Атаман Г.М.Семенов после гродековской инспекции пытался осесть во Владивостоке, но был встречен протестами общественности и был вынужден уехать в Порт-Артур. Японцы заняли выжидательную позицию.

Часть семеновских войск под командованием барона Р.Ф.Унгерна фон Штернберга ушла в Монголию «для самостоятельных партизанских действий». Его Азиатская дивизия насчитывала менее 1000 сабель.

Основная масса Белой армии (26 000 чел. с учетом раненых, больных, а также членов семей солдат и офицеров) двинулась в 76 эшелонах по Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) в Приморье. Главную роль в организации продвижения Белой армии по КВЖД сыграли японская военная миссия во главе с полковником Идзуме, Межсоюзный железнодорожный комитет во главе с американским инженером Дж.Стивенсом и маньчжурский милитарист Чжан Цзолин⁵.

Левая часть Приморского Народного собрания создала специальную комиссию во главе с большевиком П.С.Парфеновым, которая повела работу по разложению Белой армии, двигавшейся по КВЖД, и поставила перед китайскими властями вопрос о ее разоружении. Эта работа имела успех, однако правительство ДВР и командование НРА нарушили свои обещания и отправили перебежчиков из Белой армии в лагерь и на принудительные работы в шахты. Часть перебежчиков вернулась назад, а история эта попала в прессу, что имело для большевиков весьма негативные последствия⁶.

К кон. 1920-нач. 1921 гг. остатки Белой армии прибыли в Приморье. Максимум, что удалось сделать приморцам - это заставить китайские власти разоружить белые части и снять погоны. Но структура корпусов и бригад была сохранена. Произошел уникальный случай: Белая армия, вытесненная за пределы России в Забайкалье, вернулась в страну в Приморье.

Главнокомандующий
Дальневосточной Белой армией,
управляющий военно-морским
ведомством ВПП Григорий
Афанасьевич Вержбицкий. Фото
1935г. (из фондов БРЭМа).

Такое стало возможно только при помощи иностранных держав, заинтересованных в сохранении Белого движения на территории России.

Одна часть солдат и офицеров смогла найти работу, другие организовали трудовую офицерскую артель, третьи же перебивались случайными заработками, а то и занимались грабежами. К нач. 1921 г. население Приморья (с учетом 200 000 беженцев, солдат и офицеров Белой армии) насчитывало 500 000 чел. Японские войска составляли 70 000 солдат и офицеров. В соседней Маньчжурии скопилось до 150 000 российских эмигрантов⁷.

Власти ДВР предлагали солдатам и офицерам белых войск вступить в Народно-революционную армию, однако средств на содержание беженцев не выделяли. Сбор средств «для железного воина ижевца и воткинца»

организовали местные предпринимательские круги.

9-11 января 1921 г. в Приморье, как и по всей ДВР, прошли всеобщие демократические выборы в Учредительное собрание республики. К ним были допущены и беженцы, в т.ч. и солдаты и офицеры Белой армии. На избирательные участки Приморья каппелевцы шли строем. Итоги выборов показали, что из-за присутствия остатков белых войск и антибольшевистски настроенных беженцев из центра страны, Урала и Сибири правые силы получили в области до 40 процентов голосов. И только абсентеизм населения помог большевикам сохранить преимущество в голосах. Однако ставшие депутатами генералы В.Г.Болдырев, Г.А.Вержбицкий, В.М.Молчанов и др. в Читу не поехали и в работе парламента ДВР участия принимать не стали.

Используя своеобразие расстановки политических сил в Приморье, несоциалистические силы области взяли курс на военный переворот. Объединить эти силы на Дальнем Востоке стремился «Национал-демократический союз». Он представлял широкие круги средней и мелкой буржуазии Приморья и русской буржуазии Маньчжурии (Торгово-промышленный союз, Союз рыбопромышленников, Союз домовладельцев, Русское обновленное общество, Русское студенческое общество и др.). Возглавили «Национал-демократический союз» предприниматели братья С.Д. и Н.Д. Меркуловы⁸, Д.И.Густов, Н.И.Кузьмин и др. Печатным органом союза стала газета «Слово». Национал-демократы выступали за созыв Учредительного собрания России нового состава, политиче-

ские и гражданские права личности, сильную исполнительную власть, введение частной собственности крестьян на землю, сохранение японской интервенции, «пока некоммунистический порядок не воцарится в Приморье». Союз был готов блокироваться с несоциалистами от конституционных монархистов до кадетов.

В Маньчжурской эмиграции также сложился несоциалистический блок, в который входили различные организации, в т.ч. «Дальневосточный союз русских журналистов». Его членами были известные еще по колчаковскому «Русскому Бюро печати» (РБП) Вс.Н.Иванов, В.Ф.Иванов, Я.Л.Белоблоцкий, П.П.Васильев и др. Кроме того, в Харбине и Шапхае существовали монархические группы, но все они были малочисленны и не имели средств. Самой влиятельной прокадетской организацией была группа «Русское национальное экономическое объединение», которое возглавляли бывший омский министр финансов И.А.Михайлов, князь Н.А.Ухтомский, глава бывшей семеновской гражданской администрации С.А.Таскин, крупный сибирский кооператор А.А.Балакшин, бывший глава Уральского правительства П.В.Иванов и др. Группа ставила своей целью объединение Дальнего Востока под эгидой атамана Семенова, правительство которого должно было состоять из представителей казачества, предпринимателей, демократической обществуности и ориентироваться на Японию. Однако основная масса эмигрантов воевать с большевиками не хотела и была занята поисками средств к существованию.

Любопытной особенностью Белого движения в нач. 1921 г. было то, что самые крупные финансовые объединения выступали под лозунгом беспартийности. Приморская окружная торгово-промышленная палата, Владивостокский биржевой комитет и др. создали «Демократический союз», который официально дистанцировался от «несоциалистического блока» и выбросил лозунг «Ни коммунизма, ни реакции!». В руководство союза входили лидеры биржевиков Б.Ю.Бриннер, И.И.Циммерман, В.Я.Исакович, В.Р.Аничков, известный кадет Л.А.Кроль, бывший член Всероссийского временного правительства (Директории) В.А.Виноградов, бывшие правые эсеры А.Н.Кругликов, И.А.Якушев, В.И.Моравский, бывший товарищ председателя Народно-социалистической партии С.Ф.Знаменский, генерал В.Г.Болдырев. Печатным органом союза стала газета «Вечер». Такое собрание кадетов, правых эсеров и народных социалистов лежало в русле «новой тактики» П.Н.Миллюкова. Последняя включала отказ от интервенции, размежевание с монархистами и переход к «разложению большевизма внутренними средствами»⁹. «Демократический союз» пытался отмежеваться от крайностей правого фланга Белого движения. Он поставил своей целью создание государства, в котором были бы обеспечены политические и личные свободы граждан, парламентский контроль над исполнительной властью (именно это отличало членов союза от «национал-демократов»), велась бы борьба с коррупцией. Союз заявил о стремлении парламентским путем изменить Конституцию ДВР¹⁰.

20 марта 1921 г. во Владивостоке открылся 1 съезд несоциалистических организаций Дальнего Востока. Его 300 делегатов представляли 51 организацию Приморья и Маньчжурии. Формальных поводов запрещать

съезд у властей ДВР не было, да и сил у приморского областного управления республики явно не хватало. Глава правительства и министр иностранных дел ДВР А.М.Краснощев в телеграмме в адрес ЦК РКП/б/ и Наркоминдела РСФСР высказал мнение, что съезд был приурочен к выступлениям в Кронштадте, Западной Сибири и действиям барона Р.Ф.Унгерна в Монголии¹¹.

В документах съезда несоциалистических организаций была сконструирована теоретическая модель либерально-буржуазного государства, в основе которой лежала скорректированная кадетская программа. Съезд поставил перед несоциалистами Дальнего Востока задачи борьбы за централизованное унитарное государство, Всероссийское Учредительное собрание, создание рыночной экономики. Съезд поддержал идею столыпинского аграрного устройства, призвал к свободным выборам новой законодательной власти, формированию компетентной исполнительной и независимой судебной властей, «реализации духовно-религиозных нужд народа». В резолюциях съезда уже не звучали мотивы военной диктатуры, была ослаблена идея «непредрешения»¹². Однако высказавшись за продолжение японской интервенции, съезд, по сути дела, признал отсутствие у несоциалистов массовой социальной базы. Съезд не решился ни признать прежние ошибки Белого движения, ни осудить террор и атаманщину. Совет съезда возглавили лидеры «Национал-демократического союза», а его председателем стал С.Д.Меркулов.

30-31 марта 1921 г., т.е. сразу после закрытия съезда несоциалистических организаций, белые офицеры попытались совершить в Приморье переворот, но он был быстро подавлен. Главное же состояло в том, что попытку переворота не поддержали интервенты (не были согласованы сроки выступления, планы помощи Японии и т.д. Еще в 1919 г. в политический лексикон Дальнего Востока вошло понятие «недоворот». Мартовский 1921 г. «недоворот» явился прелюдией к настоящему перевороту. В марте-апреле 1921 г. в Порт-Артуре и Пскине состоялись совещания представителей японского и французского командования с лидерами белых группировок семеновской ориентации. На них присутствовали барон Р.Ф.Унгерн, атаман Б.В.Анненков, генералы Кайгородов, С.Бакич, Савельев (из Гродеково) и др. Был выработан план совместных выступлений против Советской России и ДВР. Новый режим на Дальнем Востоке должен был возглавить атаман Г.М.Семенов. Японцы же брали на себя снабжение и вооружение белых в обмен на льготы в торговле и концессиях¹³.

26 мая 1921 г. семеновцы и каппелевцы, вооруженные японцами и при их непосредственной поддержке свергли Приморское областное управление ДВР. Совет съезда несоциалистических организаций Дальнего Востока объявил себя Временным приамурским правительством (ВПП), председателем которого стал С.Д.Меркулов, членами - И.И.Ерсмеев, А.Я.Макаревич, Е.М.Адерсон, Н.Д.Меркулов. В решающий момент каппелевцы «отодвинули» семеновцев на вторые роли. Генерал Г.А.Вержбицкий заявил, что Дальневосточная армия признала новое правительство и встала на его защиту. В Заявлении, названном Конституцией, новое правительство объявило себя высшим, независимым органом исполнительной власти и фактически присвоило себе президентские

функции. Большевистская партия объявлялась преступной организацией, а деятельность ее запрещалась. Будущее Народное собрание должно было стать чисто законодательным органом, а законы, принятые им подлежали утверждению правительством¹⁴. Главным исполнительно-распорядительным органом правительства стал Совет управляющих ведомствами (СУВ), который иногда называли советом министров или кабинетом. Первым председателем СУВ стал бывший казанский журналист и служащий РБП В.Ф.Иванов. Ведомства внутренних и иностранных дел, юстиции, госконтроль и пр. возглавили бывшие колчаковские администраторы Н.Витковский, В.П.Разумов, В.С.Колесников, Б.В.Данилевич и др. Создавался судебно-репрессивный аппарат, выявлялись и арестовывались лица, принадлежавшие к левым партиям; были запрещены все митинги и собрания. При формировании органов власти и правовой системы за основу принимался Свод законов Российской империи и колчаковское законодательство. Восстанавливались думы и городские управы колчаковского состава. Земство было сохранено, но председатели земских управ становились волостными старшинами, а на селе возобновлялся институт сельских старост.

Был восстановлен суд присяжных. В области стал действовать Судебный Устав 1864 г. Роль апелляционного суда играла Судебная палата. Однако определение РКП/б/ как преступной организации во внесудебном порядке делало независимость суда весьма проблематичной. Ликвидировалась свобода печати. Специальный закон предусматривал целую систему штрафов и наказаний для органов печати, вплоть до закрытия газет и привлечения редакторов к ответственности. За короткое время были закрыты все оппозиционные газеты, а коммунисты стали издавать свою печать в подполье¹⁵. Главным пропагандистским органом режима стало Пресс-бюро во главе с бывшим чиновником колчаковского морского ведомства Г. Г. Недлером.

В области рабочего законодательства был сохранен 8-часовой рабочий день, разрешена деятельность профсоюзов. Был установлен минимум зарплаты. Однако Центральное Бюро и отраслевые союзы в своем большинстве сочувствовали большевикам, отказывались регистрировать в суде свой устав и в конце концов подвергались преследованию со стороны властей.

Укреплялась армия. Войска перегруппировывались. Их штаты приводились в порядок и т.д. Г.А.Вержицкий был назначен командующим Вооруженными силами Приморской области с подчинением главе правительства, а позже - главой военно-морского ведомства СУВ (т.е. военным и морским министром). Командующим Сибирской военной флотилией стал контр-адмирал Ю.К.Старк¹⁶. Вместе с тем С.Д.Меркулов заявил, что ВПП целей войны с ДВР не ставит. Он подчеркнул, что в перспективе намечена только ликвидация партизан и хунхузов (китайских бандитов)¹⁷.

1 июля 1921 г. начались выборы в Приамурское Народное собрание. Формально они были объявлены всеобщими, прямыми, равными с тайным голосованием. Активное избирательное право наступало с 21 года, пассивное - с 25 лет. Однако права участия в выборах лишались члены РКП(б), эсеры-максималисты, левые эсеры, анархисты и сочувствующие этим партиям и группам. За уклонение от выборов полагался штраф в 50

руб. золотом, правда, потом отмененный. Справедливости ради следует отметить, что меркуловское правительство стало единственным Белым правительством в России, которое провело парламентские выборы. Однако режим отказал в праве выборов своим политическим оппонентам и обрушил репрессии на коммунистов. Не говорят в пользу демократии и попытки избежать абсентеизма путем штрафов. Не был оговорен и процент явки избирателей на выборы¹⁸. Временное Приамурское правительство учитывало положение Конституции Дальневосточной республики, согласно которому активное и пассивное избирательное право в ДВР наступало с 18 лет.

Полномочия Приамурского Народного собрания были серьезно ограничены. Оно избиралось только на один год и не имело прерогатив принимать законы, касающиеся образования Верховной власти и органов высшего управления, определять публичные права граждан и основные вопросы общественного устройства. Законы, принятые Народным собранием, должны были утверждаться ВПП. Последнее формировало СУВ, который нес ответственность и перед правительством, и перед парламентом. Именно это положение и породило у части депутатов стремление к формированию СУВ и определению его политики. Народное собрание должно было выработать закон об учредительном съезде будущего Учредительного собрания, которому предстояло избрать постоянные органы всех ветвей власти¹⁹. Концентрация власти в руках ВПП, отсутствие у парламента прав контроля исполнительной власти позволяет непредвзято квалифицировать приморский меркуловский режим как авторитарный, где не был реализован принцип разделения властей в полном объеме, запрещались оппозиционные силы и их органы печати. Вместе с тем следует отметить, что и Временное правительство Приморской земской управы коалиционного состава, и правительство ДВР также осуществляли президентские функции, а полномочия их Народных собраний были сужены. И в земском Приморье, и в ДВР в определенной степени нарушались демократические принципы, но только меркуловский белый порядок решился на избирательное запрещение партий, преследование профсоюзов, закрытие их печатных органов, кровавые репрессии против своих политических противников.

В выборах в Приамурское Народное собрание по пропорциональному (в крупных городах) и мажоритарному (в сельской местности) принципу приняло участие около 20 процентов избирателей из 150 000 зарегистрированных²⁰. Такой высокий абсентеизм был вызван репрессиями правительства против левых сил, бойкотом выборов со стороны профсоюзов, противодействием партизан в таежных районах, где их авторитет был достаточно высок. Выборы тем не менее были признаны состоявшимися. В Народное собрание было избрано 74 депутата (из 160 планировавшихся). Из них 43 человека представляли промеркуловские группировки, а остальные - монархистов, правых эсеров, кадетов, «Демократический союз», «Крестьянский союз» (организацию кооперативного типа) и др.²¹ 21 июля 1921 г. Народное собрание начало свою работу, и практически сразу же развернулась борьба парламента с правительством. Не вошедшие в ВПП и СУВ представители «Демократического союза» и кадетов (которые выступали и самостоя-

тельно, и в рамках «Демсоюза») обвиняли правительство в нарушении прав человека, непродуманной экономической политике, требовали формирования СУВ. Правительственная же пресса утверждала, что «политика должна исходить из реальных потребностей, а не из учебника конституционного права»²².

Ситуация осложнялась еще и тем, что 2 июня 1921 г. во Владивосток из Порт-Артура прибыл со своим штабом атаман Г.М.Семенов и потребовал предоставления поста Верховного правителя Приморья и командующего Вооруженными силами. При этом он ссылался на указ А. В. Колчака от 4 января 1920 г. о предоставлении ему высшей военной и гражданской власти на Дальнем Востоке. Против Семенова выступили ВПП, командование Дальневосточной армии, общественность области, консульский корпус. Последний небезосновательно считал, что с утверждением Семенова позиции Японии на российском Дальнем Востоке серьезно укрепятся. Чтобы не ослаблять Белое Приморье, японцы сами отказались от поддержки атамана, а каппелевцы пресекли попытки его сторонников поднять мятеж. Не удалась и попытка Семенова переправить верные ему части гродсковцев по КВЖД в район Забайкалья и Монголии, где летом 1921 г. против РСФСР и ДВР выступил барон Унгерн. Резко воспротивились такой возможности Соединенные Штаты Америки, а китайские власти отказались предоставить Семенову подвижной состав. Войска Унгерпа были разгромлены, а сам барон 15 сентября 1921 г. после суда в Новониколаевске (Новосибирске) расстрелян. В конце концов Г.М.Семенов покинул Приморье и отбыл в Порт-Артур.

В экономической области ВПП сделало ставку на неограниченные рыночные отношения и свободу торговли. (В ДВР существовал институт частной собственности, по частный капитал действовал в рамках госкапитализма, хотя и более широких, чем в Советской России в период НЭ-Па). ВВП не проводило денационализации крупных промышленных предприятий, которые принадлежали государству еще до октября 1917 г. К частным относились золотодобыча и горное дело, лесоразработки, вылов рыбы и рыбообработка, промысел морского зверя. Ведущие позиции частный капитал занимал в торгово-посреднической сфере. Для получения средств ВПП планировало заключить договоры об иностранных займах, ходатайствовать о раскрепощении колчаковских счетов в иностранных банках, рассчитывать на оплату счетов командованием союзных армий за ввоз и вывоз войск и грузов через Владивостокский порт и по Уссурийской железной дороге, получение средств от концессий и сбора налогов.

Однако большинство этих планов рухнуло. Иностранные банки отказались выплатить 67 млн. руб. золотом по колчаковским депонентам²³. Не удалось получить по счетам и за перевозку иностранных войск и грузов через порт и по железной дороге, хотя меркуловская делегация и ставила этот вопрос на Вашингтонской конференции. Сбор налогов даже в идеальном варианте не мог бы дать ожидаемого эффекта из-за малочисленности местного населения. Но приморский режим в свою очередь не сумел создать надежный фискальный аппарат. Предприниматели области систематически уклонялись от уплаты налогов. Крестьянство Приморья, которое должно было платить в казну оброчную подать (натуральный

подходный налог), сплошь и рядом уклонялось от этого и предпочитало заключать контракты на поставку продукции через Приморский крестьянский союз для потребителей, в т.ч. интендантства Дальневосточной армии.

Главными источниками средств для ВПП стали распродажа товаров, скопившихся во Владивостокском порту с 1914 г., транспортные тарифы и ставки на погрузо-разгрузочные работы в порту и на Уссурийской ж.д., а также экспортные пошлины. Займы же японских частных фирм меркуловскому правительству достигли всего 5 млн. руб. золотом при 10 процентах годовых²⁴. В обмен на политическую и моральную поддержку со стороны иностранных держав, прежде всего Японии (получение от последней оружия), ВПП пошло на снижение цен на вывозимые товары и сырье, экспортных и импортных пошлин, снятие дополнительного промыслового налога и т.д.²⁵ Такая политика привела к резкому увеличению доходов таможи. Во второй половине 1921 г. таможня получила почти 1 млн. руб. золотом чистого дохода при том, что в бюджете на это полугодие было запланировано получение пошлин на 424,4 тыс. руб. золотом²⁶.

ВПП возлагало значительные надежды на сдачу в концессию месторождений полезных ископаемых, лесных площадей и рыболовных участков. Но в большинстве случаев иностранные фирмы бесконтрольно вывозили российские природные богатства. В 1921 г. японцы захватили 298 рыболовных участков российского Приморья. Недоимки Японии за аренду рыболовных и крабовых участков за период с 1920 по 1923 гг. составили 5,5 млн. руб. золотом²⁷. В ряде случаев суда Сибирской военной флотилии пресекали незаконный лов рыбы и добычу крабов, собирали пошлину с японских рыбалок на Охотском побережье. Но на систематическое патрулирование не хватало сил и средств, да и японская печать подняла шум о «зверствах русских».

ВПП разрешило свободное макосеяние для получения опиумной массы при уплате налога в 50 руб. с десятины в год. Правительство стало выдавать разрешения на содержание опискурилен, ввело инспекцию по делам опиума. Таким образом ВПП пыталось не только контролировать производство, торговлю и вывоз опиума, но и получать за это прибыль. В опиумный бизнес включились и японские фирмы²⁸.

Тем не менее отсутствие стабильных источников дохода, значительные военные расходы (59 процентов расходной части бюджета во втором полугодии 1921 г. пришлось на армию, флот и карательные органы²⁹) привели к инфляции, вынужденным и намеренным задержкам выплаты зарплаты рабочим и служащим, снижению покупательной способности населения, ухудшению положения жителей области.

Падала покупательная способность рубля. В этот период в Приморье ходило много самых различных валют, но главной была иена. Отпечатанная для Приморья на плохой бумаге иена ходила по стихийно складывавшемуся курсу и способствовала изъятию российских богатств за границу. С середины июня 1921 г. ВПП стало объявлять официальные фиксированные курсы валют. Дефицит бюджета, изъятие из обращения денежных знаков ДВР привели к нехватке купюр в области. Исчезла из обращения разменная серебряная и медная монета. Население все больше

переходило на натуральный обмен. ВПП дважды ставило вопрос о выпуске денежных бонгов для замещения разменной серебряной и медной монеты. Планировался выпуск краткосрочных государственных обязательств, но ни меркуловское правительство, ни его преемник М.К.Дитерихс не успели этого сделать³⁰.

Временное Приамурское правительство столкнулось с сопротивлением левых сил. В июле 1921 г. большевики и профсоюзы организовали всеобщую политическую стачку. По их призыву население бойкотировало выборы в Приамурское Народное собрание. К 4-й годовщине октябрьских событий в Петрограде дальневосточные большевики и эсеры готовили восстание против властей. Решающей силой восстания должны были стать рабочие боевые дружины, просочившиеся во Владивосток партизаны и подпольные ячейки в каппелевских частях. Однако восстание было раскрыто контрразведкой³¹. Разгром готовившегося восстания, чистка армии и паника в правительственных кругах совпали с финансово-экономическим кризисом. ВПП обратилось к японскому правительству и командованию экспедиционных сил с просьбой о срочной помощи. Однако одним из главных условий помощи японцев стало обязательство меркуловского правительства открыть боевые действия против ДВР. Об этом откровенно говорилось в переписке японского военного министерства с командованием интервенционистских сил во Владивостоке. В переписке шла речь о выдаче оружия меркуловским войскам, формировании белых сил, выработке плана действий. Подчеркивалось затруднительное положение приморского правительства и необходимость помощи ему. В своих эгоистических интересах Япония толкала Белое правительство на явную авантюру. Последнее было поставлено в безвыходное положение³². Для всех было ясно, что за ДВР стоит Советская Россия, а США не останутся равнодушными к действиям Японии и опекаемого ею режима.

Для подготовки наступления против ДВР нужна была новая идея. ВПП и командование Белой армии выдвинули концепцию «белоповстанчества», которая опиралась на «гнев народа» и была призвана учесть «ошибки» А.В.Колчака, привлечь добровольцев в армию, обеспечить симпатии населения. Как впоследствии писал участник похода поручик Б.Филимонов, необходимо было «подновить знамя Белой борьбы»³³. Правительство не стало вводить налог на содержание армии. Командование войск отказалось от реквизиций и стало платить крестьянам за продукты и подводы наличными. Строго пресекались пьянство и мародерство. Военное строительство стало осуществляться на основе добровольческого набора. Командующим передовыми белоповстанческими отрядами был назначен генерал В.М.Молчанов. Вместе с тем увольнения из армии были запрещены, а с солдатами и офицерами был подписан шестимесячный «добровольный» контракт. Одним из краеугольных камней белоповстанчества было гуманное отношение к пленным народоармейцам и партизанам. Первое время их не только отпускали по домам, но и давали по три фунта хлеба впридачу, тем более, что 1921 г. выдался неурожайным. Однако корейцев и китайцев из НРА и партизанских отрядов белые в плен не брали.

ГЕНЕРАЛ
ВИКТОРИН МИХАЙЛОВИЧ
МОЛЧАНОВ В 1921
(ВЛАДИВОСТОК) И 1968
(САН-ФРАНЦИЗСКО) ГОДАХ.

В ноябре 1921 г. Белая армия и Сибирская военная флотилия развернули широкомасштабные противопартизанские операции в таяжских районах и на побережье и добились временных военных успехов. Успехи белоповстанцев, отсутствие насилия над крестьянами и пленными сделали свое дело: многие партизанские отряды распались. Лишь наиболее стойкие стали отступать на север к Хабаровску или ушли в глухую тайгу.

И тем не менее добровольческий набор в Белую армию провалился. В белоповстанческие части вступили лишь несколько десятков представителей интеллигенции и казаков-староверов. В течение 1921-1922 гг. еще примерно 1000 солдат и офицеров из эмигрантов Басры, Гонконга, Китая и Монголии (бывшие унгерновцы и анненковцы) пополнили Дальневосточную армию. Основная же масса населения Приморья слишком устала от гражданской междуусобицы, в успех белых не верила, да и самим белым также. Крестьянство «было на опыте знакомо с шомполами больших и малых атаманов», - подчеркивал эмигрант М.Щербаков³⁴. Против ДВР белоповстанцы выступили в старом кадровом составе³⁵.

В октябре 1921 г. белые высадились в Охотске, Гижиге и Петропавловске-Камчатском³⁶. Ими командовали генерал Поляков и полковник Бочкарев, чье имя связано с гибелью С.Лазо. Уполномоченным ВПП в Охотско-Камчатском районе был назначен бывший колчаковский чиновник Бирич. Коммунисты и советский актив ушли в тайгу для организации партизанского движения.

30 ноября 1921 г. белоповстанцы были пропущены японцами через «нейтральную зону» и начали наступление на Хабаровск. Однако боевой дух армии был невысок. Генерал П.П. Петров свидетельствовал, что капеллевы не хотели умирать, не веря в полный успех дела, тем более, что не видели поддержки ни в местном населении, ни даже в местном казачестве³⁷. Отряд полковника Илькова, посланный Молчановым впереди наступающих белоповстанцев по тылам Народно-революционной армии, так и не смог поднять казачьи станицы. Казаки выжидали развития событий и боялись ввязываться в войну. Оставалась слабая надежда на восстания в Сибири и центре России³⁸. Между тем у белоповстанцев не хватало артиллерии, пулеметов и боеприпасов, которые приходилось захватывать у НРА. Бойцы были плохо одеты и обуты. Интервенты побоялись вооружить Белую армию в полном объеме: они были вынуждены учитывать позицию США, протесты РСФСР и ДВР. Такая противоречивость японской политики на российском Дальнем Востоке вытекала из ограниченных возможностей Токио в период 1920-1922 гг.

Несмотря на многочисленные сложности, белоповстанцы в ночь с 21 на 22 декабря 1921 г. взяли Хабаровск³⁹. К новому 1922 г. они продвинулись еще на 110 км. на запад, но были отброшены НРА к ст. Волочаевка, находившейся в 55 км западнее Хабаровска. Волочаевское сражение 10-12 февраля 1922 г. стало решающим. Победа Народно-революционной армии ДВР была обеспечена перевесом над белыми в огневых средствах (по личному составу соотношение было равным), боевым духом бойцов и крайне неблагоприятным стратегическим положением Хабаровска, которое позволило В.М.Молчанову взять центр Приамурья без боя еще в декабре 1921 г. После тяжелых боев на Бикино-Васильевских высотах юж-

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
МИХАИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ
ДИТЕРИХС.

нее Хабаровска белоповстанцы спешно ушли в Приморье под защиту японцев.

Волочаевская катастрофа и отступление армии практически на исходные позиции вызвали шок в Приморье. Народное собрание обвинило в поражении правительство и потребовало специального расследования. Выясились вопиющие факты коррупции, плохого снабжения армии и т.д. Правительство не выплатило войскам жалование за 6 месяцев «добровольного» контракта. С.Д.Меркулов отменял все обвинения, а правительственная пресса призвала исполнительную власть

быть решительной и «отбросить излишнюю предупредительность к парламенту»⁴⁰. Народное собрание предусмотрительно пыталось искать контакты с властями ДВР и наивно полагало, что сможет добиться от них «автономии Приморья». 2 мая 1922 г. приморский парламент, пытаясь найти пути к компромиссам с большевиками, принял новый избирательный закон, согласно которому право голоса предоставлялось членам всех политических партий и групп, в т.ч. и коммунистам. В конце мая часть депутатов Народного собрания, решительно настроенная против Меркуловых, объявила ВПП низложенным. Правительство, в свою очередь, распустило парламент. Правительственный кризис затронул

и Вооруженные силы. Семеновцы и моряки поддержали Меркуловых, каппелевцы - парламент. Начались вооруженные стычки. Японцы не успевали разводить враждующие стороны. Наконец, армия выдвинула на пост главы правительства проживавшего в то время в Харбине известного монархиста генерала М.К.Дитерихса⁴¹. Прибыв в Приморье, М.К.Дитерихс поступил весьма оригинально: он подчинил себя правительству Меркуловых, а сторонников парламента обвинил в «совдеповской практике». Тем не менее, в высших политических кругах Приморья было принято решение об изменении политического устройства области и консолидации всех антибольшевистских сил. 23 июля 1922 г. во Владивостоке открылся Земский собор, который принял решение о восстановлении монархии сначала в Приморье, а затем и в России. Приморские монархисты сделали ставку на великого князя Николая Николаевича. В телеграмме на его имя излагалась просьба «о водительстве заблудшего, но раскаявшегося уже Русского народа»⁴². На пост Правителя Приморья выдвигался бывший генерал-губернатор Приамурского края, известный ученый-этнограф Н.Л.Гондатти, но, понимая обреченность Белого движения, он отказался от этой должности⁴³. 8 августа Земский

собор избрал М.К.Дитерихса Правителем Земского Приамурского края. В тот же день Временное Приамурское правительство сложило полномочия. Такое поправление Белого движения, его сдвиг к монархии можно объяснить только военными поражениями, политическим и экономическим кризисом и стремлением к объединению остатков белых сил. М.К.Дитерихс стал единственным в истории Гражданской войны лидером Белого движения, который открыто заявил о восстановлении в России монархии. Но это уже был акт отчаяния.

В Приморье были восстановлены все царские церемониальные традиции, герб и гимн. Владивосток был объявлен «Четвертым Римом» (!). Армия стала называться Земской Ратью, а ее Воеводой стал лично М.К.Дитерихс. Основной городской, земской и казачьей административной единицей стал церковный приход. Совет прихода должен был ведать административными, хозяйственными, воспитательными, судебными и контрольными делами прихода. Такое административно-территориальное устройство призвано было реализовать единство православной церкви и государственного аппарата. Однако вместо допетровской патриархальной Руси М.К.Дитерихс создавал военно-абсолютистское клерикальное государственное образование. Для прессы была введена жесточайшая цензура. Теперь даже кадетские издания стали выходить нелегально. Всеми силами М.К.Дитерихс стремился оттянуть объявленную 24 июня 1922 г. эвакуацию японских войск. Однако делегации Земского собора во главе с генералом А.И. Андогским в Японии было отказано в займах и оружии. В качестве полпреда готовился к поездке в США С.Д.Меркулов, но в последний момент по требованию офицеров его сняли с парохода. Была назначена ревизия счетов братьев Меркуловых. И только приближавшийся крах Белого Приморья вынудил Дитерихса отпустить С.Д.Меркулова с миром в Канаду⁴⁴.

Белый террор в период правления М.К.Дитерихса достиг апогея. Готовился разгон профсоюзов и других легальных общественных организаций. Обыски и погромы в рабочих кварталах городов следовали один за другим. Была введена система заложничества среди жителей сел вблизи железной дороги и коллективная ответственность за состояние пути, телеграфной и телефонной линий. Готовилась «высылка за пределы области» (расстрел или насильственная депортация в Маньчжурию) семей лиц, подозреваемых в участии в партизанском движении. Во Владивостоке канонерская лодка «Маньчжур» превратилась в плавучий застенок, в котором побывал даже бывший председатель Президиума Народного собрания Н. А. Андрушкевич. Часть заключенных была убита и сброшена с «Маньчжура» в воду около пирса, другая часть увезена и ликвидирована в корейском порту Гензан, некоторые же были сожжены в топках котлов лодки еще в Приморье⁴⁵.

Развал экономики, растаскивание имущества и коррупция вышли за пределы разумного. Торговали даже штабными картами. Разбиралось и вывозилось все, что можно было вывезти. На глазах разваливалась и армия: солдаты и офицеры дезертировали прямо из караулов и отпусков.

В этих условиях М.К.Дитерихс решился по сути на безумный шаг: он начал наступление. 6 сентября 1922 г. Земская Рать выступила против НРА и даже добилась небольших успехов. Пополнение Рати осуществля-

лось за счет массовой мобилизации, которая иногда проводилась путем оцепления улиц, базаров и изъятия из толпы мужчин, по внешнему виду способных носить оружие. На этом дикость не кончалась: мобилизованных бросали в бой без обмундирования, т.е. в своей одежде. Народноармейцы же искренне полагали, что против них выступила вся приморская «сволочь»⁴⁶.

К попыткам расширить контролируруемую территорию относится и экспедиция генерала А.Н.Пепеляева на Охотское побережье и в Якутию. Младший брат колчаковского премьера В.Н.Пепеляева до августа 1922 г. проживал в Харбине. Там же он начал набор в «Милицию Северной области», затем переименованную в «Сибирскую Добровольческую Дружину». Поход начался под бело-зеленым знаменем «автономной Сибири». Однако местное население А.Н.Пепеляева не поддержало, а его дружина потерпела поражение под Якутском и вынуждена была отступить на Охотское побережье.

Еще весной 1922 г. начался чуть ли не открытый ввод частей 5 Красной армии в ДВР. Противостоять им у Земской Рати не было сил. 6-9 октября 1922 г. Белая армия потерпела поражение под Спасском, а 17 октября началась эвакуация Владивостока. Остатки Белой армии ушли пешим порядком в Китай, не заходя во Владивосток. 30 кораблей Сибирской военной флотилии под командованием Ю.К.Старка с 6 тыс. солдат, офицеров и беженцев сначала прибыли в корейский порт Гензан, затем в Шанхай. По требованию советского консульства шанхайские власти потребовали ухода кораблей Старка. Основная часть флотилии была вынуждена уйти в Манилу. По пути на Филиппины два корабля погибли в сильном шторме⁴⁷.

25 октября 1922 г. во Владивосток торжественно вошли части НРА. 14 ноября Дальневосточная республика была ликвидирована, а Дальний Восток воссоединился с Советской Россией.

В 1923 г. на Камчатке были уничтожены Белые отряды Полякова и Бочкарева. В июне того же года перед красноармейской экспедицией под командованием С.С.Вострцова сложил оружие генерал А.Н.Пепеляев. После ареста и суда ВЦИК РСФСР заменил ему расстрел 10 годами заключения.

Для солдат и офицеров, многочисленных беженцев началась трагедия эмиграции. До начала 30х годов сохранялся небольшой поток возвращавшихся домой эмигрантов. В 30-40е годы были репрессированы многие возвращенцы из Маньчжурии. Погибли ранее амнистированные В.Г.Болдырев, Н.В.Устрялов, А.Н.Пепеляев и др.

Белое движение потерпело поражение. В 1920-1922 гг. оно пыталось скорректировать свой курс в сторону либерализма. Однако прийти к власти в Приморье белые смогли только с помощью интервенгов, что и предопределило их и без того низкий авторитет среди населения. Вместо демократии возобладали «политическая целесообразность». Доминирование исполнительной власти вообще характерная черта политической истории России, обусловленная ее вековым авторитаризмом. Этот фактор был даже усилен в период Гражданской войны. Ограниченные экономические возможности Приморья, отсутствие государственного регулирования экономики привели к безудержному расхищению товаров и природ-

ных богатств области, ликвидировать же дефицит бюджета пришлось за счет широкого дешевого экспорта. Военный поход против ДВР был осуществлен по инициативе и за счет интервентов. Разграбление российских богатств, выполнение воли Токио обостряло чувство национального протеста у значительной части военнослужащих Белой армии и интеллигенции. Этим умело воспользовались большевики, которые своей активной пропагандистской работой способствовали подрыву Белой власти. Окончательно разрушил Белое движение на последнем клочке русской земли М.К.Дигерихс, объявив о реставрации крайне непопулярной в народе монархии, круто замешанной на религиозном экстремизме.

С другой стороны, в предверии ухода интервентов большевики стали открыто нарушать нормы демократии, заложенные в Конституции Дальневосточной республики, преследовать своих легальных оппонентов, готовиться к введению однопартийной системы на Дальнем Востоке. Борьба противоборствующих сторон в России не могла длиться бесконечно. Она закончилась победой коммунистов, взявших на вооружение и реализовавших на деле идеи патриотизма, единства страны, но вместе с тем проводивших в жизнь идеи эгалитаризма и ненависти подавляющего большинства населения страны к свергнутой элите.

¹ См.: Ципкин Ю.Н. Белое движение в Сибири: люди, идеи, реальность // Белая армия. Белое дело. - 1996. - № 1. - С.43-44.

² Вержбицкий Григорий Афанасьевич (1875-?) происходил из мелкопоместной дворянской семьи. Первую мировую войну закончил полковником. В соединениях А.В.Колчака командовал дивизией, группой, армией. Был генерал-губернатором Западной Сибири. Белой армией на Дальнем Востоке командовал с августа 1920 г. по май 1922 г. В маньчжурской эмиграции придерживался монархической ориентации и был активным противником подчинения российской диаспоры японским интересам, за что неоднократно высылался из Харбина вглубь Китая.

³ Атаман Г.М.Семенов пытался всеми силами остановить вывод японских войск из Забайкалья, стремился договориться с Временным правительством Приморской земской управы и даже вел переговоры с приморскими большевиками, которые предложили ему отправиться со своими войсками на польский фронт. Однако в конце концов он признал главенство П..Н.Врангеля и продолжил войну с ДВР. (См.: Парфенов П.С. (Петр Алтайский). Борьба за Дальний Восток. 1920-1922. - Л.,1928. - С.245,250; Сибирская Советская Энциклопедия. - М.,1932. - С.538; Никифоров П.М. Записки премьера ДВР. - М.,1963. - С.226-227.).

⁴ Еще в сентябре 1920 г. комиссия по проверке золотого запаса Белой армии (председатель - генерал Мисюра) установила, что с 17 января по 11 сентября 1920 г. Семенов израсходовал золота на сумму 35,44 млн. руб. (637 ящиков). Значительная его часть была захвачена семеновцами в колчаковских эшелонах. Определенное количество золота атаман раздал по ведомости солдатам и офицерам в качестве жалования» В феврале 1920 г. японцы получили 36 пудов золота от атамана И.П.Калмыкова, который, в свою очередь, захватил это золото в Хабаровском банке, однако увезти с собой в Китай опасался. Значительную часть золота атаман Семенов разместил в иностранных банках. Но семеновские счета были заморожены, что снизило активность атамана. Он стал фигурой крайне непопулярной в Белом движении. До сих пор продолжаются дискуссии о судьбе колчаковского и семеновского золота. (См.: Вперед (Харбин). - 1921. - 14 янв.; Вечер (Владивосток). - 1921. - 20 июня; Дальневосточная республика: Ставоление. Борьба с интервенцией (февраль 1920-

- ноябрь 1922 гг.). Док. и мат. - Владивосток, 1993. - Ч.1. - С.158-159; Ч.2. - С.29-30; Гак А.М. О судьбе золотого запаса России (1918-1920 гг.) // Новая и новейшая история. - 1993. - № 6; Агафонов С. По следам колчаковского золота. // Известия. - 1992. - 25 марта; и др.).
- ⁵ До Приморья добрались около 18 тыс. чел. Остальные задержались в Харбине или вернулись в Забайкалье и перешли на сторону ДВР. (См.: Российский Центр хранения и использования документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф.372.Оп.1.Д.60.Л.138; Парфенов П.С. Борьба за Дальний Восток - С.267,269-270.).
- ⁶ РЦХИДНИ. Ф.372.Оп.1.Д.15.Л.111; Д.60.Л.137; Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф.19.Оп.1.Д.2.Л.197; Парфенов П.С. Борьба за Дальний Восток. - С.280.
- ⁷ ГАХК. Ф.849.Оп.1.Д.23.Л.2; Филимонов Б. Белоповстанцы (Хабаровский поход зимы 1921-22 годов). - Шанхай, 1932. - Кн.1. - С.28. В кон. 1920 г. в области вместо Временного правительства Приморской земской управы уже действовало Приморское областное управление ДВР во главе с большевиком В.Г.Антоновым. В сложных условиях Приморья большевики были вынуждены постоянно лавировать и идти на компромиссы. Несмотря на объявленный нейтралитет, японское командование препятствовало разоружению просеменовской Гродековской группировки белых, которая сохранила оружие и занималась провокациями в области.
- ⁸ Братья Меркуловы играли значительную роль в экономической и политической жизни Приморья. Николай Дионисевич Меркулов закончил всего 3 класса гимназии и сумел вырасти из простого плотника и матроса в капитана и владельца парохода на Амуре. На свои средства Н.Д.Меркулов выучил в Петербургском университете брата Спиридона, который стал присяжным поверенным, специалистом по трудовым ресурсам Дальнего Востока и аграрным проблемам региона. До 1917 г. С.Д.Меркулов был октябристом. Третий брат - В.Д.Меркулов скончался во Владивостоке 25 ноября 1921 г.
- ⁹ Голос Родины (Владивосток). - 1921. - 29 окт.; Кувшинов В.А. Кадеты в России и в эмиграции //Новая и новейшая история. - 1995. - № 4. - С.57.
- ¹⁰ ГАХК.Ф.44.Оп.1.Д.167.Л.1.
- ¹¹ Дальневосточная республика. - Ч.2. - С.63.
- ¹² Вестник Съезда несоциалистических организаций Дальнего Востока (Владивосток). - 1921. - 28,31 марта, 5 апр.
- ¹³ Парфенов П.С. Борьба за Дальний Восток. - С.299-303,309.
- ¹⁴ Голос Родины. - 1921. - 28 мая.
- ¹⁵ Вестник Временного Приамурского правительства (Вестник ВПП). - 1921. - 25 июля. Большевики продолжили издание газеты «Красное знамя» в нелегальных условиях.
- ¹⁶ Вестник ВПП. - 1921. - 30 июня; 1921. - 11 июля. Юрий (Георгий) Карлович Старк был участником Цусимского боя. В годы Первой мировой войны воевал на Балтике под началом А.В.Колчака. У последнего командовал Волжской флотилией, а затем бригадой морских стрелков.
- ¹⁷ Русский край (Владивосток). - 1921. - 2 июня.
- ¹⁸ См.: Приложение к Указу ВПП от 14 июня 1921 г. за № 13 (отдельное издание).
- ¹⁹ Вестник ВПП. - 1921. - 21 июля; Русский край. - 1921. - 5 авг.
- ²⁰ Владиво-Ниппо (Владивосток). - 1921. - 5,10 июля; Русский край. - 1921. - 25 авг.
- ²¹ Русский край. - 1921. - 9 июля, 25 авг.
- ²² Русский край. - 1921. - 1 июня, 11 авг.
- ²³ Русский край. - 1921. - 28 июля; Владиво-Ниппо. - 1921. - 30 нояб. Не верила в прочность меркуловского правительства и российская эмиграция в Европе. 5

- июня 1921 г. бывший военный и морской министр Временного правительства А.Н.Гучков предостерегал П.Н.Врангеля от солидарности с Семеновым. Он также подчеркивал, что и С.Д.Меркулов - «кратковременный жилец у власти». (См.: Сенни А.С. Александр Иванович Гучков // Вопросы истории. - 1993. - № 7 - С.85-86.).
- ²⁴ ГАХК. Ф.44.Оп.1.Д.370.Л.1.
- ²⁵ Русский край. - 1921. - 1 сент. Огромные запасы снарядов, артиллерийских порохов, пикриновой кислоты, стрелкового оружия и боеприпасов были захвачены японцами во время событий 4-5 апреля 1920 г. и находились под их охраной.
- ²⁶ Голос Родины. - 1921. - 4 окт.; Русский край. - 1921. - 18 окт., 23 дек.; Экономическая жизнь Дальнего Востока (Владивосток). - 1922. - № 3-4. - С.35,38-39.
- ²⁷ Русский край. - 1921. - 15 июня, 28 дек.; Экономическая жизнь Дальнего Востока. - 1923. - № 1-2. - С.35,38-39.
- ²⁸ ГАХК. Ф.44.Оп.1.Д.144.Л.123; Д.147.Л.132-133; Ф.959р.Оп.1.Д.9.Л.73; Экономическая жизнь Дальнего Востока. - 1922. - № 1. - С.66-67. В 1917 г. посевы под мак в Приморье составили 60 тыс. десятин. Многие русские казаки и крестьяне сдавали часть своих земель в аренду кигайцам и корейцам для выращивания мака или выращивали мак сами и продавали перекупщикам опиийную массу.
- ²⁹ Голос Родины. - 1921. - 27 окт.
- ³⁰ Русская мысль на Дальнем Востоке (Владивосток). - 1920. - 23 дек.; Русский край. - 1921. - 16,18 июня. 5 авг. В Приморье ходили иены, американские доллары, китайская валюта, романовские денежные знаки, сибирские деньги, которые с 1919 г. выпускались в том числе во Владивостоке. Кроме того, на Дальнем Востоке находились в обращении денежные знаки, изготовленные в США по заказу Временного правительства А.Ф.Керенского. Их штемпелевание производилось как колчаковскими властями, так и правительством ДВР. (См.: Дмитриев Н.И. Экономическая политика правительства Колчака и ее реализация // Сибирь в период Гражданской войны. - Кемерово, 1995. - С.29-31.).
- ³¹ Либеральная общественность протестовала против бессудных расправ над подпольщиками, введения чрезвычайного положения, цензуры печати. Несмотря на антибольшевистские настроения предпринимателей и большинства интеллигенции в Приморье, общественностью был организован сбор средств для голодающих Поволжья (большевистские руководители Приморского комитета помощи голодающим Поволжья - Примпомгола - были арестованы). Собранные деньги, вещи и продукты отправлялись в Харбин в адрес местной конторы Центросоюза, которая имела полномочия от СНК РСФСР на сбор и отправку продовольствия в Советскую Россию. Общественность Приморья и эмиграция Маньчжурии собрали и отправили в Советскую Россию 11 эшелонов с вещами и продовольствием. Приморский комитет общественных организаций помощи голодающим России, включавший политических деятелей, членов торгово-промышленной палаты, биржевого комитета, преподавателей вузов, училищ и школ Владивостока, выпускал журнал «Голод»№, который не только освещал ситуацию с продовольствием в России, но и организовывал сбор средств. (См.: Киржищ А. У порога в Китае. Русские в полосе отчуждения Кит.-Вост. Железной дороги // Сибирские огни. - 1923. - № 4; 1924. - № 3; Голод (Владивосток). - 1922. - №№ 1.2.
- ³² Выступление белых против ДВР было инспирировано Японией, которая стремилась заставить буферную республику принять ее условия на переговорах в Дайрене (август 1921- апрель 1922 гг.). Японские условия ущемляли суверенитет ДВР. Правительство ДВР не могло пойти на принятие японских условий. Поход Белой армии против ДВР (японцы в нем участия не принимали) являлся средством давления Японии на буферную республику. Кроме того, Япония

- пыгалась шангажировать США и успеть до Вашингтонской конференции укрепиться на российском Дальнем Востоке. Делегация Белого Приморья неофициально присутствовала на Вашингтонской конференции, но ВПП не было признано (как и ДВР) ни одним государством. (См.: Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем востоке (1918-1922 гг.). - Новосибирск, 1983. - С.256-267).
- ³³ Филимонов Б. Белоповстанцы. - С.72.
- ³⁴ Щербаков М. Одиссея без Итаки // Архив русской революции. - Берлин, 1926. - Т.УШ. - С.301; Дальневосточная республика. - Ч.2. - С.219-220.
- ³⁵ К началу наступления Белая армия насчитывала 21 тыс. чел. в строю (и около 7 тыс. членов семей). Но они дали фронту только 6 тыс. бойцов. Столько же пришлось держать в тылу для охраны коммуникаций. В некоторых бригадах штабы составляли более 18% личного состава. Сибирская военная флотилия насчитывала 32 корабля различных классов. (См.: Филимонов Б. Белоповстанцы. - С.68-69,103; Русская армия. - 1921. - 2 нояб.).
- ³⁶ Переход полуострова Камчатка в кон- 1920 г. в состав Советской России был связан с подготовкой концессионного соглашения РСФСР с американским консорциумом под руководством В.Вандерлипа, которое так и не было осуществлено из-за общей антисоветской позиции США.
- ³⁷ Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918-1922 гг.). Воспоминания. - Рига, 1930. - С.161.
- ³⁸ Однако надежды белоповстанцев на крестьянские восстания не сбылись. К началу похода В.М.Молчанова крестьянские выступления были ликвидированы. Начал давать свои плоды НЭП. Время для наступления было упущено. Кроме того, белые не выдвинули популярной в массах программы, не обеспечили внутреннего единства. Таково мнение К.Смита. В отличие от него, Дж.Стефан считает, что «последние из Белых могикан» пылко верили в цепную реакцию антибольшевистских взрывов в Сибири, которая откроет дорогу к «походу на Москву». (См.: Moltchanoff V.M. The Last White General. - Berkeley, 1972. - P.118-120; Smith C. Vladivostok under Red and White Rule. - Seattle-London, 1975. - P. 169-170; Stephan John. The Russian Far East. A History. - Stanford, 1994. - P.149-150.).
- ³⁹ Дальбюро ЦК РКП(б), правительство ДВР и командование Народно-революционной армией допустили серьезные ошибки в оценке военно-политической обстановки. В разгар военной реформы Главком НРА и военный министр ДВР В.К.Блохер был включен в состав делегации ДВР на Дайренские переговоры. Руководство республики всерьез полагало, что сможет решить вопрос о ликвидации интервенции дипломатическим путем. Главный удар белых ожидался в Забайкалье, где летом 1921 г. выступил барон Унгерн. Там и были сосредоточены главные силы НРА. Приморское же направление осталось без должного внимания и прикрытия. Задача ликвидации белых в Приморье возлагалась на подпольщиков и партизан. Однако белые с помощью японской контрразведки сумели разгромить большевистское подполье, сорвать намечавшееся антимеркуловское восстание, нанести удар по партизанам и ослабить их. (См.: Шершевский Б.М. В битвах за Дальний Восток (1920-1922 гг.). - Новосибирск, 1974. - С.123-124.).
- ⁴⁰ Слово (Владивосток). - 1922. - 4 апр.
- ⁴¹ Генерального Штаба генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс (1874-1937) был профессиональным военным. В годы Первой мировой войны занимал высокие командные должности на фронтах, был начальником штаба Ставки. В 1918 г. - начальник штаба чехословацкого корпуса. В колчаковской армии командовал корпусом и фронтом, был военным министром правительства. М.К.Дитерихс руководил следствием по делу о расстреле царской семьи и написал двухтомник «Убийство царской семьи и членов дома Романовых на

Урале». В 1920 г, МК.Дитерихс уехал в Харбин. В июле-августе 1920 г. он вел во Владивостоке переговоры с семеновским генералом Хрепятицким и домовладельцами для подготовки к эвакуации Белой армии из Забайкалья в Приморье. В британском консульстве Дитерихс пытался выяснить судьбу вещественных доказательств, собранных в ходе следствия по делу о расстреле царской семьи, которые он передал в Лондон (См.: ГАХК., Ф.44.Оп.1.Д.165.Л.15,18,63; Д.366.Л.80,90.).

⁴² Слово. - 1922. - 11 авг.

⁴³ 24 июня 1922 г. Япония официально заявила об окончательном выводе своих войск с российского Дальнего Востока. К этому ее вынудило сложное внутриэкономическое и политическое положение, борьба против интервенции РСФСР и ДВР, требования ее главного конкурента на Тихом Океане - США. Было ясно, что белые обречены.

⁴⁴ После окончания Гражданской войны брат С.Д.Меркулова Н.Д.Меркулов был политическим советником маньчжурского диктатора Чжан Цзолина.

⁴⁵ ГАХК. Ф.44.Оп.1.Д.147.Л.178.

⁴⁶ Рябов Н.И. Последние дни «белого царства» в Приморье // На рубеже. - 1941. - № 2. - С.197.

⁴⁷ Русские в Шанхае. Альбом. - Шанхай,1936. - С.34-37.

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

НИКОЛАЙ ЧАЙКОВСКИЙ В РЕВОЛЮЦИИ И КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Николай Васильевич Чайковский. Один из известных деятелей народнического движения, творец концепции «богочеловечества» и практик религиозно-коммунистического экспериментаторства он стоял у истоков российских партий социалистов-революционеров и народных социалистов. Его величали «толстовцем до Толстого», «дедушкой русской революции», «отцом российской кооперации». За свою долгую 75-летнюю жизнь он многое познал, увидел, испытал. Посвятив большую часть своей жизни революционно-освободительной борьбе, Н.В.Чайковский на склоне лет оказался в антисоветском лагере и в годы Гражданской войны входил в состав нескольких белогвардейских правительств. Эта кажущаяся на первый взгляд загадочной и непонятной политическая метаморфоза и несомненный масштаб личности Чайковского вызывали большой интерес как его современников, так и сегодняшних исследователей¹.

Н.В.Чайковский родился 26 декабря 1850 г. в Вятке в дворянской семье. После выхода отца в отставку семья переехала во владение его жены - село Арзамасцево Вятской губернии. Вот как вспоминал Николай Васильевич свои первые жизненные впечатления: «Никогда не забуду я те вопли и стоны, которые чуть ли не на каждом шагу приходилось мне слышать в нашей деревне, когда кого-нибудь секли за неуплату оброка и т.п. провинность, а отец хладнокровно объяснял мне всю необходимость такого наказания и удивлялся моему возмущению и негодованию»². Несомненно, увиденные в родительском доме картины унижения и подавления человеческой личности оказали сильное воздействие на гражданское становление Н.В.Чайковского.

Учился Николай сначала в Вятке, а затем переехал к старшему брату в Петербург и с золотой медалью окончил 7-ю классическую гимназию, считавшуюся лучшей в столице. Уже в школьные годы он серьезно увлекался философской и исторической литературой, а книги по истории Великой французской революции сформировали у него первые ростки революционной сознательности. Но для дальнейшего образования Николай избрал точные науки. В 1868 г. он переступил порог Петербургского университета, а в 1872 г. окончил физико-математический факультет по

специальности «химия». Его самостоятельная работа по химии была опубликована в «Бюллетене Академии Наук».

Но в студенческие годы им овладела и в конечном счете предопределила его жизненный путь другая пламенная страсть - к справедливому социальному и нравственному переустройству общества. С первого курса Николай примкнул к студенческому движению и в 1869 г. вступил в кружок, возглавляемый М.А.Натансоном и В.М.Александровым. А в нач. 70х годов стал одним из руководителей системы народнических кружков, которые вопли в историю под его именем. «Чайковцы» занимались культурно-просветительской работой в среде учащейся молодежи, создавали кружки самообразования, издавали и распространяли легальную и нелегальную литературу, затем развернули пропаганду среди рабочих и, наконец, приняли участие в «хождении в народ», за что и были подвергнуты репрессиям и разгрому.

Сам Н.В.Чайковский после нескольких обысков и двух арестов постепенно отошел от активной революционной деятельности. Он увлекся идеями нравственного самоусовершенствования на основе новой религии - «богочеловечества», призванной возродить в человеке человеческое и помочь ему ощутить на себе присутствие Божества. «Чайковский шел своей дорогой, дорогой духовного совершенствования, - объясняла этот неожиданный поворот его близкая приятельница Е.К.Брешко-Брешковская. - И видя, что его друзья вступают на путь, сопряженный с насильственной борьбой, он удалялся для самоутруждения, суровой проверки своих мыслей и чувствований»³.

Размышляя на склоне лет над событиями своей юности и отвечая на вопрос «Работал ли он в дальнейшем с прежними друзьями?», Чайковский утверждал: «Духовно нет, хотя физически и политически я часто, по долгу перед Родиной, помогал им в том, что они делали по призванию, я же своей души этим делам никогда не отдавал и в первых рядах не выступал...» (подчеркнуто авт. - В.Г.)⁴.

Покинув в 1874 г. Россию, Чайковский отправился в Северо-Американские Соединенные Штаты, где участвовал в организации религиозно-коммунистической земледельческой коммуны в удаленном уголке штата Канзас. Но двухлетний эксперимент не дал желаемых результатов и члены общины приняли решение вернуться в мир, чтобы бороться за свои идеалы. Чайковский работал корабельным плотником на верфи в Филадельфии, чернорабочим на сахарном заводе. Около года провел в религиозной общине шеккеров в штате Нью-Йорк.

В 1878 г. Н.В.Чайковский возвратился в Европу. Полтора года жил во Франции, а затем 28 лет - в Англии, стараясь, вместе с тем, не терять связи с Родиной. Занимался журналистикой, являлся корреспондентом ряда русских газет. Стал одним из организаторов «Фонда вольной русской прессы». Переписывался с В.И.Засулич, И.Л.Лавровым, С.М.Степняком-Кравчинским, Л.Н.Толстым и многими другими русскими общественными и революционными деятелями. Был близок с анархистами и дружил с их лидером, князем П.А.Кропоткиным. Вместе с ним участвовал в работе «Красного Креста Народной воли».

Чайковский стоял у истоков партии социалистов-революционеров, являясь участником I и II съездов ее заграничной организации и учреди-

тельного съезда этой партия. Когда он не смог присутствовать на III съезде заграничной организации эсеров, его участники написали в адрес Чайковского примечательное приветствие: «Заграничная организация ПСР шлет горячий братский привет дорогому товарищу, испытанному старому борцу за свободу и социализм Н.В.Чайковскому, об отсутствии которого на съезде горячо сожалеется»⁵.

События первой русской революции не оставили нашего героя равнодушным. Он участвовал в доставке литературы и оружия в Россию, а зимой 1906 -1907 г. совершил агитационную поездку по США, читая лекции и собирая средства в пользу русской революции. В 1907 г. он под чужим именем вернулся в Россию, где после трехмесячного пребывания был арестован и более полугода провел в Трубецком равелине Петропавловской крепости, откуда был освобожден под залог в 50 тыс. рублей, собранный его зарубежными друзьями. В дальнейшем он был оправдан судом. После этого отошел от эсеров и примкнул к трудовикам, стал членом их ЦК.

Но не политическая борьба занимала главное место в жизни Чайковского в России. Он увлеченно работал над проблемами нравственного переустройства общества, дальнейшей разработкой своей «богочеловеческой» концепции, а в практической жизни много сил отдавал работе в кооперации и в органах местного самоуправления. Идеями кооперации он увлекся еще в эмиграции и, вернувшись в Россию, стал видным теоретиком и организатором кооперативного движения. Николай Васильевич был глубоко убежден, что кооперация должна «поглотить все функции земства и содействовать скорейшему разрешению и нашего злободневного политического вопроса»⁶.

В 1914 -1915 годах Н.В.Чайковский являлся председателем «Вольно-экономического общества», одним из руководителей Всероссийского союза городов. В годы Первой мировой войны он - сторонник войны до победного конца и единения всех классов против общего врага.

Обратим внимание еще на один принципиально важный штрих политической биографии Н.В.Чайковского. Он был видным масоном, что позволяло ему, не находясь на политической авансцене, быть в курсе многих хитросплетений общественной жизни страны.

Февральская революционная волна 1917г. вознесла Чайковского на гребень бурной российской общественно-политической жизни. В глазах пробудившихся масс он был славным ветераном российского освободительного движения. Он много выступал на митингах и собраниях, ему внимали, устраивали овации. Еще бы - ведь это Чайковский - «тот самый». «Дедушкой русской революции» звучно окрестила его демократическая печать. Но сам Чайковский весьма критично относился к этому термину, изобретенному бойкими на перо публицистами. Его отношение к революции было сложным и противоречивым. «Это мое горькое и больное место», - заметил он в одном из писем. «Я всегда уважал ее (революцию - В.Г.) маленько, а подчас порядочно», - признавался Николай Васильевич⁷.

Чайковский отвергал революционную борьбу как вид насилия с позиций «богочеловеческих» моральных идеалов и выступал за нравственное обновление человека и общества. В то же время он осознавал потреб-

ность глубоких социальных перемен в России, неизбежность политического пробуждения масс и их участия в общественной жизни, но с сомнением и боязнью относился к возможности революционно-преобразующей деятельности народа.

Лично он отдавал предпочтение морали перед политикой и уже неоднократно пытался уйти от политической деятельности и заняться проблемами нравственного самосознания и усовершенствования человека и общества. Но политика упорно и властно возвращала Чайковского в свое лоно, и сама жизнь, тем более бурного революционного времени, убеждала в необходимости политической деятельности. Да и вся его богатая и кипучая натура противилась политическому отшельничеству.

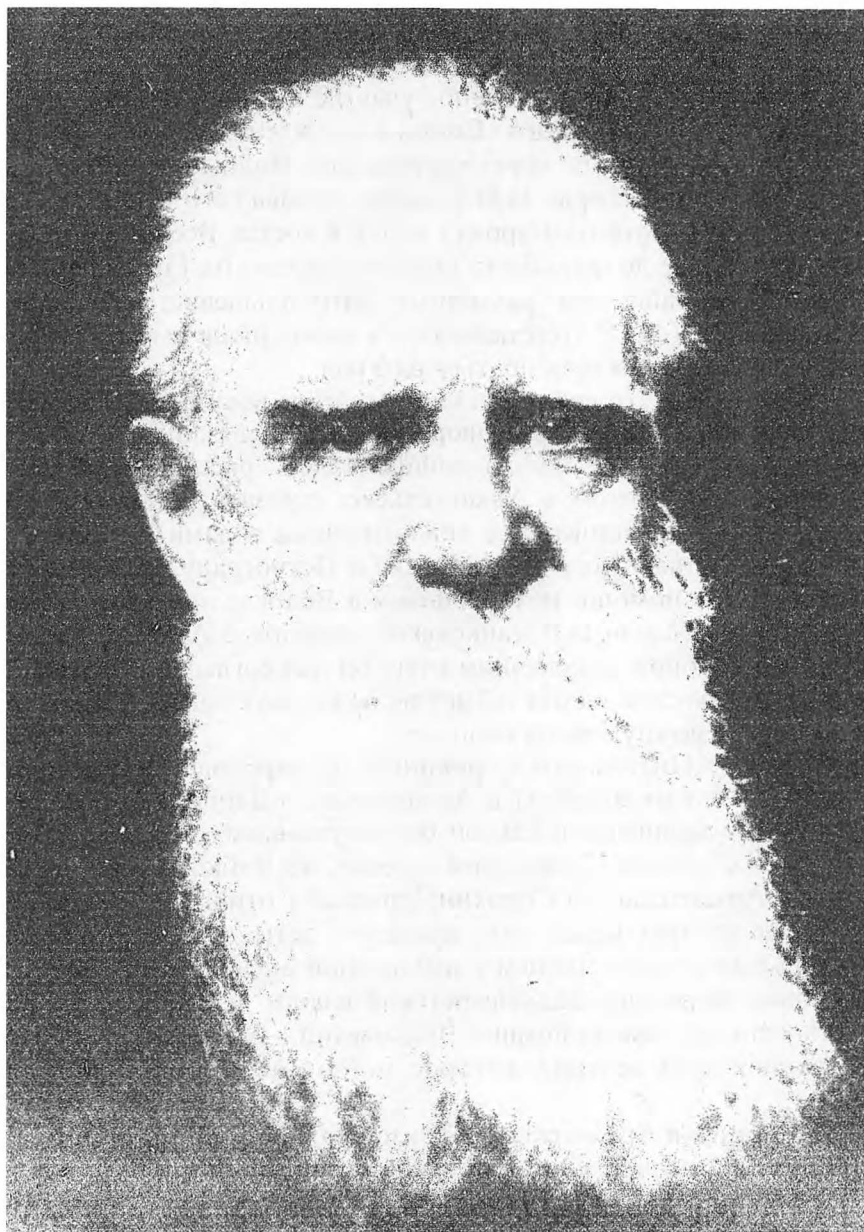
И все-таки при всех колебаниях Н.В. Чайковский принял Февраль 1917 г. как свою революцию. Несмотря на преклонный возраст, он активно окупился в бурную политическую жизнь обновляемой России. Чайковский - член исполкома Петроградского совета первого состава*, один из организаторов Всероссийского съезда крестьянских депутатов, где также избран в состав исполкома, товарищ председателя общегосударственного продовольственного комитета, член Совета Всероссийских кооперативных съездов и Лиги аграрных реформ, гласный Петроградской городской думы, член ЦК трудовой народно-социалистической партии.

Н.В.Чайковский - участник Государственного совещания в Москве и Демократического совещания в Петрограде и на последнем избран в состав Временного совета республики (предпарламента). Странник коалиционного правительства и союза социалистов с кадетами, он считал, что, «если социалисты возьмут власть, они через месяц окажутся банкротами». Чайковский считал также преступлением проводить революционные преобразования в период войны. «Мы, старые революционеры, старые политические противники забыли прежние споры и нашли слово, которое обожгло наши сердца одним и тем же пламенем. Это слово - «спасение России», - говорил Чайковский. - Но это слово, увы, не объединило России»⁸.

Октябрь 1917 г. стал глубоким рубжом в жизни нашего героя, разрушил его планы и надежды. Чайковский встретил приход к власти большевиков враждебно, именуя «переворотом подлинно контрреволюционным». Большевиков он считал «креатурой немцев», называл их «кучкой авантюристов и демагогов, разжигающих классовую ненависть», а большевизм характеризовал как «босаяцкую социальную революцию», создающую социальную систему, «чуждую русскому народу»⁹. Член Петроградского «Комитета спасения Родины и революции» и Учредительного собрания, один из руководителей «Всероссийского союза защиты Учредительного собрания» - Чайковский сделал свой выбор, стал сторонником непримиримой борьбы против большевиков и советской власти.

Революционное время неумолимо разводило вчерашних товарищей по разные стороны баррикад. Лидер вологодских эсеров С.С.Маслов вспоминал о потрясшей его сцене, когда Н.В.Чайковский непримиримо

* Чайковский занимал позиции на правом фланге совета и вскоре вышел из его состава в знак протеста против проводимого, по его мнению лидерами совета курса на «углубление революции».

**НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЧАЙКОВСКИЙ
В 1917 Г.**

столкнулся со старым и близким другом М.А. Натансоном. Оба седые, прошедшие почти один жизненный путь, они «стояли один против другого и ликвидировали свои отпощения». «Николай, ты изменил своим идеалам». «Марк, идеалы, которым мы служили, - ты предал». И, говоря так, оба дрогнули»¹⁰.

Чайковский принял активное участие в основании весной 1918 г. и деятельности антисоветского «Союза возрождения России» и способствовал его финансированию через кооперацию. Видный участник и историк Белого движения генерал Н.Н. Головин называл его «душой» этой организации. Чайковский планировал войти в состав Всероссийского правительства, которое должно было быть учреждено на Государственном совещании представителей различных антибольшевистских движений и группировок в Уфе. С этой целью он в конце июня выехал из Москвы в Вологду, чтобы затем пробираться на Урал.

В Вологде в это время в полном разгаре шла подготовка антибольшевистского выступления. Заговорщики, тесно связанные с дипломатическим корпусом Антанты, находившимся здесь, рассчитывали, объединив свои усилия с десантом в Архангельске, отрезать от центра обширные районы Севера, соединиться с аналогичными силами на Востоке и создать непосредственную угрозу Москве и Петрограду. Руководители правых эсеров при помощи находившейся в Вологде проездом Е.К. Брешко-Брешковской убедили Н.В. Чайковского выехать в Архангельск и возглавить там переворот. В конечном счете он дал согласие, надеясь, что участие в архангельской акции займет не более двух недель, но его пребывание на Севере затянулось на полгода.

Вместе с Питиримом Сорокиным на пароходе «Учредитель» Чайковский выехал из Вологды в Архангельск. «Длинная борода и волосы его были перекрашены, и сам он был неузнаваем», - вспоминал о своем спутнике П. Сорокин. С большим трудом, но Чайковскому удалось пробраться в Архангельск, а Сорокину пришлось отправиться в Великий Устюг¹¹. «Более трех недель мне пришлось жить здесь (в Архангельске - В.Г.) под фальшивым именем с измененной внешностью в то время, как подготовка свержения большевистской власти шла под моим председательствованием, - писал позднее Чайковский. - Это было очень трудное и рискованное приключение, которое могло очень легко окончиться фатально»¹².

Восстание в Архангельске произошло в ночь с 1 на 2 августа и было приурочено к появлению у стен города эскадры Антанты. «Мы знали, что в случае мятежа против советской власти, мы могли бы выдержать один, два дня, но не больше», - признавался Чайковский¹³. Он возглавил спешно сформированное 2 августа Верховное управление Северной Области (ВУСО). В его составе 7 из 9 мест принадлежало социалистам (6 правых эсеров и 1 народный социалист), которые являлись к тому же членами Учредительного собрания. Последнее обстоятельство и должно было прежде всего предопределить верховные права нового органа власти. Планируя успешное развитие военных операций и создание антисоветской Северной области в составе пяти - шести губерний, руководители ВУСО претендовали и на особую роль в российском антибольшевистском движении.

Но политическая программа умеренных социалистов, ориентировавшихся на Учредительное собрание и провозгласивших своей целью «спасение Родины и завоеваний Революции», не вызывала энтузиазма у местных деловых кругов и правого офицерства, убежденных, что это правительство будет проводить в жизнь политику провалившейся «керенщины». Деятельность «социалистического» Верховного управления встречала неприятие и со стороны командования интервентов, составлявших главную силу антибольшевистского лагеря. Британский главнокомандующий генерал Ф.Пуль и его окружение делали ставку на правые политические группировки. И уже 9 августа Н.В.Чайковский вынужден был заявить на заседании ВУСО, что в случае продолжения игнорирования его власти со стороны союзного командования «остается один выход - оставить Архангельск, объявить опыт создать государственную власть, хотя бы в областном масштабе, неудавшимся, сделать попытку опереться на население в другом месте - на Урале, в Сибири и там попытаться создать общегосударственную власть»¹⁴.

Но сам Чайковский в эти первые дни был все же полон надежд, энергии и решимости осуществить провозглашенную программу. Он часто появлялся и выступал в различных аудиториях. И надо сказать в первое время пользовался несомненной популярностью. Газета «Возрождение Севера» посвятила ему стихотворение «Народоволец», в котором были следующие строки:

Твой путь тяжел, преград так много,
Страданий, горя и нужды,
Но нет тебе пути иного,
Тебе лишенья не страшны!...
Борец за правду, за свободу,
Ты для себя всегда чужой,
Ты служишь целому народу,
Ему ты предан всей душой¹⁵.

Чайковский не терял надежды на благополучное разрешение возникших конфликтов с интервентами и местными правыми политическими кругами и в письме семье, проживавшей в Англии, не без известного самолюбования восклицал: «Такое имя, как мое, известное всякому образованному и читающему человеку из прошлого, чрезвычайно важно для внушения доверия к такой новой формации, как здешняя, и для объединения различных частей разложившейся на куски страны... Абсолютно незапятнанной репутации моего имени предназначено сыграть большую роль в ближайшем будущем»¹⁶.

Между тем, положение Архангельского правительства все более осложнялось. Интервенты продолжали вести себя в отношении Верховного управления весьма бесцеремонно. Н.В.Чайковский пытался переломить неблагоприятные тенденции и выработать оптимальные принципы взаимоотношений с союзным командованием. В адресованной им на имя генерала Ф.Пуля записке «Условия, при которых Верховное управление может быть полезно для союзного дела» в частности указывалось: «Мы (т.е. ВУСО - В.Г.) представляем легальное право... Мы - носители правопорядка, освященного преемственностью, народным избранием и мнением населения. Никто, даже союзные уполномоченные, не имеют права ко-

лежать это законное основание порядка в России, каковы бы ни были их личные взгляды»¹⁷.

Но ни апелляция к демократическим нормам отношений, ни цивилизованность и политический опыт председателя Верховного управления, ни его обращения за содействием в урегулировании отношений с военными к дипломатам стран Антанты в Архангельске не помогали. Под покровительством военного командования поднимали голову крайне правые элементы. И в ночь на 6 сентября правительство во главе с Чайковским было арестовано правыми офицерами и под охраной отправлено в Соловецкий монастырь. Руководили низложением правительства командующий формируемой Белой армией Г.Е. Чаплин и губернский правительственный комиссар Н.А. Старцев. Но хотя переворот формально завершился неудачей и арестованные члены правительства по настоянию союзных послов вскоре были возвращены в Архангельск, оставаться у власти они уже более не могли и в конце сентября 1918 г. подали в отставку.

Все происшедшее явилось тяжелым потрясением для Чайковского и призрак будущего переворота постоянно пугал его и в дальнейшем. Тем не менее в начале октября Николай Васильевич возглавил новое правительство, но уже под более скромным названием - «Временное правительство Северной области» (ВПСО). В его составе он был уже единственным социалистом. Чайковский стремился не допустить перехода власти в руки крайне правых элементов и старался реализовать идеи широкого блока политических сил на основе отказа от «узкоэгоистических партийных и классовых интересов» для борьбы с советской властью.

Тем временем в Архангельск пришло известие о Государственном совещании в Уфе, состоявшемся в сентябре, и решении учредить Директорию (Всероссийское Временное правительство) из пяти человек во главе с правым эсером Н.Д. Авксентьевым. В его состав был избран и Н.В. Чайковский. Это известие было с энтузиазмом встречено местным политическим истеблишментом, и Чайковский стал именоваться прессой «единственным носителем верховной власти» через, которого Северная область связана с другими местностями России, освободившимися от большевиков¹⁸.

26 октября в Архангельске была получена телеграмма Н.Д. Авксентьева с запросом о взаимоотношениях между Всероссийским и областным правительствами. В ней указывалось, что для союзников желательна декларация о подчинении Северного правительства Всероссийскому и направлении ее через русского посла в Париже. В ответной телеграмме Н.В. Чайковский уведомлял, что 28 октября им заявлена декларация союзным послам. Архангельское правительство, считая Северную область неотъемлемой частью единого Всероссийского государства, признавало верховной властью этого государства Всероссийское правительство, «образованное Совещанием членов Учредительного собрания в Уфе и имеющее свое пребывание в настоящее время в г. Омске». ВПСО выражало готовность подчиниться этому правительству, «впредь до созыва нового Учредительного собрания»¹⁹.

Н.Д. Авксентьев настаивал, чтобы Н.В. Чайковский прибыл в Омск и занял свое место в составе Всероссийского правительства. Это соответствовало пожеланиям самого Чайковского и после консультаций с дуайе-

ном дипломатического корпуса, американским послом Д.Фрэнсисом, одоббившим его намерение, он собирался в скором времени отбыть из Архангельска. Но в ночь на 18 ноября 1918 г. в Омске произошел переворот, и Директория была разогнана.

Отношение Чайковского к Омскому перевороту и приходу к власти А.В.Колчака характеризовала интересная эволюция, смысл которой заключался в его постепенном сдвиге вправо. Поскольку это означало и резкий поворот в его политической судьбе, целесообразно рассмотреть этот вопрос подробнее.

Вопрос об отношении к Омскому перевороту был вынесен Чайковским на обсуждение Архангельского правительства 30 ноября, и он сам задал тон этому обсуждению, высказавшись за необходимость издать от имени правительства обращение к населению с протестом против насилия, совершенного над членами Всероссийского правительства в Омске. «Действиями тех военных, которые принимали участие в перевороте, нарушены два принципа, на которых должна воссоздаваться армия: нарушена дисциплина и принцип невмешательства армии в политику. Нанесен непоправимый ущерб делу объединения России», - подчеркивал Чайковский. «Мы, как граждане и как члены Областного Правительства, признавшего власть Всероссийского, не можем оставаться равнодушными и долг наш выразить протест против акта насилия, имеющего столь печальные последствия для жизни всей страны», - заключил он свою обвинительную речь в адрес участников переворота²⁰.

Но, увы, его призыв не получил единодушной поддержки членов правительства. Против предложения Чайковского высказались представители правого крыла правительства - С.Н.Городецкий, Н.В.Мефодиев и генерал В.В.Марушевский. Последний предложил обратиться к союзникам, «давшим нам силу, на которую мы опираемся, и в согласии с их мнением разрешить вопрос об организации центральной власти»²¹. А управляющий отделом юстиции кадет Городецкий пророчески заявил, «если диктатура адмирала Колчака поведет к более успешной борьбе с большевиками и к укреплению власти, то возможно, что мы будем не протестовать против нее, а приветствовать ее появлениис»²².

Не придя к единому мнению правительство постановило: «Окончательное решение вопроса о декларации по поводу событий в Омске отложить и поручить Чайковскому путем личных переговоров со старшиной Дипломатического корпуса выяснить отношение Послов к создавшемуся положению»²³. Н.В.Чайковский провел также консультации с французским послом Ж.Нулансом, возглавившим после отъезда Д.Фрэнсиса дипломатический корпус, и британским уполномоченным Ф.Линдлеем, которые не советовали правительству и ему лично выступать с какими-либо заявлениями, осуждающими происшедшие в Омске события.

Но в Чайковской взял верх демократ, и он направил личное послание на имя адмирала А.В.Колчака, премьер-министра П.В.Вологодского и представителям союзных правительств: «Как член Всероссийского Временного правительства и Председатель Временного Правительства Северной области, протестую против правонарушения, совершенного в Омске над Верховной властью в лице членов Директории. Отказываюсь под-

чиниться диктаторской власти (выделено в тексте - В.Г.). Человечество торжествует победу права над силой. В основу воссоздания русской армии кладется строгая дисциплина и невмешательство армии в политику. Вы, командиры сибирских войск, назначенные верховной властью, и члены сибирского правительства, осмеливаетесь захватить власть в свои руки, вы убиваете принцип преемственности законной власти единственного носителя его Учредительного собрания, вы нарушаете государственную дисциплину, вы препятствуете воссозданию России, вы лишаете Россию возможности участвовать в Международном Конгрессе Мира, вы поднимаете большевистское знамя Гражданской войны. Заклинаю вас: опомнитесь, немедленно сложите власть, спасите Россию от позора, клят-вопреступности, политического младенчества. Сила, не освященная правом, обречена на гибель.»²⁴.

Итак, в ноябре-декабре 1918 г. Чайковский выступил в роли обвинителя адмирала А.В.Колчака и его сподвижников. Но вот прошло еще два месяца, и мы читаем следующие его строки: «Омские события очень печальны и являются какой-то фатальной политической ошибкой или даже преступлением, - заметим, что Чайковский уже колеблется в оценке происшедшего. - Но, с другой стороны, и Директория наделала ошибок... Омское правительство юридически конечно сибирское (речь идет о правительстве П.В. Вологодского -В.Г.), но практически, впредь до образования истинного Всероссийского - оно временно исполняет его роль... Поэтому всякие выступления против Колчака и Деникина считаю несвоевременными и гибельными»²⁵.

Прошло еще два месяца, и в беседе с британским премьером Д.Ллойд Джорджем Н.В.Чайковский выступил уже в роли адвоката Колчака: «Происшедший в Омске переворот, как бы ни оценивать его с разных точек зрения, во всяком случае не рассматривается правительством Колчака как поворот в сторону реакции, от которой Колчак стремится всячески отмежеваться». Чайковский заверил британского премьера в стремлении Верховного правителя опереться в своей власти на широкие демократические слои населения и довести страну до Учредительного собрания, за которым тот единственно признает всю полноту суверенной учредительной власти»²⁶.

10 мая 1919 г. в Париже состоялась беседа Н.В.Чайковского с главами западных держав - американским президентом В.Вильсоном, французским премьером Ж.Клемансо и главой британского правительства Д.Ллойд Джорджем. Особое место в беседе занимали вопросы, связанные с политикой А.В.Колчака. «О самом Колчаке говорили как о человеке, совершившем государственный переворот, что неверно, - утверждал Чайковский. - Государственный переворот совершен другими, которые облекли Колчака положением диктатора, говоря, что если он таковым не станет, его страна разлетится на куски. Таким образом, Колчак не сам стал диктатором». «Колчак, - разъяснял политическим лидерам Запада Чайковский, - являясь одновременно военным и политическим диктатором, постепенно провозглашает демократические мероприятия. Это существенные черты его диктатуры»²⁷.

Итак, «диктатор» Колчак и «демократ» Чайковский за несколько месяцев пусть и заочно, но пришли к неплохому взаимопониманию и по-

следний не только перестал произносить обличительные речи в адрес адмирала, но и получил приглашение войти в состав его кабинета²⁸.

Но вернемся в Архангельск кон. 1918 - нач. 1919 г. Размежевание в обществе усиливалось. И проводить в жизнь провозглашенный Н.В.Чайковским «средний курс», лавируя между правыми и левыми, преодолевая партийные, политические и классовые разногласия и поддерживая отношения с союзниками, становилось все труднее и труднее.

В это сложное время в январе 1919 г. Чайковский покинул Архангельск и направился в Париж для участия в работе «Русского политического совещания», претендовавшего на роль координирующего и руководящего центра антибольшевистского движения. Предполагалось, что вскоре он вернется на Север. Однако возвращение так и не состоялось, хотя вплоть до падения антисоветского режима в Архангельске в феврале 1920 г. Николай Васильевич номинально оставался председателем Северного правительства.

Деятельность Н.В.Чайковского в Архангельске и его отъезд вызывали самую различную реакцию в местных политических кругах - от сожаления до открыто выражаемого недоброжелательства. Представитель правых кругов, начальник штаба армии полковник В.А.Жилинский, например, без излишней дипломатичности писал: «Отъезд за границу Чайковского - расписка в своей несостоятельности и подтверждение того жизненного закона, который гласит: «*Всякая революционная морда, ударившись о государственность, сворачивает вправо, а не желая показать это уезжает за границу*»²⁹.

Сам Чайковский в одной из статей, написанных в эмиграции, не преминул заметить: «В январе месяце 1919 года я был командирован правительством в Париж и за дальнейшие события в Архангельске не несу ответственности». Но он поддерживал связь с Северным правительством и внимательно следил за происходившими там событиями. В письме генералу Е.К.Миллеру (прибывшему в Архангельск по его вызову в январе 1919 г. и превратившемуся в дальнейшем в местного военного диктатора) летом 1920 г. Чайковский так рассуждал о причинах поражения северной власти: «Для меня стало ясно, что средний курс, намеченный нами в последних совместных заседаниях в январе 1919 года перед моим отъездом из Архангельска, был правительством оставлен, и на сцену были выдвинуты определенные враждебные ему элементы... Может было бы слишком сильно сказать, что и самая необходимость эвакуации и деморализация в войсках была следствием этого уклонения, но что оно сыграло в них большую роль, я не сомневаюсь»³⁰.

Истины ради заметим, что и вся последующая политическая деятельность самого Н.В.Чайковского показала провал его рецептов «среднего курса» и попыток демократизации Белого движения в условиях разгоравшейся, ожесточенной и непримиримой Гражданской войны.

Итак, 23 января 1919 г. ледокол «Иван Сусанин» увез Чайковского от берегов Архангельска. Начиналась новая полоса его жизни и политической деятельности. 1 февраля он прибыл в Лондон и первое, что узнал, было известие о предложении держав Антанты провести на Принцевых островах конференцию представителей советского и белогвардейских правительств. В своем интервью он выступил с резким протестом против

этого предложения: «Не может быть компромисса с большевиками, пока мы не победим их или они нас»³¹.

5 февраля 1919 г. Н.В.Чайковский прибыл в Париж, где началась его работа в «Русском политическом совещании». Он вошел в состав «политической-делегации» - исполнительного органа совещания. Предполагалось, что ее члены (наряду с Чайковским - это князь Г.Е.Львов - председатель совещания, С.Л.Сазонов, В.А.Маклаков) будут представлять Россию на Парижской мирной конференции. Но этого не произошло, так как они не были признаны как представители России.

Заметим, что Чайковский участвовал в работе этого форума не только как председатель правительства Северной области, но и как «представитель демократических кругов общественности, объединившихся вокруг идеи «Союза возрождения России». Имя Чайковского как революционера и демократа, более тридцати лет прожившего за рубежом и имевшего хорошие связи в общественных и политических кругах Запада было чрезвычайно полезно для представительства интересов российского Белого движения.

Именно он лучше, чем кто-либо из участников политического совещания, мог взять на себя выполнение ответственной задачи - стать связующим звеном между российским антисоветским движением, придавая ему тем самым демократический облик, и широкими слоями западной общественности, массовыми организациями и прессой и пытаться от лица российской демократии организовать противодействие движению за вывод войск Антанты из России и, напротив, содействовать расширению иностранной помощи белогвардейским правительствам. Чайковский неоднократно встречался с главами ведущих западных государств и систематически с видными зарубежными политиками и журналистами, а его идеи антисоветского движения в «демократических одеждах» находили у них благожелательный отклик и понимание.

Н.В.Чайковский много размышлял над проблемой оптимальной организации власти в антибольшевистском лагере. «Я считаю постановку альтернативы - либо директория, либо единоличная диктатура - неправильной и нежизненной, - писал он в июле 1919 г. - И вывожу я это из своего опыта государственного строительства. Жизнь требует комбинации того и другого при настоящих условиях Гражданской войны и отсутствии всяких основных законов». Он считал особо важным взаимопонимание главнокомандующего и гражданской власти, полагая, что главнокомандующий сам должен не вмешиваться в политическое управление и не позволять делать это своим подчиненным. Только так «военная власть может снискать себе доверие и сочувствие населения. А в этом сочувствии и доверии населения лежит секрет успеха в Гражданской войне едва ли не меньше, чем в правильной военной технике»³².

Признавая несовершенной конструкцию власти как у А.В.Колчака, так и у А.И.Деникина, Чайковский, вместе с тем, настаивал на поддержании их авторитета и популярности, и считал необходимым совершенствовать властные структуры, «но путем реформы, а не путем поднятия бунта», что и называл «недопустимым и даже преступным»³³.

Потребность реформ и демократизации антибольшевистских режимов Н.В.Чайковский обуславливал не только внутренними, но и внешне-

политическими причинами. Оказание помощи из-за рубежа белогвардейским правительствам все сильнее зависело от демократичности их внешнего облика. Чайковский выступал активным поборником создания Центрального представительного органа (собрания) и проведения выборов в него на территориях, контролируемых Белыми режимами. Но эта идея оказалась мертворожденной, как впрочем и другие, связанные с демократизацией и политическим реформированием антибольшевистского движения, тем более в условиях жестокой Гражданской войны в стране.

Само слово демократия вызывало у Белых генералов аллергию, и они вспоминали о ней, а следовательно и о Чайковском как об одном из ее ведущих проводников лишь во времена наиболее глубоких кризисов. Например, в кон. 1919 г., когда войска Колчака терпели поражение за поражением вновь встал вопрос о приглашении Чайковского в члены совета министров и председателем комиссии по выборам в Учредительное собрание. Но отправиться в Сибирь ему не пришлось, ибо, как вспоминал один из министров: «Вызов его из Парижа мы намеренно задержали в силу переживавшихся тяжелых обстоятельств»³⁴.

4 января 1920 г. А.В.Колчак передал свои полномочия Верховного правителя генералу А.И.Деникину. Но его власть находилась на краю гибели. И тогда в Екатеринодар из Парижа поспешил Н.В.Чайковский, чтобы помочь составить новое правительство. «Наличие социалиста и демократа в составе правительства, - был убежден он, - поможет последнему стать на правильный путь, который бы обеспечил ему доверие народных масс»³⁵.

Он надеялся получить пост главы правительства, но вынужден был удовлетвориться должностью министра без портфеля. Новое правительство было создано 5 февраля, а через 20 дней была оглашена подготовленная Чайковским правительственная декларация. В ней было много демократических заверений и слов: «возрождение Родины на началах народо-властия», «Учредительное собрание на началах всенародного представительства» и т.п.

Но просуществовало новое правительство лишь до 16 марта и было распущено генералом Деникиным. Мечтам и надеждам Чайковского вновь не суждено было сбыться. На прощальной встрече генерала с членами правительства возмущенный Н.В.Чайковский обратился к Деникину:

«-Позвольте, генерал, спросить: Что Вас побудило совершить государственный переворот?»

Меня удивила такая постановка вопроса, - вспоминал А.И.Деникин, -...Какой там переворот! Я вас назначил и я вас освобождаю от обязанностей - вот и все»,- ответил он³⁶.

В свою очередь Чайковский в статье «Почему пало Южно-Русское правительство?» гневно восклицал: «Деникин одним росчерком своего диктаторского пера разрушил последнюю попытку учреждения всероссийской власти, возникшего при его участии народного представительства, на что, конечно, не имел никакого права»³⁷. Впрочем, для генерала Деникина и его военных соратников эти высокие слова не имели ровно никакого значения.

В адрес Н.В.Чайковского со стороны старых его друзей часто раздавались обвинения, что он - демократ и социалист - изменил своим убеждениям и пошел на союз с монархистами. Но он отвергал эти обвинения, утверждая, что в борьбе с большевиками хороши все средства. Связав себя с антибольшевистским движением, он стал его своеобразным «демократическим заложником» и вместе с ним совершил политический дрейф вправо, но считал необходимым идти в непримиримой войне со сторонниками советской власти до конца.

В отличие от многих своих российских и зарубежных социалистических коллег, которые все активнее ставили вопрос о прекращении военной интервенции в Россию, Н.В.Чайковский до конца своих дней оставался последовательным интервенционистом. «Позиция здешних социалистов в русском вопросе ничуть не демократическая, - утверждал он, - а наоборот реакционная, ибо отстаивая на словах принципы демократии и одновременно требуя прекращения борьбы с большевиками - здешние социалисты на самом деле работают в руку реакции - большевиков». В то же время он стремился к более гибким обоснованиям необходимости продолжения интервенции: «В отношении союзников в настоящее время следует говорить теперь не о вмешательстве в дела России, а собственно говоря, о допустимости выхода их из вооруженной борьбы, в которой мы были с ними взаимно союзниками, ибо борьба с большевиками есть не что иное, как продолжение борьбы с немцами»³⁸.

В условиях банкротства интервенции Антанты особое значение приобрел поиск новых союзников. В январе 1920 г. в Париже состоялись переговоры Ю.Пилсудского с Н.В.Чайковским и С.Л.Сазоновым, ставшие важной вехой в подготовке похода Польши против Советской России. В ходе переговоров обсуждался и план Пилсудского об организации антисоветского военного союза всех национальностей бывшей царской империи³⁹. Эта тема была близка Чайковскому, ибо в период работы Русского политического совещания он возглавлял «Совещание народностей, стремящихся к воссоединению с Россией». Но противоречия между великодержавно настроенными вождями русского Белого движения и лидерами местных националистов оказались неразрешимыми и воспрепятствовали осуществлению идеи такого антисоветского военного союза и совместного похода против большевиков.

Деятельность Н.В.Чайковского в годы Гражданской войны весьма высоко оценивалась в эмигрантской историографии. «Чайковский являлся ярким представителем той части революционной демократии, в которой чувство глубокого патриотизма и государственное понимание не были заглушены узкопартийным доктринерством, что так характерно для большинства лидеров русских социалистических партий, - писал генерал Н.Н.Головин. - Он скорее представлял собой тип западноевропейского социалиста, нежели русского...». К числу «самых страстных, самых непреклонных и настоящих врагов большевизма» относил Н.В.Чайковского С.П.Мельгунов. «Этой определенностью, - подчеркивал он, - объясняется стойкое, твердое, вполне последовательное до конца отношение Чайковского к тому типу национального антибольшевистского движения, которое принято теперь называть «Белым» и монополию на которое, подме

**НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЧАЙКОВСКИЙ.
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ.**

няя старые лозунги, хотят ныне взять наши современные идеологи монархической реставрации»⁴⁰.

Советская власть также относила Н.В.Чайковского к числу самых непримиримых своих врагов. Верховный трибунал в Москве, рассматривавший в августе 1930 г. дело так называемого «Тактического центра», объявил Чайковского «врагом народа» и приговорил заочно к смертной казни «за измену Родине и народу», лишив права въезда в Советскую Россию под угрозой немедленного расстрела⁴¹.

После окончания Гражданской войны Н.В.Чайковский продолжал активную политическую деятельность, принимал участие в различных эмигрантских форумах, являлся одним из организаторов конспиративного «Центра действия», входил в состав руководства «Российского земско-городского комитета», «Организации помощи эмигрантам», был председателем Трудовой народно-социалистической партии.

В то же время к Чайковскому, как к одному из видных и авторитетных деятелей эмиграции, обращались с «открытыми письмами» бывший член ЦК народных социалистов и член Архангельского правительства В.И.Игнатьев и писатель А.Н.Толстой, призывая примириться с большевиками и покончить с междоусобной борьбой, ради быстрого восстановления разоренного хозяйства, воссоздания и укрепления государственности. «Все, мы все, скопом, соборно виновны во всем случившемся, - писал А.Н.Толстой, - И совесть меня зовет не лезть в подвал, а ехать в Россию и хоть гвоздик свой собственный, но вколотить в истрепанный бурями русский корабль. По примеру Петра»⁴². «Да, жестокости творились и у нас, и у коммунистов - таковы неизбежные спутники Гражданской войны, - утверждал В.И.Игнатьев. - Мораль здесь одинакова и для коммунистов и для их противников, и за нее демократической эмиграции прятаться не приходится. Да, чудовищно жестока Гражданская война, когда фанатики, страсти и злость разгораются. А теперь русская эмиграция вновь хочет Гражданской войны? - спрашивал Игнатьев и продолжал, - Я обращаюсь к Вам, Николай Васильевич, как к старшему русскому революционеру и народолюбцу. Поднимите свой голос во имя Родины и человечности, призовите русскую демократическую и социалистическую эмиграцию к борьбе за немедленное признание советской власти в России...»⁴³.

Но Чайковский не внял этим призывам и отверг возможность примирения с большевиками и сотрудничества с советской властью. Он не верил в долговременность НЭПа, видя в нем неразрешимые противоречия. «Ненависть к большевикам заполняла его душу, поддерживала многие годы», - свидетельствовал его товарищ по партии народных социалистов М.Алданов, добавляя вместе с тем, что «не было человека, меньше созданного для ненависти, чем Николай Васильевич»⁴⁴.

В 1925 г. Н.В.Чайковский вернулся из Парижа к семье, проживавшей в окрестностях Лондона, и стал постепенно отходить от политики: «Злостью сердце питаться устало, много в ней правды, да радости мало». Он вновь полностью окупился в проблемы нравственности, размышляя над путями обновления и обогащения человеческого духа, «ибо в борьбе со злом победа лежит не в уничтожении врага, не в мести и не в злобе к нему, а в творении нового блага из себя самого (выделено курсивом в тексте письма Н.В.Чайковского - В.Г.)»⁴⁵.

В январе 1926 г. русская эмиграция широко отметила 75-летний юбилей Н.В.Чайковского. Торжественные собрания состоялись в Париже, Праге, Варшаве. А спустя несколько месяцев - 30 апреля 1926 г. он умер. Проводить Николая Васильевича Чайковского в последний путь пришли Д.Ллойд Джордж с супругой, ряд других известных политических и общественных деятелей Великобритании, представители русской эмиграции. В печати разных стран появились искрологи, посвященные Н.В.Чайковскому. Ряд статей появился и в советской печати⁴⁶.

Жизнь и деятельность нашего героя не поддаются простым и однозначным оценкам. Человек богатой и разносторонне одаренной натуры он испытал себя на различных общественных и политических поприщах. «Известный, искренне преданный делу народных масс, готовый ради их блага жертвовать жизнью Чайковский чуть ли не всю жизнь потратил на поиски правильных путей, постоянно меняя убеждения», - писал ветеран российского и международного революционного движения Ф.Я.Кон⁴⁷.

Поиск истины, стремление к созиданию Чайковский хотел сделать правилом своей жизни. «Нашел я свое цельное миропонимание, свою абсолютную Правду, свое абсолютное Добро и главное - абсолютную Любовь? - вопрошал он незадолго до смерти в «Открытом письме к друзьям» и продолжал - И я отвечаю вам смело и решительно: да, нашел!»⁴⁸.

Через всю свою жизнь Николай Чайковский пронес веру в человека. Искреннее стремление к духовному очищению и обогащению внутреннего мира человека сочетались в нем с политической страстностью и непримиримостью. Он мечтал сочетать свою политическую деятельность с требованиями и нормами человеческой морали, хотя это и удавалось далеко не всегда.

Политическая деятельность, общественные и духовно-нравственные искания Н.В.Чайковского не поддаются однозначным оценкам и представляют несомненный интерес для нас, размышляющих сегодня о судьбах России, исторической роли и упущенных возможностях Русской Революции 1917 года, причинах и последствиях Гражданской войны в истории России XX века.

¹ Николай Васильевич Чайковский. Религиозные и общественные искания. - Париж, 1929. - Т.1; Мельгунов С.П. Н.В.Чайковский в годы Гражданской войны. - Париж, 1929; Голдин В.И. Чайковский Николай Васильевич // Политические деятели России 1917. Биографический словарь. - М., 1993; Он же. Во главе белогвардейского правительства Севера // Контрреволюция на Севере России и ее крушение (1918-1920 гг.). Учебное пособие. - Вологда, 1989; Соловьева И.А. Николай Васильевич Чайковский // Вопросы истории. - 1997. - № 5; и др.

² Каторга и ссылка. - 1926. - № 5(26). - С.223.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.5805.Оп.1.Д.611а. Л.22-23.

⁴ Голос минувшего на чужой стороне. - 1926. - № 3. - С.88.

⁵ ГАРФ. Ф.5805.Оп.2.Д.113.Л.59.

⁶ Каторга и ссылка. - 1926. - № 5(26). - С.222.

⁷ Николай Васильевич Чайковский. Религиозные и общественные искания. - С.141.

⁸ Белый архив. - 1928. - Вып.2-3. - С.240.

⁹ Мельгунов С.П. Н.В.Чайковский в годы Гражданской войны. - С.25-26,30.

¹⁰ ГАРФ. Ф.5805.Оп.1.Д.611а.Л.7.

-
- ¹¹ Pitirim Sorokin. *Leaves from a Russian Diary*. - New York 1924. - P.149-153.
¹² ГАРФ. Ф.5805.Оп.1.Д.400.Л.1.
¹³ Там же.Л.2.
¹⁴ Кто должник? - М.,1926. - С.463.
¹⁵ Возрождение Севера (Архангельск). - 1918. - 29 сент.
¹⁶ ГАРФ. Ф.5805.Оп.1.Д.400.Л.7-8,10.
¹⁷ Там же.Д.468.Л.8.
¹⁸ Возрождение Севера. - 1918. - 10 окт.
¹⁹ ГАРФ. Ф.17.Оп.1.Д.10.Л.98,111.
²⁰ ГАРФ. Ф.16.Оп.1.Д.4.Л.25.
²¹ Там же.
²² Там же.
²³ Там же.Л.26.
²⁴ Мельгунов С.П. Н.В. Чайковский в годы Гражданской войны. - С.90.
²⁵ Там же. - С.92.
²⁶ ГАРФ. Ф.5805.Оп.1.Д.505.Л.18-19.
²⁷ Там же. Д.5366.Л.29,32-33.
²⁸ ГАРФ. Ф.16.Оп.1.Д.88.Л.1; Мельгунов С.П. Н.В. Чайковский в годы Гражданской войны. - С.92.
²⁹ ГАРФ. Ф.5867.Оп.1.Д.1.Л.71.
³⁰ ГАРФ. Ф.5805.Оп.1.Д.132.Л.7.
³¹ Strakhovsky L.I. *Intervention at Archangel*. - Princeton,1944. - P.148.
³² Голос минувшего на чужой стороне. - 1926. - № 4/XVII. - С.232-233.
³³ Там же.
³⁴ Каторга и ссылка. - 1926. - № 5(26). - С.231.
³⁵ ГАРФ. Ф.5805.Оп.1.Д.611а.Л.17.
³⁶ Деникин А.И. *Очерки Русской Смуты*. - Берлин,1926. - Т.5. - С.353-354.
³⁷ ГАРФ. Ф.5805.Оп.1.Д.141.Л.13.
³⁸ Там же.Д.505.Л.2-3.
³⁹ Мельгунов С.П. Н.В. Чайковский в годы Гражданской войны. - 194.
⁴⁰ Головин Н.Н. *Российская контрреволюция в 1917-1918 гг.* - Таллинн,1937. - Ч.2. - Кн.5. - С.8; ГАРФ. Ф.5805.Оп.1.Д.611а.Л.17.
⁴¹ ГАРФ. Ф.5805.Оп.1.Д.611а.Л.334.
⁴² Толстой А.Н. *Открытое письмо к Н.В. Чайковскому* // Толстой А.Н. *Собр. соч.* - М.,1949. - Т.13. - С.15.
⁴³ Известия ВЦИК. - 1922. - 10 марта.
⁴⁴ Николай Васильевич Чайковский. *Религиозные и общественные искания*. - С.269; ГАРФ. Ф.5805.Оп.1. Д.611а.Л.17.
⁴⁵ Николай Васильевич Чайковский. *Религиозные и общественные искания*. - С.269; *Голос минувшего на чужой стороне*. - 1926. - № 3. - С.87.
⁴⁶ Мстиславский С. *Человек и его имя* // *Огонек*. - 1926. - № 32; статьи Ф.Кона, Н.Чарушина, М.Фроленко, С.Лившица // *Каторга и ссылка*. - 1926. - № 5(26); и др.
⁴⁷ Каторга и ссылка. - 1926. - № 5(26). - С.211.
⁴⁸ Голос минувшего на чужой стороне. - 1926. - № 3. - С.87.
-

ЖИЗНЬ В ЭМИГРАЦИИ

БЕЛЫЕ АРМИИ ЗА РУБЕЖОМ: ПЛАНЫ РЕВАНША. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДОКТРИНЫ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ В 1920-1930е ГОДЫ

История России двадцатого века сложна и противоречива. Она требует углубленного осмысления, основанного на тщательном исследовании самого широкого спектра архивных материалов, лишь сравнительно недавно ставших доступными историкам. Проблема российской Белой военной эмиграции 1920-1930х годов в настоящее время привлекает к себе пристальное внимание отечественных и зарубежных ученых как одна из наименее изученных тем российской истории. Отказ от устоявшихся стереотипов в оценке феномена российской военной эмиграции 20-30х годов, не имеющего аналога в мировой истории, требует от исследователя детального изучения темы с учетом новейших достижений исторической научной мысли, что выводит на целый комплекс научных проблем, никогда вообще не рассматривавшихся ни в отечественной, ни в зарубежной исторической науке.

Данное научное исследование проведено на основе изучения комплекса фондов эмигрантского Русского Зарубежного исторического архива, хранящегося в настоящее время в Государственном архиве Российской Федерации, а также материалов германской и польской контрразведок и французской тайной полиции «Сюртэ Жснераль», находящихся в Центре хранения историко-документальных коллекций. Исключительный интерес представляют документы советской стратегической разведки Рабоче-крестьянской красной армии (РККА), осуществлявшей наблюдение за военными организациями Белой эмиграции в 1920-1930е годы, которые содержат большое количество фактического материала, статистические данные, аналитические разработки. Введение в научный оборот указанных источников позволяет сделать обзор военно-политических доктрин российской Белой военной эмиграции в 20-30е годы, оценить степень их соответствия политической реальности своего времени.

Стержнем всех военно-политических доктрин российской Белой военной эмиграции являлась идея о скором возобновлении вооруженной борьбы с советским режимом и о начале нового этапа Гражданской войны¹. Вопрос о его возможности обсуждался на первом же совещании командования Русской армии на крейсере «Генерал Корнилов» в 1920 г. в

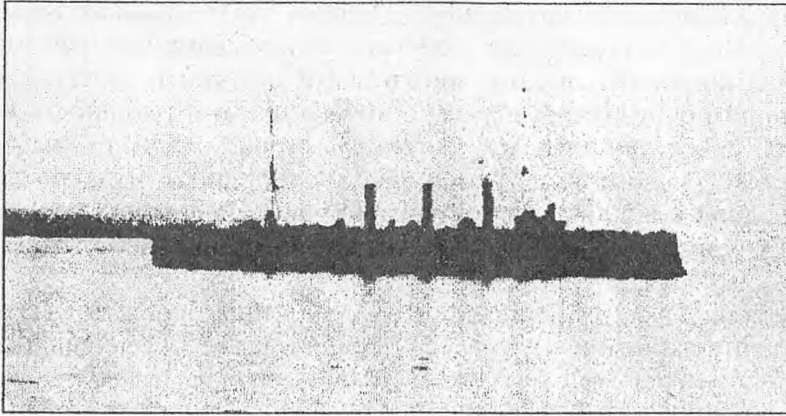
момент эвакуации белогвардейских войск². А в приказе по Русскому Обще-Воинскому союзу (РОВС)³ от 11 ноября 1930 г. генерал Е.К.Миллер, сторонник усиления военно-политической активности российской эмиграции, заявлял: «...будем верить, что недалеко то время, когда чинам РОВС, усиленным всеми способными носить оружие русскими людьми, проживающими за рубежом, предстоит принять участие и в том новом этапе Белой борьбы, который уже возникает на территории СССР»⁴. При этом кадры РОВС и иных белоэмигрантских организаций должны были создать ядро вооруженного антибольшевистского движения, а широкие эмигрантские массы - выступить в качестве своего рода «военно-политического ополчения» российского зарубежья⁵. Если исходить из того, что численность российской эмиграции превышала 2 млн. человек, то сумма вероятных участников вооруженной борьбы получалась довольно внушительная.

Признавалась недостаточной «та полезная и даже необходимая работа по выяснению сил, средств и планов противника, которая ведется многими разведывательными и антикоммунистическими организациями»⁶, указывалось на «необходимость проникнуть в самый аппарат власти противника, чтобы иметь возможность действовать внутри его»⁷, т.н. «тихая контрреволюция». Утопичность подобного проекта вполне очевидна и не требует дополнительных комментариев: в условиях тотального идеологического и социального контроля в СССР в 20-30х годах проникновение в структуры советского аппарата власти представителей «классового врага» было немыслимо. Мало было и надежд на то, что, преодолев с трудом все препятствия, проникшие на территорию Советской России белые агенты смогут вернуться живыми и невредимыми на свои «базы»⁸. Автор записки для руководства РОВС «Некоторые соображения по вопросу о борьбе с коммунистической властью в России» резюмировал ее содержание следующим утверждением: «Подготовительная работа должна вестись в трех направлениях:

1. Проникновение в аппарат власти, главным образом - в Красную армию;
2. Разжигание внутривластных распрей и раскалывание коммунистической партии;
3. Снабжение населения антикоммунистической агитационной литературой»⁹.

Секретные инструкции РОВС предписывали своим тайным агентам «осторожный подход и налаживание связей с занимающими ответственные посты в Красной армии и в гражданском управлении лицами, как беспартийными, так и коммунистами»¹⁰.

Следует также отметить, что наладить переброску в СССР агитационной литературы в существовавших условиях было абсолютно невозможно. Несколько попыток белых агитаторов перейти границу и развернуть работу на советской территории закончились их немедленным провалом и арестом¹¹. Хотя советские спецслужбы отмечали, что «контрреволюционные элементы» в СССР «с обострением классовой борьбы в стране попытались использовать в своих интересах отдельные звенья советского аппарата»¹², ОГПУ-НКВД сумело изолировать эмиграцию «от источников влияния, от массовых общественных сил...»¹³.

КРЕЙСЕР «ГЕНЕРАЛ КОРНИЛОВ» ПОКИДАЕТ КРЫМ.
ВПЕРЕДИ - ИЗГНАНИЕ, БЕЛАЯ БОРЬБА В ЗАРУБЕЖЬЕ.

В нач. 1920х годов российская военная эмиграция возлагала большие надежды на повстанческое движение в СССР: «...после того, как главные белогвардейские армии были разгромлены, центр тяжести переместился на повстанческие действия более мелкого масштаба»¹⁴. Частью идеологического банка Белого движения в эмиграции являлся образ Советской России, по их мнению, стонущей под коммунистической властью и готовой к восстанию против ВКП(б). При этом особое внимание обращалось на численные потери населения: «...Общая потеря страны составила около 26 миллионов человек, так сказались на численности ее населения мировая война и революция»¹⁵.

Впрочем, попытки Белой эмиграции дать оценку происходившим в СССР процессам порой страдали склонностью к преувеличению кризисных явлений в Советском Союзе и ВКП(б), выдавая желаемое за действительное. Так, в середине 30х годов положение в СССР оценивалось следующим образом: «...Дела большевиков у себя дома настолько плохи, что они готовы обещать все, что угодно, для спасения собственной шкуры... товарищ Сталин и «Боже царя храни» готов запеть...»¹⁶, что, естественно, не соответствовало действительности.

По мнению их футурологов, движущими силами антибольшевистского восстания в СССР могли стать следующие социальные слои: крестьяне, превращенные коллективизацией в полурабов тоталитарной системы; рабочие, страдавшие от жестокой эксплуатации на государственных предприятиях; т.н. «лишенцы» - часть советских служащих и интеллигенции, подвергавшаяся политической дискриминации; военная интеллигенция - часть офицерского корпуса РККА, недовольная вмешательством политорганов ВКП(б) во внутреннюю жизнь армии. Соответственно внимание российской эмиграции сосредоточивалось на внутреннем состоянии этих слоев: прежде всего, анализировалась их способность активно выступить против советского режима¹⁷. Тщательно отслеживалось

вызрвание в недрах советского общества предпосылок к восстанию против коммунистической власти, перспективы возникновения «контрреволюционной ситуации»¹⁸. Однако, часто выдавая желаемое за действительное, эмигрантские теоретики Белого движения переоценивали готовность широких народных масс в СССР выступить против режима¹⁹.

Принимая ненависть народа к коммунистам и готовность вступить с ними в борьбу как аксиому, эмигранты строили свои проекты свержения советской власти по неверной системе координат, что, соответственно, приводило к ошибке: их призывы к борьбе не находили поддержки у народных масс, а отдельные локальные восстания легко подавлялись спецвойсками ОГПУ-НКВД²⁰.

Одна из точек зрения предполагала падение советской власти вследствие причин экономического характера, в частности, финансового кризиса: «...наступит момент, когда советские финансовые знаки совершенно утратят покупательную силу, а обнищание населения дойдет до полной неспособности предоставлять даже минимум средств для содержания армии, аппарат власти и ее сила - организация неизбежно рухнут»²¹. Падение РККА открывало для представителей военной эмиграции перспективы возвращения на службу в российские вооруженные силы, занятия в них высоких должностей и т.п., т.е. восстановления прежнего положения и влияния. Руководство РОВС, разыгрывая эту карту, подчеркивало, что те солдаты и офицеры, которые в эмиграции окончательно порвут с армией и Белым движением, впоследствии на службе в России восстановлены не будут²². При этом решалась основная задача командования - удержать как можно больше людей в РОВС и других военных организациях.

Роль решающей ударной силы в деле свержения большевиков Белая эмиграция отводила крестьянству. Теория «крестьянского восстания» была наиболее популярна в ее среде: «Большевизм будет свергнут ни минутой позже того, когда этого решительно захочет крестьянство. В организации крестьянства, собственными силами и подсобными силами интеллигенции, главнейшая задача момента»²³. В этих условиях военные структуры эмиграции - общества, союзы, штабы отдельных воинских подразделений - могли стать стержнем, вокруг которого бы началось формирование крестьянской повстанческой армии. Однако попытки создания подпольных монархических ячеек на территории СССР провалились²⁴.

Вспыхнувший в советской деревне в нач. 1920х годов голод также рассматривался российской эмиграцией как фактор дестабилизации внутреннего положения в Советской России²⁵. «В конечном счете задача фактического свержения большевистского режима будет выполнена восставшими крестьянами, - писал один из публицистов²⁶.

Оценивая соотношение сил у советских правительственных войск и крестьянских повстанческих отрядов, один из эмигрантских авторов писал: «Сделайте сопоставление: с одной стороны - у красного правительства - танки, бронепоезда, аэропланы, тяжелая артиллерия, пулеметы, кавалерия, саперы и т.д. и т.д., с другой - у крестьян - отсутствие специалистов и особенно командного состава и незначительность запасов винтовок и патронов, закопанных где-нибудь в лесу или на огороде»²⁷. Подобная ситуация породила теорию «Белого десанта» на территорию СССР, т.е. переход границы немногочисленной, но хорошо обученной, состоящей в

ГЕНЕРАЛ, ПРОФЕССОР Н.Н.ГОЛОВИН - ТЕОРЕТИК БЕЛОГО ЗАРУБЕЖЬЯ, РУКОВОДИТЕЛЬ ВЫСШИХ ВОЕННО-НАУЧНЫХ КУРСОВ В ПАРИЖЕ. ОБЛОЖКА КНИГИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 50-ЛЕТИЮ ВЫСШИХ ВОЕННО-НАУЧНЫХ КУРСОВ Н.Н.ГОЛОВИНА.

основном из кадровых офицеров армии с тем, чтобы возглавить крестьянское восстание в СССР и насытить силы повстанцев так необходимыми им военными специалистами²⁸.

На занятиях в Офицерской школе усовершенствования военных знаний (УВЗ) в Париже определялись места, где наиболее вероятно было возникновение восстания против коммунистического режима в СССР²⁹. На Высших военно-научных курсах РОВС под руководством генерала Н.Н.Головина читался специальный курс лекций, посвященный отработке военных действий Белой интервенционной армии в условиях новой Гражданской войны в Советской России³⁰. Возглавить армию должны были либо А.И.Деникин, либо П.Н.Врангель.

Большие надежды Белая эмиграция возлагала на крестьянство, еще и потому, что видела в нем носителя патриархальной (монархической) традиции, а также собственника, готового вступить в вооруженную борьбу с советским режимом за свою собственность. Переговоры с Петлюрой велись штабом П.Н.Врангеля еще в 1920 г., когда планировалось создание «третьей русской армии» под командованием генерала Бредова на территории Польши и Румынии³¹. Но особенно ярко эти мечты проявились в нач. 30х годов - в период коллективизации, когда в советской деревне действительно сложилась ситуация, близкая к состоянию Гражданской войны, порождавшая надежды, что «советская власть будет свергнута снизу, т.е. произойдет новая пугачевщина»³². В эти годы кулаки и другие антисоветские элементы все чаще стали переходить к открытому террору - вплоть до попыток организации «антиколхозных и антисоветских восстаний»³³. Данная концепция содержит в себе характерную для российской эмиграции ошибку - недооценку силы карательного исполнительного аппарата ВКП(б). Крестьянские выступления были подавлены на всей территории СССР, а закрытые границы и тотальный контроль не позволили активистам РОВС, Братства Русской Правды³⁴ перейти границы и вступить в борьбу. Фактически Белая эмиграция оказалась лишь в роли свидетельницы, происходивших в Советском Союзе событий³⁵. В свою очередь российская эмиграция, будучи оторвана от крестьянства и не имея возможности развернуть агитацию в его среде, была уязвима для контрпропаганды советских властей, которые «постоянно пугают крестьян тем, что, когда к власти вернуться помещики-дворяне и царские генералы, они отнимут у них, у крестьян, землю и заставят их платить за все награбленное и разрушенное»³⁶.

Состояние «рабочего вопроса» в Советской России также привлекало внимание Белой эмиграции и, казалось, давало ей надежды на проявление в ближайшем будущем социальной активности рабочего класса. «Материальное положение рабочих представляется весьма тяжелым. Не говоря о неудовлетворительности питания - снабжение рабочих предметами первой необходимости крайне недостаточное, в особенности в отношении обуви, одежды и белья», - писал один из эмигрантских публицистов³⁷. Советский режим «поставил перед рабочим классом основной вопрос его существования: нужно ли сохранять режим, разоривший, развративший, дезорганизовавший рабочий класс и его профессиональное движение...»³⁸. Многие российские эмигранты сами оказались на положении

**ЛИДЕР ЗАРУБЕЖНОГО БЕЛОГО
ДВИЖЕНИЯ,
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
РУССКОЙ АРМИЕЙ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РОВС ГЕНЕРАЛ,
БАРОН П.Н.ВРАНГЕЛЬ.**

П.Н.Врангель обращался к французскому правительству. 15 марта 1922 г. начальник штаба П.Н.Врангеля писал генералу А.П.Кутепову: «Ввиду предстоящего возможно в близком будущем открытия нами совместно с известной Вам коалицией государств, военных действий против советской власти в России, главнокомандующий приказал срочно, не позднее 31 марта, представить на его рассмотрение мобилизационный план вверенного Вам корпуса»⁴¹. Мобилизационный план предусматривал следующие действия: 1-й армейский корпус должен был развернуться в армию двухкорпусного состава. Укомплектование следовало произвести добровольцами в числе 20 000 (65% офицерский состав), находившимися в пределах Болгарии, Югославии, Румынии и Чехословакии, а также мобилизованными в числе до 25 000 человек, располагавшимися исключительно в Болгарии (50% офицерский состав). Снабжение армии оружием, боевыми припасами, снаряжением, обмундированием и амуницией должно было произойти на территории Румынии из военных складов в Констанце. Районы сосредоточения и места переправ через Дунай должны были быть сообщены при объявлении мобилизации⁴².

Осенью 1922 г. в Болгарии генералом В.Покровским была создана тайная военная организация, имевшая своей целью подготовку десанта на Кубань: «...предполагалось высадить на Кавказском побережье вооруженные и политически подготовленные кадры с тем, чтобы при их помощи поднять и развить весной повстанческое движение»⁴³. Был сформиро-

собственных - крайне агрессивных - настроений. Это однако не соответствовало настроениям советских рабочих и тем возможностям политической деятельности, которыми они располагали. Поэтому ставка эмиграции на взрыв рабочих забастовок в СССР не оправдалась. Советские рабочие, страдавшие от издержек форсированной индустриализации, в то же время за восстановление монархии в России, не выступали³⁹.

В недрах военной эмиграции постоянно дремала идея военного похода против СССР⁴⁰.

В 1922 г. руководством Русской армии был разработан план нанесения удара по Советской России с территории Румынии. В связи с началом подготовки этой операции генералом П.Н.Врангелем было дано распоряжение увеличить части Русской армии, находящиеся на территории Румынии, до 15 000 человек. С просьбой о поднятии боеспособности румынской армии

Кубань: «...предполагалось высадить на Кавказском побережье вооруженные и политически подготовленные кадры с тем, чтобы при их помощи поднять и развить весной повстанческое движение»⁴³. Был сформирован штаб, в состав которого вошли генералы Золотаревский, Гетманов и Муравьев, полковники Буряк и Бабкин. В Софии и Варне были организованы разведывательно-информационные пункты и «в разных городах Болгарии своя агентура»⁴⁴. Организация В.Покровского снабжалась деньгами банкиром Гайдуковым (директором «Русско-сербского дружества») и А.А.Трусовским. Кроме того, 56 000 левов были получены у сербского консула в Варне⁴⁵. Однако планам организации не было суждено сбыться: члены штаба были арестованы болгарскими властями, а генерал В.Покровский убит при попытке к бегству.

В 1925 г., по данным советской разведки, у великого князя Николая Николаевича состоялось секретное совещание, в котором участвовали П.Н.Врангель, А.И.Деникин, А.П.Кутепов, А.С.Лукомский, а также представители английского и французского Генеральных штабов - Хенкен и Дегюи⁴⁶. Обсуждался вопрос о подготовке повстанческих отрядов для начала новой Гражданской войны на территории СССР. Численность повстанческих отрядов предполагалось довести до 6000 человек. Кутепов и Эрдели проинформировали о деятельности в СССР антисоветского подполья и предложили безотлагательно заняться практической подготовкой новой военной интервенции. Однако представители Антанты были более чем сдержаны. Они сделали заявления о моральной поддержке, но никаких практических обещаний не дали⁴⁷.

Материалы французской контрразведки содержат сведения о создании военной белоэмигрантской организации «Армия добровольцев Запада», ставившей своей целью осуществление вооруженной интервенции против СССР⁴⁸.

Руководство РОВС искусственно «подогревало» идею нового военного похода в эмигрантском сознании, тайно распространяя слухи о различных готовящихся военных приготовлениях, переговорах с высшими командирами РККА о совместных действиях против коммунистической власти и т.п. Собиралась и тщательно анализировалась информация о настроении личного состава Красной армии⁴⁹. Эта тактика имела еще одну, на первый взгляд, незаметную цель: она внутренне мобилизовывала военную эмиграцию, придавала вес ее организациям, сохраняла значение погон и воинских званий и, прежде всего, позволяла командованию удерживать власть в своих руках⁵⁰. «Сколько раз в течение этих четырех лет наши монархисты трубили походы то под командой великого князя Николая Николаевича, то под начальством генерала П.Н.Врангеля, назначая сроки этих походов; но никто в поход не двинулся, и от этих трубных звуков не пали стены большевизма!»⁵¹.

В то же время не все лидеры Белого движения разделяли идею необходимости нового военного похода против СССР. Так, генерал А.И.Деникин «высказывался... против участия русских политических эмигрантов (и в первую очередь своих бывших соратников) в иностранной авантюре, направленной против России»⁵². Теоретики Белой военной эмиграции выделяли ряд факторов, делавших по их мнению Красную армию ненадежной для советского режима:

**ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ -
ОДИН ИЗ ЛИДЕРОВ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ,
КАНДИДАТ НА ИМПЕРАТОРСКИЙ ПРЕСТОЛ.
С 1924 Г. ВЗЯЛ НА СЕБЯ ВЕРХОВНОЕ РУКОВОДСТВО РОВС.
ИМЕННО С ЕГО ИМЕНЕМ СВЯЗЫВАЛОСЬ БОЛЬШИНСТВО
ПРОЕКТОВ СВЕРЖЕНИЯ БОЛЬШЕВИСТСКОГО РЕЖИМА.**

1. Крестьянский (по преимуществу) состав.

В связи с этим «...колхозный нажим на армию явился в высокой мере опасным экспериментом, грозившим не только организационным и дисциплинарным развалом армии, но и полной потерей ее как опоры советской власти»⁵³. Особое внимание обращалось на кризис в деревне 1930 г., когда брожение в армии в связи с политикой коллективизации показало, что «Красная армия - опора для нее (т.е. советской диктатуры) сомнительная, по крайней мере до тех пор, пока диктатура решительно не откажется от искусственной «социализации русской деревни». Утверждение, что «крестьянская армия не может быть армией социализма, ни тем более армией «пролетарской диктатуры», давало Белой эмиграции надежду на то, что в случае вооруженной борьбы Белых военных формирований с РККА, последняя перейдет на их сторону»⁵⁴.

Значительно принижая значение командирского корпуса - «в Красной армии нет специфической военно-командирской касты и нет тем более за нею каких-либо головокружительных военных побед...»⁵⁵, - военная эмиграция подчеркивала, что «бесконечно травленная окисями коммунизма, Красная армия все же остается плоть от плоти и костью от кости грандиозного крестьянского массива России»⁵⁶ и, следовательно, в основе ее массового сознания лежит крестьянская психология. Отсюда делался вывод о возможности использования силы РККА для свержения большевизма.

2. Недовольство офицерского корпуса - военной интеллигенции - вмешательством ВКП(б) в дела армии.

3. Идеологическое непринятие солдатской и офицерской массой Красной армии политических лозунгов ВКП(б): пролетарского интернационализма и отказа от понятия Отечества.

По мнению идеологов Белого движения в эмиграции, Красная армия должна была не столько рассыпаться под ударами воссозданной Белой армии, сколько взорваться изнутри, вследствие накопившихся в ней противоречий: «...можно утверждать, что ныне существующая в пределах Русской земли вооруженная сила в процессе политической эволюции страны перестанет существовать как таковая «Красная армия» в силу особенностей ее возникновения, организации, комплектования и быта, является организмом хрупким и тесно связанным с политической системой, ее породившей»⁵⁷.

С уверенностью в переходе Красной армии на сторону Белого движения против большевистского режима выступил великий князь Кирилл Владимирович, заявивший в своем обращении «К российскому воинству»: «...Слава и тем, которые под гнетом ненавистной им чужеродной власти на Родине хранят в душе верность Царю православному и в день яркого восторжествования в их сердцах правды сбросят с себя мучительное иго.

Нет двух Русских армий!

Имеется по обе стороны рубежа российского единая Русская Армия, беззаветно преданная России...

Она спасет нашу многострадальную Родину»⁵⁸.

Данное заявление Кирилла Владимировича было явно обращено в первую очередь к офицерскому корпусу РККА, как призыв к совместным действиям против ВКП(б) и советских спецслужб. Эта позиция отражала точку зрения российской военной эмиграции, считавшей, что Красная армия перейдет на ее сторону⁵⁹.

Мнение части идеологов эмиграции выражала «теория заговора». Согласно этой точке зрения широкие народные массы СССР как бы отводились «за кадр» - они практически не должны были принимать участия в грядущих событиях, ограничившись дружественным Белым войском нейтралитетом, - а решающая роль отводилась группе сторонников Белого движения, которые должны были проникнуть в руководство советским государственным аппаратом и в «час X» парализовать его. В секретной записке, подготовленной контрразведкой РОВС, в частности, говорилось: «Рассчитывать на свержение коммунистической власти путем широких народных восстаний нельзя. Массы населения сами по себе не будут свергать нелюбимую власть, но не будут и поддерживать ее; наоборот, они будут приветствовать ее падение. Само же падение власти может быть произведено тщательно подготовленным активным меньшинством. При этом задачей во время подготовительной стадии ставилось «возможно большее проникновение в аппарат советской власти для его дезорганизации и парализования в момент действий...»⁶⁰.

Предпринимались также попытки создания подпольных организаций на территории СССР. В 1923 г. советскими спецслужбами были ликвидированы в Краснодарском крае четыре белогвардейские организации, в том числе одна врангелевская. Тогда же были раскрыты «связанные с белой эмиграцией религиозно-монархические группы в Курске, белогвардейские группы в Витебске, Вольске, Пермской губернии»⁶¹.

Интересна точка зрения, согласно которой предподией к широкой социальной революции в СССР мог послужить заговор в ВКП(б). «Большевики, имея в своих руках совершеннейший сыскной аппарат, держат в своих руках 170 миллионов населения. Но как только ГПУ «прозевает» какой-либо заговор, то может случиться, что сначала произойдет «дворцовый переворот», а затем и новая, настоящая социальная революция»⁶². Подобный взгляд хорошо показывает, насколько в кругах российской эмиграции переоценивали степень готовности народных масс в СССР к вооруженному выступлению против советского режима.

Теория перерождения ВКП(б) занимала значительное место в футурологических концепциях Белой эмиграции. При этом основные надежды возлагались на экономический фактор: «...НЭП, объявленный в 1921 году, есть «переходный этап», но не к социализму, а к капитализму..., - писал П.Гарви в 1928 г. - Под влиянием НЭПа несудержимо идет сползание большевистской диктатуры в сторону заурядного буржуазного бонапартизма»⁶³. А трансформация революционной власти в буржуазную империю, соответственно, вселяла в эмиграцию надежды на возвращение на Родину и даже на политическую реставрацию, по образцу Франции XIX века.

Эмигрантская контрразведка пристально следила за положением дел в ВКП(б), выявляя малейшие признаки раскола в партии⁶⁴. По мне-

нию теоретиков Белого лагеря эмиграции, подобный раскол должен был привести к потере ВКП(б) власти в стране, к всенародному восстанию против коммунистической власти и к началу нового этапа Гражданской войны⁶⁵.

Одной из немногих идей в комплексе военно-политических доктрин Белой эмиграции, получивших практическое воплощение, стала теория «политического активизма», популярная в кон. 1920х - нач. 1930х годов. Она предполагала индивидуальный террор против лидеров ВКП(б) и ее руководящих структур⁶⁶. Однако организация ряда террористических актов на территории СССР и за границей (убийство П.Л.Войкова в Варшаве (1927), взрыв в Центральном партклубе в Ленинграде (1927), взрыв у здания ОГПУ в Москве (1928) и др. не принесли желаемого результата и не вызвали проявлений политической активности масс⁶⁷. Со второй половины 1930х годов военная эмиграция отказывается от этого метода борьбы.

Российская эмиграция, рассматривавшая себя хранительницей духовного и интеллектуального наследия Российской империи, понимала свое возвращение на Родину после свержения советской власти, не как возвращение отдельных лиц после изгнания, а как привнесение в историческую жизнь страны новой политической силы, призванной в корне изменить ее исторический путь.

Таким образом, на протяжении 1920-1930х годов российская военная эмиграция разрабатывала целый комплекс военно-политических доктрин, направленных на свержение советского режима и восстановление в стране многих норм дореволюционной жизни, а также на реализацию совершенно новых футурологических проектов.

Военно-политические доктрины и взгляды российской военной эмиграции формировались в условиях информационной блокады со стороны СССР: теоретики военной эмиграции располагали лишь отрывочными, часто искаженными сведениями о положении в СССР, что приводило к ошибкам в расчетах и неверной оценке внутренней ситуации в Советском Союзе.

Военно-политические доктрины российской военной эмиграции отражали ее менталитет, степень понимания происходящих в России и в мире событий и сочетали в себе как наивные взгляды на сложившуюся ситуацию, так и глубокие, осмысленные точки зрения, не лишённые исторической проницательности.

Особую проблему составляет анализ эмигрантских военно-политических доктрин с точки зрения их реалистичности. Вряд ли разумно объявлять все данные проекты абсолютно утопичными и не имевшими никаких шансов на успех. В случае, если бы в 1930е годы произошла дестабилизация внутреннего положения в СССР и социальный взрыв, то военная эмиграция в данной ситуации могла бы стать серьезной военно-политической силой.

Дальнейшее углубленное изучение данной проблемы позволит ликвидировать еще одно из «белых пятен» отечественной истории.

¹Контрреволюционные вооруженные силы за рубежом и на территории Советской России. Составные, организация и деятельность за период с 1-го октября

- 1921 г. по 1-е января 1922 г. (Материалы стратегической разведки РККА). - Б.М., 1922. - С.11.
- ² Шкаренков Л. Наваждение белых миражей (О судьбах и утраченных иллюзиях русской эмиграции) // Переписка на исторические темы. - М., 1989. - С.286.
- ³ Русский Обще-Воинский союз был создан по приказу генерала П.Н.Врангеля 1 сентября 1924 г. как объединение всех военных обществ и союзов в эмиграции.
- ⁴ Казаки за границей (март 1932 - март 1933 гг.). - София, 1933. - С.3; Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК). Ф.1.Оп.27.Д.12596.Л.78.
- ⁵ ГАРФ. Ф.5826.Оп.1.Д.103(4).Л.202.
- ⁶ Там же.Д.86.Л.5; Белогорский Н. Что же должны мы делать? - Ницца, 1930. - С.6.
- ⁷ ГАРФ.Ф.5826.Оп.1.Д.86.Л.5.
- ⁸ Бутков В.Н. Кутеповец С.С.Аксаков // Наши вести. - 1990. - № 2. - С.24.
- ⁹ ЦХИДК. Ф.1.Оп.27.Д.12541.Л.204.
- ¹⁰ Прянишников Б. Незримая паутина. ВЧК-ГПУ-НКВД против белой эмиграции. - СПб., 1991. - С.144.
- ¹¹ ЦХИДК. Ф.7.Оп.1.Д.710.Л.171.
- ¹² Морозов Л.Ф. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией (1926-1929 гг.): из истории ликвидации капиталистических элементов города. 1926-1929 гг. - М., 1960. - С.89.
- ¹³ Хохлок Г.С. Уроки борьбы с контрреволюцией. - М., 1981. - С.75.
- ¹⁴ Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. - М., 1986. - С.32.
- ¹⁵ Пешехонов А.В. Современная Россия в цифрах. - Прага, 1925. - С.4.
- ¹⁶ За Русь святуго! - Белград, 1937. - С.80; ГАРФ. Ф.5826.Оп.1.Д.167(2).Л.140, 142.
- ¹⁷ Гольденвейзер А. Якобинцы и большевики (Психологические параллели). - Берлин, 1922. - С.31.
- ¹⁸ Шадрин Э.И. Революция и контрреволюция. - Ярославль, 1975. - С.25.
- ¹⁹ Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. - М., 1992. - С.146.
- ²⁰ ГАРФ. Ф.5826.Оп.1.Д.103(8).Л.449.
- ²¹ Писаренко Д.С. К проблеме экономического восстановления России. - Берлин, 1923. - С.105.
- ²² ГАРФ. Ф.5826.Оп.1.Д.2.Л.175.
- ²³ Горелов М. Заметки о большевизме. - Берлин, 1920. С.19.
- ²⁴ Кючкасов Н. Белогвардейский террор против СССР. - М.;Л., 1929. - С.33.
- ²⁵ Попов Г.К. Стремящимся в Россию (Жизнь в советской республике). - Берлин, 1924. - С.10.
- ²⁶ Горелов М. Заметки о большевизме. - С.18.
- ²⁷ Там же. - С.20.
- ²⁸ Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927-1932 гг. - М., 1989. - С.491.
- ²⁹ Карханин М.В. Лекции по военной географии СССР и сопредельных стран. Вып.1. Общий обзор границ СССР. - Париж, 1931. - С.4.
- ³⁰ Зарубежные Высшие военно-научные курсы под руководством профессора, генерал-лейтенанта Н.Н.Головина. 1927 - 22 марта - 1977. - Мюнхен, 1977. - С.23-25.
- ³¹ Лихолат А.В. Разгром националистической контрреволюции на Украине (1917-1922 гг.). - М., 1954. - С.195.
- ³² Билинович А. К вопросу об экономической программе национальной России. - Белград, 12936. - С.6.
- ³³ Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. 1929-1932. - М., 1972. - С.248.

-
- 34 Братство Русской Правды - военно-политическая организация, осуществившая в кон. 1920 - нач. 1930 гг. Ряд террористических акций в приграничных областях Дальнего Востока, Прибалтики, Белоруссии.
- 35 Гольденвейзер-Любимов Н. Да здравствует эмиграция. - Париж, 1929. - С.27.
- 36 Гиришкопф. М. Кто и что победит большевиков. - Варшава, 1921. - С.43.
- 37 Ракетов А. Очерки экономического и финансового положения современной России. По официальным данным. - Ревель, 1921. - С.62.
- 38 Загорский С. Рабочий вопрос в советской России. - Берлин, 1925. - С.7, 11.
- 39 Свободная Россия (Париж). - 1925. - № 8. - С.513.
- 40 Цуриков Н. Советское правительство, иностранцы, война и позиция эмиграции (Основные положения доклада на тему «Возможная война против СССР и позиция эмиграции»). - София, 1936. - С.15; Калинин И. На болгарском плацдарме (Из истории взаимоотношений Врангеля и болгарского правительства) // Военная мысль и революция. - М., 1923. - С.120.
- 41 Контрреволюционные русские политические группы и вооруженные силы за рубежом и на территории Советской России. Состояние, организация и деятельность за период с 1 апреля по 1 июля 1922 года. - Б.м., 1922. - С.5.
- 42 Там же. - С.6.
- 43 Контрреволюционные русские политические группы... Состояние, организация и деятельность за период с 1 октября 1922 г. по 1 января 1923 г. - Б.м., 1923. - С.5-6.
- 44 Там же. - С.10.
- 45 Там же. - С.7.
- 46 Старков Б. Трагедия советской военной разведки. - М., 1991. - С.25.
- 47 Кривицкий В. Я был агентом Сталина. - М., 1991. - С.25.
- 48 ЦХИДК. Ф.284.Оп.1.Д.69.Л.12.
- 49 Зензинов В. Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе? Письма в Красную армию. 1939-1940 гг. - Нью-Йорк, 1944. - С.49.
- 50 Миллер Е.К. Армия. Доклад на конференции Национального союза в Париже. 13.07.24. - Белград, 1924. - С.3.
- 51 Письма к соотечественникам. - Белград, 1924. - С.1.
- 52 Лехович Д. Белые против красных (Судьба генерала Антона Деникина). - М., 1992. - С.291.
- 53 Иванович С. (Талин В.) Красная армия. - Париж, 1931. - С.152.
- 54 Там же. - С.60, 153.
- 55 Там же. - С.231.
- 56 Там же. - С.232.
- 57 ГАРФ. Ф.5826.Оп.1.Д.25(2).Л.48.
- 58 ГАРФ. Ф.8091.3А-6с.Л.14, 20.
- 59 ГАРФ. Ф.5826.Оп.1.Д.1666.Л.2.
- 60 Там же. Д.86.Л.4, 5.
- 61 Трифионов И.С. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. - М., 1975. - С.184.
- 62 Правда о Советской России (По личным наблюдениям и материалам советской печати и статистики). - Нью-Йорк, 1937. - С.99.
- 63 Гарви П.А. Закат большевизма. Десять лет диктатуры. - Рига, 1928. - С.45.
- 64 ГАРФ. Ф.5826.Оп.1.Д.167(2).Л.123.
- 65 Кочаровский К. Зарубежье и отечество. В чем мы согласны - что нам делать? - Белград, 1937. - С.2.
- 66 ЦХИДК. Ф.7.Оп.1.Д.392.Л.151; Ларионов В. Босвая вылазка в СССР. - Париж, 1931. - С.47.
- 67 Прянишников Б. Незримая паутина ВЧК-ГПУ-НКВД против белой эмиграции. - СПб, 1993. - С.158.
-

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОБЩЕСТВА СИБИРЯКОВ В ЧЕХОСЛОВАКИИ ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЯКУШЕВА

В исследованиях по истории русской эмиграции до сих пор не уделялось должного внимания общественной деятельности бывшего председателя Сибирской областной думы Ивана Александровича Якушева. А ведь вся его жизнь в эмиграции - пример подвижничества, высокого служения демократической идее, настоящего патриотизма и многолетней работы во имя своей далекой, но любимой всем сердцем Сибири.

Простое перечисление общественных акций И.А.Якушева в эмиграции дает представление о нем как о выдающемся деятеле культуры русского зарубежья: председатель Общества сибиряков в Чехословакии, сопредседатель Союза земств и городов (Земгора), редактор и издатель сборников «Вольная Сибирь» и «Сибирский Архив», заведующий Сибирским отделом при Институте изучения России, затем Кабинетом изучения Сибири, управляющий Русской публичной библиотекой имени Т.Г.Масарика, член комиссии по управлению Русским культурно-историческим музеем в Праге.

О роли И.А.Якушева в создании этого музея следует сказать особо. В книге Э.Докашевой «Русский культурно-исторический музей в Праге» (М.,1993) об И.А.Якушеве упоминается лишь вскользь¹. Говоря подробно о переписке В.Ф.Булгакова с Н.К.Рерихом и о роли Рериха в формировании экспозиции музея, совершенно упускается из виду то, что идея организации этого музея принадлежала именно И.А.Якушеву. В письме Н.К.Рериху от 12 февраля 1932 г. он, в частности, писал: «...От Г.П.Шклявера² получил недавно письмо и издания парижского отдела музея. Он приветствовал мою мысль создать в Праге отделение Вашего музея... Конечно, создание пражского отдела не исключает образования здесь группы Сибирского отдела музея имени Рериха...»³.

Многолетняя переписка И.А.Якушева с известными общественными и политическими деятелями России, которые были очень влиятельны в эмигрантской среде - П.Н.Милоковым, А.Ф.Керенским, Н.К.Рерихом; писателями и поэтами - Гр.Гребенниковым, А.Несмеловым, Б.Волковым,

делают эту переписку, как и дневники И.А.Якушева, достойными самого пристального внимания исследователей русской истории. Но прежде, чем продолжить рассказ о деятельности нашего героя в Чехословацкой республике (ЧСР), напомним читателю некоторые вехи его биографии.

Иван Александрович Якушев (1882 - 1935) родился в Сургуте Тобольской губернии. Учился в гимназии, закончил среднее техническое училище в Омске. Работал в Туркестане в переселенческом управлении. В 1905 г. за агитацию среди крестьян был арестован и выслан в Киренск Иркутской губернии. С января 1914 г. служил в Иркутском городском общественном управлении, а с января 1915 г. - секретарем исполнительной продовольственной комиссии. В июле 1917 г. он был назначен председателем Иркутского продовольственного комитета, избран членом Иркутской областной думы и председателем фракции социалистов-революционеров. К этому времени Якушев - один из активных деятелей сибирского областничества, член ЦК партии эсеров. В октябре и декабре 1917 г. - участник съездов областников в Томске.

26 января 1918 г., накануне открытого заседания Сибирской областной думы, Иван Александрович был арестован большевиками в Томске и отправлен в Красноярскую тюрьму. Однако на следующий день, 27 января, Якушева заочно избрали председателем Сибирской областной думы. Выйдя на свободу, он возглавил борьбу за влияние в крае, развернувшуюся между думой и Временным Сибирским правительством. Прочные контакты И.А.Якушев установил с представителями Сехословацкого национального комитета Ф.И.Рихтером в Омске и И.И.Глюссом в Томске. В сентябре 1918 г. Якушев со своими сторонниками, опираясь на поддержку чехословаков, прибыл в Омск с целью арестовать правительственный Административный совет. Но в ночь на 21 сентября сам был задержан по распоряжению начальника омского гарнизона. И.А.Якушев подлежал высылке из города, но, перейдя на нелегальное положение, еще некоторое время продолжал противодействовать властям.

В кон. сентября 1918 г. Сибирская областная дума была упразднена, а Якушев отправился во Владивосток. Почти год спустя, он принимал активное участие в подготовке антиколчаковского переворота под руководством генерала Р.Гайды. Предполагалось, что Якушев возглавит Временное народное управление Сибири - высший орган власти до созыва Всесибирского земского собора. Однако переворот провалился.

Одновременно во Владивостоке И.А.Якушев состоял членом Дальневосточного отделения Всесибирского союза земств и городов. В 1921 г. он пытался наладить издание общественно-политической внепартийной газеты «Дальневосточная жизнь». Выехав из Владивостока 28 января 1922 г. представителем союза земств и городов, И.А.Якушев поселился с семьей в Братиславе. Здесь он вскоре познакомился с основателем и первым ректором Томского технологического института профессором Е.Л.Зубашевым, в общении с которым у Ивана Александровича возникла идея создания в Чехословакии сибирского землячества для изучения Сибири на внепартийной основе. Ради этой цели в кон. 1924 г. Якушев с женой и дочерью переехал в Прагу. «Те обстоятельства, которые лежат на мне, как на сибиряке, который хочет и в изгнании быть полезным своей Родине, побуждали меня переехать в Прагу, где для реализации чисто си-

бирских задач больше возможностей, нежели в Братиславе», - писал он в своем дневнике⁴.

Здесь в 1926 г. он создал Общество сибиряков в ЧСР. По уставу, принятому 14 февраля 1926 г., в задачи Общества входило объединение всех сибиряков, проживавших за границей России, обслуживание их духовных и материальных потребностей, а также изучение и ознакомление членов Общества и чехословацкой общественности с экономическим, историко-этнографическим, географическим и другими вопросами Сибири. В круг ведения Общества включались также задачи практического характера: учет сибиряков, живущих в ЧСР, защита их материальных интересов, бесплатный поиск работы, устройство в высшие, средние и технические школы и т. д. Эти задачи по мере возможности решались благодаря изданию альманаха «Вольная Сибирь» и приложения к нему - «Сибирский Архив».

Формирование сети корреспондентов, покупка рукописей мемуаров и художественных произведений для опубликования, рассылка изданий Общества сибиряков для распространения в разных странах помогали многим отчаявшимся людям обрести смысл существования на чужбине. Подтверждение этому - многочисленные письма, сохранившиеся в архиве И.А.Якушева⁵. Высланный из Сибири в Литву священник Г.Шорец сообщал: «Узнав из газет о выходе в свет журнала «Вольная Сибирь», как сибиряк, сравнительно недавно высланный из СССР, очень желал бы поделиться с журналом своими переживаниями о Сибири... Вместо гонорара прошу выслать... сборник «Вольная Сибирь»... Хотя мне предлагают сдать материалы Берлинскому «Белому Делу», но я предпочитаю «Вольную Сибирь»⁶. А.П.Стуков из Австралии писал: «Здесь, в Австралии, живя в своем одиночестве и в глубокой тоске по родному краю, я зачитываюсь сибирскими сборниками. Я с детства любил Сибирь, любил и поныне...»⁷.

В архивных фондах сохранилось множество ходатайств И.А.Якушева правительству Чехословакии об издании трудов ученых-сибиряков, мемуаров общественных деятелей Сибири, художественных произведений сибирских писателей и поэтов. Вот пример такого ходатайства. «Прилагая при сем докладную записку б(ывшего) профессора Томского университета по кафедре русского языка и русской словесности А.Д.Григорьева об издании в ЧСР его труда по диалектологии сибирского старожилородного населения, правление (Общества сибиряков - Н.Б.) считает, что названный труд является пока что единственной работой в этом направлении и полагало бы необходимым приступить к его изданию...», далее следует просьба о выделении 20 000 чешских крон, хотя бы на первые двадцать печатных листов этой монографии⁸.

Альманах «Вольная Сибирь» был задуман И.А.Якушевым как трибуна для свободной полемики по вопросам будущего устройства Сибири, освобожденной от большевистского гнета. Определяющим был вопрос о самостоятельном региональном развитии этой области в составе России. «Вольная Сибирь», таким образом, была печатным органом сибирских областников, стремившихся и в эмиграции сохранить и донести до общественности свои идеи.

Для первого выпуска альманаха его редактор И.А.Якушев отобрал материалы, которые могли бы привлечь внимание свободно мыслящего демократического читателя, любящего Сибирь и желающего работать для ее блага. Этот номер был посвящен памяти Г.Н.Потанина, его политическим взглядам, общественной и научной деятельности⁹.

После выхода первого выпуска со всех концов планеты в Общество сибиряков пошли письма и посылки с материалами для следующих выпусков. Писали из Англии, Канады, Китая, Аргентины, Австралии, США, Туниса и многих других стран с просьбой выслать журнал. Вскоре Якушев организовал сеть корреспондентов «Вольной Сибири» в разных странах, появились и распространители альманаха.

В Нью-Йорке, Сан-Франциско, Париже, Лондоне существовали сибирские землячества. Были объединения сибиряков в Японии, Китае, Австралии. Активно работали сибирские центры в Югославии, Венгрии, Болгарии. Во всех этих городах и странах продавался альманах «Вольная Сибирь», отовсюду в огромном количестве поступали материалы для публикаций. И.А.Якушев в статье «На путях и перепутьях» писал: «...вокруг единственного сибирского журнала за границей произошло объединение литературных и общественных сил сибиряков-эмигрантов... Между редакцией и сибиряками, проживающими в изгнании, установилась постоянная связь и сотрудничество»¹⁰.

Огромный мемуарный, научный, художественный материал, поступавший в адрес редакции, требовал систематизации, и вскоре Якушев организовал Сибирский исторический архив, который ставил «себе задачей собрать материалы и документы, сообщения и воспоминания участников этого бурного периода жизни (Гражданской войны в Сибири - Н.Б.) и сохранить собранный материал для будущей освобожденной Сибири»¹¹. Вскоре документы этого архива стали публиковаться в приложении к «Вольной Сибири» - в сборнике «Сибирский Архив»¹².

С 1927 по 1930 гг. вышло восемь выпусков альманаха «Вольная Сибирь» (выпуск № 6-7 - сдвоенный). Вначале издание было задумано как общественно-экономический сборник, но с пятого номера в нем появился литературный раздел. Регулярно присылали в альманах свои новые произведения Гр.Гребенников из США, Н.К.Рерих из Индии, печатаются стихи Б.Волкова и А.Несмелова.

Альманах был замечен крупнейшими русскими изданиями разных стран и получил самые лестные отзывы в прессе. Например, «Последние новости» в Париже отмечали: «Интересно задуманное и удачно выполняемое издание это, несомненно, имеет свой смысл и может принести немалую пользу»¹³. А газета «Руль» в Берлине писала, что «Вольная Сибирь» остается органом, заслуживающим существенного внимания и всяческой поддержки¹⁴.

«Вольной Сибири» и «Сибирским Архивом» заинтересовались советские организации - «Международная книга» в Москве, Западно-Сибирский отдел Русского Географического Общества в Омске и другие¹⁵. Особый интерес к этим сборникам проявил Гуверовский центр (Стэнфордского университета в США). С сотрудницей библиотеки университета Еленой Вранек И.А.Якушев поддерживал многолетнюю пере-

писку¹⁶ и даже смог добиться от Гуверовского центра в 1934 г. получения 50 долларов для выпуска пятого номера «Сибирского Архива»¹⁷.

Много сил и времени потратил Иван Александрович для поиска денег на издание сибирских сборников. Вначале финансирование шло из специального фонда помощи русским эмигрантам в ЧСР при министерстве иностранных дел Чехословакии. Когда в 1929 г. эта помощь полностью прекратилась, некоторые средства находились за счет подписки на альманах и от его продажи в разных странах. Но, чаще всего, всем желающим И.А.Якушев высылал сборники бесплатно: русские эмигранты с годами становились все беднее. На пожертвования более удачливых земляков - Ф.С.Минсветова, Гр.Гребенникова, Н.К.Рериха - рассчитывать не приходилось. Но и в этих условиях, заинтересовывая и привлекая чешских правительственных чиновников, участвуя во всевозможных комиссиях, сохраняя и умножая Русскую библиотеку в Праге, Якушев готовил к печати и выпускал «Вольную Сибирь» и «Сибирский Архив» вплоть до своей скоростижной смерти 11 октября 1935 г. К тому же, в 1930 г. вышел первый (и единственный) номер «Вестника Общества сибиряков» в Праге¹⁸.

Хочется коснуться еще хотя бы двух аспектов деятельности И.А.Якушева в Праге. В 1926 г. он организовал и возглавил Сибирский отдел при Институте изучения России, основными задачами которого были: а) соби́рание, систематизация и обработка данных о Сибири; б) составление библиотеки по сибиреведению; в) ведение текущей библиографии о Сибири; г) устройство докладов, рефератов, лекций и сообщений о Сибири; д) издание трудов; е) консультация и предоставление разного рода справок по вопросам хозяйства и быта Сибири.

В 1929 г. с закрытием Института изучения России Сибирский отдел был преобразован в Кабинет изучения Сибири, сначала при культурно-просветительском отделе Земгора, а затем (в том же году) при Обществе сибиряков в ЧСР. Несмотря на скромные средства, получаемые от министерства иностранных дел, и небольшой личный состав, состоящий из заведующего и одного научного сотрудника, Кабинет изучения Сибири развернул широкую организационную и научно-исследовательскую деятельность.

Так, в целях сбора и систематизации современных данных о Сибири, Кабинетом велась текущая картотека по особо выработанному стандарту. В ней были отделы, охватывающие территорию, население, общественную и хозяйственную жизнь в современной Сибири. Эта картотека все время пополнялась материалом из текущей советской периодики, библиографией выходящих книг и статей.

Справочная библиотека по сибиреведению состояла на 1 января 1932 г. из 700 отдельных томов, распределенных по шестнадцати отделам, в частности: Гражданская война в Сибири; периодические сибирские издания; ископаемые богатства; краеведение; история; промышленность; колонизация и переселение в Сибирь.

В библиотеке среди книг имелись редкие и ценные издания, как, например, первое издание «Сибирской истории» Фишера, «Новейшее повествование о Восточной Сибири» Семевского и др.¹⁹.

Таким образом, картотека и библиотека Кабинета изучения Сибири давали возможность заинтересованным лицам исчерпывающим образом ознакомиться с современным хозяйством, общественной жизнью и бытом края. В этом отношении Кабинет являлся единственным учреждением за границей, располагавшим значительным подобранным и систематизированным материалом по сибиреведению.

При Кабинете работали две секции: архивно-историческая и библиографическая. Сам И.А.Якушев был, к тому же, выдающимся библиографом. Вся работа по систематизации и описанию архивных и книжных фондов велась лично им.

Издательская деятельность Кабинета из-за отсутствия необходимых средств была довольно скромной. Однако, из печати вышли: «Материалы для сибирской библиографии. Гражданская война и ингервенция в Сибири. 1917 - 1920 гг» под ред. И.А.Якушева. Вып.2-Б Прага,1930; И.А.Якушев. Сибирь в цифрах. По переписи 1926 года и современным данным. Прага,1927; Die Zukunft Sibiriens Bibliothek des Wirtschaftsdienstes «Penegni Bursa». Praga,1928.

Материалы Кабинета широко использовались сотрудниками общественно-литературного сборника «Вольная Сибирь» и других изданий. Благодаря неустанным трудам И.А.Якушева Кабинет изучения Сибири вел регулярный обмен изданиями с другими научными учреждениями за границей.

Свое существование Кабинет прекратил в 1934 г. в связи с полным отсутствием средств, хотя И.А.Якушев еще в 1935 г. прилагал огромные усилия, чтобы заинтересовать деятельностью и Кабинета, и, в целом, Общества сибиряков в ЧСР деловые круги Европы и США. В письме Н.К.Рериху он писал: «Кабинет изучения Сибири... смог бы заинтересовать научные и торгово-промышленные круги и привлечь те средства, которые необходимы на содержание этого учреждения...»²⁰.

Все эти попытки оказались тщетными. Безмерно сожалел о прекращении деятельности Общества сибиряков в ЧСР и Кабинета изучения Сибири в связи с отсутствием финансов и отъездом членов Общества в другие страны, Иван Александрович Якушев стремился сохранить еще одно выдающееся явление русской Праги 1920-1930 годов - Русскую библиотеку имени Т.Г.Масарика.

Начавшись в сентябре 1921 г. с нескольких десятков книг, подаренных разными лицами, ее фонды вскоре разрослись до нескольких десятков тысяч экземпляров. Эта библиотека была организована при Земгоре и называлась Русская народная библиотека и читальня. Сопредседателем Земгора был И.А.Якушев, он и взял на себя заботу о библиотеке. Кроме него, в число заведующих входили В.Г.Архангельский и С.Н.Николаев.

Основу книжного фонда составляла беллетристика и справочная литература. Деятельность библиотеки распространялась не только на Прагу, постепенно открылись филиалы в Ричанах, Брно, Брати-славе, Косичах и Ужгороде. Библиотека имела индивидуальных и коллективных читателей и в дальних населенных пунктах Чехословацкой республики. Книги на дом выдавались бесплатно, но за них следовало вносить залог. От залога были освобождены студенты.

Фонды библиотеки, в основном, складывались из книг, приобретаемых Земгором через посредство министерства иностранных дел Чехословакии, а также из книг, переданных в Земгор русскими эмигрантами. В 1926 г. при библиотеке была образована комиссия для комплектования фондов в составе А.А.Кизеветтера, И.И.Лапшина, С.В.Завадского и М.Л.Слонима. В 1930 г. Русской народной библиотеке и читальне Земгора было присвоено имя Т.Г.Масарика²¹.

10 октября 1933 г. возникло общество «Русская библиотека в Праге». В этот день состоялось учредительное собрание, на котором были избраны совет и ревизионная комиссия общества. Совет состоял из девяти человек: председателя - Иозефа Патейдла, первого заместителя - В.Г.Архангельского, второго заместителя и казначея - доктора Штайдлера, секретаря - И.А.Якушева и членов совета - Е.Е.Лазарева, С.Н.Николаева, В.Ф.Булгакова, Н.С.Давида, доктора Гавелки.

Основная задача, стоявшая перед советом общества «Русская библиотека в Праге» заключалась в том, чтобы эта библиотека продолжила свою деятельность независимо от ликвидации Земгора. Для этой цели было необходимо, во-первых, найти средства на ее содержание и, во-вторых, сохранить основной книжный фонд - свыше 24 000 томов.

Первая задача была решена с помощью министерства иностранных дел Чехословакии, от которого в 1933 г. общество получило 2 000 чешских крон для арендной платы за помещение. Тем самым, была устранена опасность вынужденного выселения из занимаемого помещения. В 1934 г. на содержание библиотеки министерство выделило уже 36 000 крон. Кроме этого, в том же году из канцелярии Президента ЧСР библиотека получила еще 5 000 крон. Полученными от МИДа средствами вполне покрывались расходы по содержанию помещения и по пополнению новыми книгами, а пожалованное Президентом пошло на зарплату служащим.

Вторая задача - сохранение в библиотеке основного книжного фонда - решалась сложнее. После ликвидации Земгора книги были выставлены на торги и куплены чешским Легиобанком. Много усилий потребовалось чешским членам совета общества «Русская библиотека в Праге» доктору Патейдлу, депутату Н.С.Давиду, доктору Глосу, чтобы договориться с Легиобанком о передаче книг в библиотеку.

По первоначальному договору этот книжный фонд был предоставлен обществу на условиях аренды из расчета 500 чешских крон в месяц за пользование книгами. На эту меру совет пошел как на временную, в расчете на более радикальное решение вопроса. В конце концов, весь книжный фонд, купленный Легиобанком, и весь библиотечный инвентарь общество приобрело в собственность за 5 000 крон, то есть за сумму меньшую, чем составила бы аренда книг в течение года. Всеми этими мерами обеспечивалась нормальная работа библиотеки.

Для членов совета было важно сохранить за библиотекой имя Т.Г.Масарика, которое было присвоено по случаю ее десятилетней деятельности при Земгоре. После того, как совет убедился, что общее положение библиотеки, нарушенное ликвидацией Земгора, восстановилось, он счел возможным обратиться в канцелярию Президента ЧСР с просьбой сохранить за библиотекой имя Т.Г.Масарика. И такое согласие было получено.

Первоочередные задачи по сохранению библиотеки были выполнены. В дальнейшем следовало приступить к налаживанию внутренней работы библиотеки, что было возложено советом на управляющего библиотекой И.А.Якушева.Его задачи сводились к:

1) привлечению читателей, которые уже успели отвыкнуть от Русской библиотеки. Для этого необходимо было приобретать новые книги, рекламировать фонды библиотеки;

2) розыску как можно большего числа книг бывшей библиотеки Земгора, оказавшихся во многих частных собраниях эмигрантов;

3) координации и направлению деятельности библиотеки как книжного центра русской Праги.

Кроме И.А.Якушева - управляющего, в библиотеке работали всего два сотрудника: В.Г.Мальгина и М.А.Суслин-Кашаев. Г-жа Мальгина работала на выдаче книг, а г-н Суслин-Кашаев вел инвентаризацию и каталогизацию, писал книжные формуляры и пр.

За 1934 г. в библиотеке было 293 рабочих дня (в среднем по 24,5 дня в месяц). Количество посещений за год составило 10 688 (по 40 посещений в день). Выдано книг - 15 604 экземпляров (или 53,3 экз. в день). С января по декабрь количество абонентов увеличилось с 294 до 594, то есть на 202 процента. Обслуживанием читателей занимался один человек, и только во время больших скоплений читателей в приеме и выдаче книг помогал другой сотрудник.

Кроме того, И.А.Якушев с самого начала считал необходимым продолжать обслуживать книгами провинцию. Для этого филиалам бывшей библиотеки Земгора были высланы новые условия обслуживания по минимальной оплате. Филиалы подтвердили свое желание работать с читателями.

Огромная работа была проделана в 1934 г. сотрудниками библиотеки по приему литературы. Всего за год в библиотеку было принято 25 987 книг, каждая из которых была осмотрена и ее качественная отметка занесена в инвентарную книгу. В соответствии с актами приемки и сдачи принятые книги распределились следующим образом: в хорошем состоянии - 1 447 книг (6%), в удовлетворительном - 18491 книга (71%), в плохом - 1 306 и требующих ремонта - 4 000 (всего 20%), подлежащих списанию - 742 книги (3%).

В фонды Русской публичной библиотеки им. Т.Г.Масарика вошли также книги библиотеки Института изучения России и, конечно, покупались новые. За 1934 г. было приобретено 600 новых книг, из них беллетристика и детская литература составляли 50%, справочные издания и журналы - 20%, мемуарная и географическая литература - 10%, литература по специальным наукам, философии и религии - 7%, книги по литературе и искусству - 2%. по чистым и прикладным наукам - 1%²².

1934 год был одним из лучших в деятельности Русской публичной библиотеки в Праге. Со временем год от года материальная помощь ей становилась все меньше, и, наконец, совсем иссякла. В 1938 г. Русская библиотека не смогла собрать нужных средств. То, что было пожертвовано ее небогатыми читателями, составило менее четверти расходов, необходимых для ее существования. Это было концом Русской публичной библиотеки им. Т.Г.Масарика в Праге. В 1940 г. ее книжное собрание пе-

решило в фонды Русского свободного университета, а после Второй мировой войны - в фонды Славянской библиотеки в Праге.

За всеми этими славными культурными начинаниями в тяжелых условиях эмигрантского бытия важно не оставить в забвении имя человека, чья жизнь в эмиграции была посвящена далекой и невозвратной России, имя Ивана Александровича Якушева. Жил он в Праге вместе с женой и дочерью очень бедно, один раз пытался просить Н.К.Рериха помочь средствами на окончание дочерью медицинского факультета, но ответа не получил²³. Больше с подобными просьбами Якушев ни к кому не обращался. Только в письме к бывшему красноярскому адвокату и издателю А.А.Жалудскому в Нью-Йорк как-то горько заметил: «Мое материальное положение невозможное; на всю семью я имею 1000 крон, из них квартира 500 крон. Вот и судите. Сейчас я занят поисками какой-либо работы или службы, но ничего нет, т.к. здесь безработица сказывается сильнее. Начинаю думать об Америке всерьез, но даже на дорогу нет необходимых средств»²⁴.

Те же деньги, которые находились, Иван Александрович расходовал на работу Кабинета изучения Сибири, Русской публичной библиотеки им. Т.Г.Масарика и другие общественные дела. Все это делает личность бывшего председателя Сибирской областной думы, сибиряка-патриота Ивана Александровича Якушева, его работу в эмиграции достойными всяческого уважения и глубокого изучения.

¹ Докашева Е.С. Русский культурно-исторический музей в Праге. - М., 1993. - С.25-26.

² Шклявер Г.П. - управляющий Русским музеем им. Н.К.Рериха в Париже в 1927-1928 гг.

³ ГАРФ. Ф.5869.Оп.1.Д.97.Л.11.

⁴ ГАРФ. Ф.5871.Оп.1.Д.228.Л.14.

⁵ ГАРФ. Ф.5869-5871.

⁶ ГАРФ. Ф.5869.Оп.1.Д.98.Л.3-4.

⁷ Там же.Л.51.

⁸ ГАРФ. Ф.5870.Оп.1.Д.166.Л.22.

⁹ Вольная Сибирь. Общественно-экономический сборник. - Прага, 1927. - Вып.1.

¹⁰ Вольная Сибирь. - 1930. - Вып.8. - С.99.

¹¹ ГАРФ. Ф.5870.Оп.1.Д.166.Л.81.

¹² Сибирский Архив. - Прага, 1929-1935. - №№ 1-5.

¹³ Последние новости (Париж). - 1927. - 13 янв.

¹⁴ Руль (Берлин). - 1927. - 10 февр.

¹⁵ ГАРФ. Ф.5870.Оп.1.Д.163.Л.1-7; Д.166.Л.99.

¹⁶ Там же.Д.158.

¹⁷ ГАРФ. Ф.5871.Оп.1.Д.131.Л.5.

¹⁸ На это издание есть ссылка в архиве И.А.Якушева. См.: ГАРФ. Ф.5871.Оп.1. Д.232.Л.34..

¹⁹ ГАРФ. Ф.5871.Оп.1.Д.130.Л.10.

²⁰ ГАРФ. Ф.5869.Оп.1.Д.97.Л.11.

²¹ Vacek J. Knihy a knihovny, archiv y muzea ruske emigrace v Praze // Slovansky prehled - 1993. - n.1. - s.67-68.

²² ГАРФ. Ф.5871.Оп.1.Д.121.Л.1-4.

²³ Там же.Д.97.Л.13.

²⁴ Там же.Д.232.Л.87.

ХРОНИКА

В редакцию альманаха поступило письмо нашего постоянного подписчика и читателя из Уссурийского края А.Ю.Бушина, в котором он высказывает некоторые соображения по поводу публикаций в первых двух номерах. Мы считаем необходимым привести фрагмент полученного материала.

«В № 1 альманаха в статье Ю.Н.Ципкина «Белое движение в Сибири: люди, идеи, реальность» на с.33 утверждается: «Ижевская и Воткинская бригады... позже влились в Волжский корпус под командованием В.О.Каппеля». Между тем оба формирования никогда в этот корпус не входили: в статье «Западная армия» в энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (М., 1987) на с.214, приведен состав этого корпуса. Ижевцы же числятся в 3 Уральском горном корпусе. Воткинцы вообще входили в состав другой армии - Сибирской (см. соответствующую статью энциклопедии).

Чуть ниже Ю.Н.Ципкин пишет: «За бои на Тоболе Ижевская и Воткинская дивизии были награждены Георгиевскими знаменами». И это не так. В книге П.Н.Дмитриева и К.И.Куликова «Мятеж в Ижевско-Воткинском районе» (Ижевск, 1992), на которую автор ссылается в примечаниях, говорится о том, что А.В.Колчак объявил 9 сентября 1919 г. при посещении Ижевской дивизии о награждении ее таким знаменем. Вручение между тем не состоялось, т.к. знамя еще не было готово. Впоследствии оно находилось в поезде адмирала и перешло вместе с ним в руки иркутских повстанцев. В настоящее время знамя ижевцев (так и не врученное им) находится в Иркутском краеведческом музее.

В № 2 альманаха на с.127 опубликована фотография, где рядом с А.В.Колчаком находится, якобы, генерал М.К.Дитерихс. Есть основание сомневаться в этом. На груди у генерала аксельбант, что свидетельствует об окончании им Академии Генерального штаба (носили аксельбант также адъютанты). М.К.Дитерихс окончил Академию и имел право носить такой аксельбант. Но у него не было ордена Св.Георгия 4-й ст., который никогда не снимается и носится при любой форме одежды на левой стороне груди, старше всех других орденов (согласно Статуту). У генерала с фотографии этот орден есть. Правда, фото не совсем четкое...

С большой долей вероятности (но не окончательно) можно предположить, что это начальник штаба Сибирской армии генерала Р.Гайды - генерал-майор Б.П.Богословский (по описанию А.П.Будберга - «цыганистый бронет»). Но надо проверить и эту версию.

Редакция благодарит автора послания за ценные уточнения и ожидает получения новых заинтересованных писем. Мы уверены, что сообщаем сможем еще на шаг продвинуться по пути восстановления правды о Белом движении.

* * *

В Волгограде в издательстве Волгоградской академии государственной службы вышла в свет монография Ю.Д.Гражданова «Всевеликое Войско Донское в 1918 году». Автор преимущественно на основе уникальных документальных источников «Пражской» коллекции ГАРФ, фондов РГВА. Государственных архивов Ростовской и Волгоградской областей,

материалов периодических изданий и источников личного происхождения попытался осветить практически неизученную проблему становления и существования казачьей государственности на Дону в 1918 году. Автор дает характеристику личности и государственной деятельности П.Н.Краснова, описывает механизм функционирования Всевеликого Войска Донского по важнейшим направлениям: внешней политики, организации государственной системы и внутренней политики. Особое внимание уделено истории создания Донской армии и попытке решения земельного вопроса. Ю.Д.Гражданов пытается разобраться в причинах падения Донского государства, трагедии казачества в Гражданской войне и предлагает свой вариант ответов на эти и другие вопросы.

* * *

В том же издательстве вышла книга Ю.Д.Гражданова и В.Д.Зиминой «Союз орлов: Белое дело России и германская интервенция в 1917 - 1920 гг.». Если о сотрудничестве с державами Антанты в отечественной историографии имеется монографический материал, то германско-фильское Белое дело до сих пор оставалось вне поля зрения исследователей. Кроме того в научных исследованиях, начиная с 1920х годов, доминировало положение о беспринципности белых в вопросах выбора своего международного союзника, что искажало объективную картину происшедшего, в частности, затрудняло ответ на до сих пор актуальный вопрос - почему противники большевизма, имея солидную поддержку европейских государств потерпели поражение в Гражданской войне? В этом отношении представляемая читателю книга выгодно отличается от основного потока современных публикаций. В ее основу положен проблемно-хронологический принцип изложения фактического материала, который позволил авторам, показывая сотрудничество Белого движения с представителями германского интервенционистского командования и дипломатического корпуса, проанализировать механизм функционирования противобольшевистских властей на Украине, в Крыму, на Дону, в Северо-Западном регионе, причем в развитии. Вызывает уважение научная эрудиция исследователей. В монографии использовано огромное количество архивных документов из 15 архивов России и стран СНГ, а также редких и труднодоступных публикаций. Список последних едва ли не исчерпывающий. Отсюда выводы авторов вытекают довольно аргументированными и убедительными.

* * *

В Екатеринбурге опубликована монография С.И.Константинова «Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны». В ней исследуются характер и особенности строительства вооруженных сил противобольшевистских правительств на востоке России. Автор с привлечением богатых архивных материалов исследует обстоятельства выступления чехословацкого корпуса в мае 1918 г., механизм эскалации вооруженной борьбы, показывает процесс создания Народной армии самарского Комуча, армии

Временного Сибирского правительства. В книге рассматриваются некоторые аспекты военного строительства в Русской армии адмирала А.В.Колчака, анализируются причины ее поражения.

* * *

В Архангельске вышла в свет книга «Заброшенные в небытие: интервенция на Русском Севере (1918-1919) глазами ее участников». Расширение доступа к закрытым ранее архивным документам позволило приступить к публикации источников. В 1993 г. был выпущен двухтомный сборник мемуаров и документов «Белый Север». Настоящее издание является органичным продолжением начатого дела. Но если предшествующий сборник был посвящен истории русского антибольшевистского движения, то настоящий - интервенции на Русском Севере. В книге собраны мемуары дипломатов, находившихся в 1917-1918 гг. в России и значительную часть этого времени проживавших в Вологде и Архангельске - посла США Д.Фрэнсиса, посла Франции Ж.Нуланса и секретаря этого же посольства Л.Робиена, главнокомандующего северной экспедицией, британского генерала У.Э.Айронсайда, американского генерала У.П.Ричардсона и лейтенанта армии США, прошедшего всю северную кампанию на линии фронта, Дж.Кьюдахи. Публикуемые мемуары существенно различаются по характеру освещения и оценкам событий и проблем, к которым обращаются авторы, хотя доминирующей тенденцией является стремление объяснить действия союзных держав в России и ее северном регионе. Книга подготовлена профессором В.И.Голдиным при участии американского профессора Дж.Лонга, снабжена иллюстрациями, подробным именованным указателем и комментариями. Возможно получение указанных изданий по почте, наложенным платежом. С заявками обращайтесь по адресу: 163006, г.Архангельск, пр.Ломоносова, дом № 4. Поморский госуниверситет, проректору по научной работе, профессору В.И.Голдину.

* * *

В Комсомольске-на-Амуре, издательстве местного педагогического института вышла книга Л.Н.Долгова «Экономическая политика Гражданской войны: опыт Дальнего Востока России». Часть монографии отведена анализу хозяйственной жизни региона при Белой власти, когда стали восстанавливаться права собственности и свободных рыночных отношений. Большой интерес вызывает также раздел, в котором исследуется политика Дальневосточной республики. Автор считает, что в опыте ДВР можно увидеть попытку механического совмещения приказа и рынка, приспособления несколько либерализованной власти к требованиям последнего. Указывается, что в регионе складывалась своя экономическая политика, позволявшая в экстремальных условиях использовать экономический потенциал и преимущества положения российского Дальнего Востока на принципах рынка. Однако с изменением внутрисоюзной и международной политической и военной конъюнктуры пришлось отказаться от этого в целом интересного экономического эксперимента. В

итоге он стал лишь историческим эпизодом. Автор приходит к выводу, что Дальний Восток волею своей исторической судьбы представлял собой уникальный регион для изучения и сравнения различных моделей экономической политики эпохи Гражданской войны, являлся как бы лабораторией масштабного экономического эксперимента. Книга написана на основе большого количества документов, извлеченных из центральных и местных архивов. Благодаря ей многие ценные источники впервые появляются перед читателем.

Проф. Н.И.Дубинина.

* * *

В Монреале (Канада) в издательстве «Monastery Press» при непосредственном участии редакции «Переключка» (Ричмонд Хилл, США) опубликована монография подпоручика конной артиллерии В.Д.Матасова «Белое движение на Юге России. 1917-1920». Личные воспоминания автора, участника героических походов Добровольческой армии органично переплетаются с глубоко эрудированными исследованиями исторических событий, происходивших на юге России в годы Гражданской войны. Отдельные главы посвящены рассмотрению положения дел на Украине, Первому и Второму Кубанским походам, борьбе на Дону и в Крыму. Книга снабжена богатым приложением, содержащим фотографии и биографические материалы вождей Вооруженных сил Юга России. В конце работы автор отметил, что видел в написании воспоминаний «Долг изгнанников помянуть своих погибших товарищей и поведать потомкам о страшных днях борьбы за Россию, борьбы, где сказался пламенный патриотизм и жертвенность добровольцев во имя Родины».

* * *

В Москве в издательствах «Регnum» - «Российский архив» при участии Парижского Общества Ревнителей Русской Истории издана книга Н.Н.Рутыча «Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (Материалы к истории Белого движения)». Автор, проживающий во Франции историк и публикатор уникальных документов генералов М.В.Алексеева, А.И.Деникина, П.С.Махрова, полковника П.В.Колтышева, протоколов Ясского совещания 1918 г. и др., подготовил первый в своем роде труд. В его предисловии Н.Н.Рутыч пишет: «Прошло три четверти века со времени ухода армии генерала Врангеля из Крыма, но до сих пор ни в России, ни за границей не появилось ни одного биографического справочника участников Белого движения - даже на полковом уровне. Безусловно, в печати не раз появлялись краткие биографии вождей Белого движения - генералов Корнилова, Алексеева, Деникина, Врангеля, адмирала Колчака, генералов Юденича и Миллера, но в то же время даже монументальный труд генерала Деникина - пятитомные «Очерки Русской Смуты» - вышел без именного указателя. Разумеется, мы далеки от какой-либо критики, ибо знаем, в каких убогих условиях создавал свой труд генерал Деникин зи-

мой 1924 г. в летнем бараке на Балатонском озере в Венгрии; в это же время генерал Врангель в течение трех лет безуспешно искал издателя, готового заплатить ему хотя бы самый скромный гонорар за двухтомные «Записки», и в конце концов безвозмездно отдал их в редакцию сборников «Белое дело». Как известно, в Советском Союзе сам замысел такого справочника в течение многих лет являлся преступлением в глазах партии, которая так и не успела восстановить биографии всех репрессированных командиров Красной армии эпохи Гражданской войны». Материалом для составления биографий стал многолетний сбор сведений из российских справочных источников, послужных списков, хранящихся в Центральном государственном военно-историческом архиве и Бахметьевском фонде Колумбийского университета, в частных архивах, мемуарах, зарубежной периодической печати и военных сборниках. В основной части справочника автор приводит 327 биографий высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. Лаконичность изложения, правильное использование военной терминологии, включение цитат и литературных характеристик личности делают монографию доступной и интересной для самого широкого круга читателей.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРАХ

БАРСУКОВА Нина Аркадьевна, учитель русского языка и литературы средней школы № 23 аэропорта Емельяново, г.Красноярска, аспирантка Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН, книговед, изучает историю изданий товарищества «Вольная Сибирь» и другой эмигрантской литературы сибиряков Русской Праги, автор ряда научных публикаций.

ГОЛДИН Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе Поморского международного педагогического университета (г.Архангельск), занимается историей интервенции и антибольшевистского движения на Русском Севере, автор десятков научных публикаций, в том числе ряда монографий.

ДОРОНИН Юрий Петрович, старший преподаватель кафедры общественных наук Качинского высшего военного авиационного училища летчиков (г.Волгоград), адъюнкт Военного университета МО РФ, занимается историей воздушного флота Белых армий в годы Гражданской войны, автор ряда публикаций и докладов на конференциях.

ЕРШОВ Виталий Федорович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Российского государственного гуманитарного университета (г.Москва), изучает историю российской военной эмиграции, автор ряда научных работ и коллективных монографий.

ИВАНОВ Алексей Викторович, аспирант кафедры истории Уральского государственного экономического университета (г.Екатеринбург), занимается проблемами историографии Гражданской войны на Урале, автор нескольких публикаций.

ТАСКАЕВ Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела отечественной истории института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г.Сыктывкар), изучает историю антибольшевистского движения в Коми крае, автор более 30 научных публикаций.

ЦИПКИН Юрий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Хабаровского государственного педагогического университета, специалист по истории Белого движения на Дальнем Востоке, автор более 20 научных публикаций.

ШУШПАНОВ Сергей Георгиевич, корреспондент государственного информационного агентства «Башинформ» (г.Уфа), автор ряда статей по истории Белого движения в Башкирии.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....3

НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

- И в а н о в А.В. К вопросу о причинах антисоветского выступления чехословацкого корпуса в 1918 году..... 7
- Ш у ш п а н о в С.Г. Забытая дивизия (окончание)..... 24
- Д о р о н и н Ю.П. Авиация белых армий на Восточном фронте..... 55
- Т а с к а е в М.В. Печорский фронт в 1919 году..... 74

В БЕЛОМ ТЫЛУ

- Ц и п к и н Ю.Н. Приморье: последний оплот Белого движения в России (1920-1922 гг.)..... 99

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

- Г о л д и н В.И. Николай Чайковский в революции и контрреволюции.....121

ЖИЗНЬ В ЭМИГРАЦИИ

- Е р ш о в В.Ф. Белые армии за рубежом: планы реванша. Военно-политические доктрины российской военной эмиграции в 1920-1930е годы..... 141
- Б а р с у к о в а Н.А. Издательская и культурно-просветительская деятельность председателя Общества сибиряков в Чехословакии Ивана Александровича Якушева..... 155
- Х р о н и к а 165
- Н е с к о л ь к о с л о в о б а в т о р а х.....172

БЕЛАЯ АРМИЯ. БЕЛОЕ ДЕЛО.
Исторический научно-популярный альманах № 4.

Ответственный редактор Дмитриева Т.В.
Художник Сакнынь Ю.П.

Подписано в печать 5.01.98 г. Формат бум. 70x108 1/16. Бумага книжно-журнальная. Ризография. Усл. печ. листов 15,6. Тираж 800 экз. Заказ № 4
ЗАО «УМЦ УПИ». 620002, г.Екатеринбург, ул. Мира, 17

